

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

CARNEGIE ENDOWMENT

FOR INTERNATIONAL PEACE

РОССПЭН

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

АЛЕКСЕЙ МАЛАШЕНКО

**Рамзан Кадыров:
российский политик
кавказской национальности**

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ
CARNEGIE ENDOWMENT

FOR INTERNATIONAL PEACE

Москва
РОССПЭН
2009

УДК 94(470+571)(470.661)

ББК 66.3(2Рос.Чеч)

М18

Рецензент доктор исторических наук,
профессор И. Д. Звягельская

Книга подготовлена в рамках программы, осуществляемой некоммерческой неправительственной исследовательской организацией — Московским Центром Карнеги при поддержке благотворительного фонда Carnegie Corporation of New York.

В книге отражены личные взгляды автора, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

Научно-техническое обеспечение — Кристина Кудлаенко.

Ramzan Kadyrov. The Chechen version of Russian authoritarianism.

Электронная версия: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/books>.

Малашенко А.

М18 Рамзан Кадыров: российский политик кавказской национальности / Алексей Малашенко ; Моск. Центр Карнеги. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. — 150 с.

ISBN 987–5–8243–1212–6

В книге говорится о нынешней ситуации в Чечне, о политике чеченского президента Рамзана Кадырова, мнения о котором чрезвычайно сильно расходятся. Одни считают его восстановителем Чечни, другие предъявляют обвинения в преступлениях, нарушении прав человека. С одной стороны, Чечня — уникальный субъект Российской Федерации, дважды восставший с центром за независимость, с другой — сложившаяся там система вписывается в общероссийскую политическую панораму. Отношения между Грозным и Москвой в огромной степени определяются неформальными отношениями между премьером России и президентом Чечни. Это предопределило диктаторский характер власти Рамзана Кадырова. Однако в то же время это в каком-то смысле делает Кремль заложником его чеченского ставленника.

УДК 94(470+571)(470.661)

ББК 66.3(2Рос.Чеч)

ISBN 987–5–8243–1212–6

© Carnegie Endowment for International Peace, 2009

© Российская политическая энциклопедия, 2009

Об авторе	7
Предисловие	9
Глава 1. Как закалялся президент	11
Глава 2. Между Чечней и Москвой	29
Глава 3. Рамзан начинает и выигрывает	51
Глава 4. Штрихи к портрету	85
Глава 5. Рамзан и ислам	93
Глава 6. На Кавказе и в мусульманском мире	119
Заключение. Что день грядущий готовит Рамзану?	133
Библиография	139
Summary	143
О Фонде Карнеги	149

TABLE OF CONTENTS

About Author	7
Forward	9
Chapter 1. The Making of a President	11
Chapter 2. Between Chechnya and Moscow	29
Chapter 3. Ramzan Starts and Wins	51
Chapter 4. Some Strokes to the Portrait	85
Chapter 5. Ramzan and Islam	93
Chapter 6. In the Caucasus and in the Muslim World	119
Conclusion: What Does Tomorrow Hold for Ramzan?	133
Bibliography	139
Summary (in English)	143
About the Carnegie Endowment	149

Алексей Всеволодович Малащенко — доктор исторических наук, профессор, член научного совета Московского Центра Карнеги, сопредседатель программы «Религия, общество и безопасность». В 1974 г. окончил Институт стран Азии и Африки при Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова. Автор 14 монографий, в том числе: «В поисках альтернативы» (М., 1991), «Islam in Central Asia» (совместно с Л. Р. Полонской, Reading, 1994), «Мусульманский мир СНГ» (М., 1996), «Исламское возрождение в современной России» (М., 1998), «Исламские ориентиры Северного Кавказа» (М., 2001), «Время Юга: Россия в Чечне, Чечня в России» (совместно с Д. В. Трениным, М., 2002), «Russia's Restless Frontiers: The Chechnya Factor in Post-Soviet Russia» (совместно с Д. В. Трениным, Washington D.C., 2003), «Исламская альтернатива и исламистский проект» (М., 2006), «Ислам для России» (М., 2007).

Писать о ныне здравствующих политиках непросто. Может быть, лучше о них вообще не писать. В России хвалить влиятельного живого политика — лакейство. Ругать его опасно — можно получить сдачи. Публично оценивать человека, с которым ты говоришь даже по телефону, с которым встречаешься, — нетактично. Если ты не журналист, то встречаться со своим «героем» до того, как написал о нем, не следует. Автору живой персонаж, о котором он собирается писать, должен представляться «отстраненным субъектом». И писать о «субъекте» он должен так, как физик пишет об атоме, химик — о веществе, ботаник — о траве. Ничего личного.

Еще одна проблема — уйти от эмоциональных оценок. Понятно, о том, чтобы, подобно чеченской прессе, славословить Рамзана Кадырова, речь не шла. Столь же важно не впадать в тотальную критику — отыщите в чеченском конфликте хотя бы одного ангела...

Как при судействе фигурного катания, я старался отбрасывать крайние оценки.

На кого рассчитана эта небольшая книга? На коллег, на всех, кто интересуется политикой. На российского читателя, но также и на читателя зарубежного — европейца и американца, которые зачастую продолжают смотреть на Чечню как на территорию реального освободительного движения и испытывают на себе действие магии чеченской эмиграции. В 2006 г. на конференции в Праге я слы-

шал выступление депутата чешского парламента, который серьезно рассуждал о перспективе создания независимого чеченского государства.

Труден был отбор материала: пресса, научные статьи, личные встречи. Не могу поручиться за абсолютную точность фактуры. Зато, сопоставляя факты, я убедился в высоком профессионализме большинства журналистов.

И последнее. Неоценимую помощь в работе оказала Кристина Кудлаенко, сотрудница Московского Центра Карнеги, которая работает вместе со мной по программе «Религия, общество и безопасность».

ГЛАВА 1

Как закалялся президент

Судороги СССР, скоропостижное, в каком-то смысле алогичное появление новых и шатких государств, рост общей нервозности, агрессивности — все это породило плеяду незаурядных политиков, людей с нестандартным мышлением, претендовавших на харизму, склонных к авантюрам. Простой перечень политических *личностей* занял бы целую страницу. Проявили себя яркие самородки и на Северном Кавказе, что, учитывая целый букет разноцветных, часто окрашенных в багровые тона конфликтов, многие из которых не увяли и по сей день, легко объяснить. Среди них и президент Ингушетии Руслан Аушев, и его осетинский визави Ахсарбек Галазов, и депутат Госдумы Гаджи Махачев, и мэр Махачкалы Саид Амиров, к ним примыкает и президент Калмыкии Кирсан Илюмжинов... Целую шеренгу политиков — в их числе основатель Партии исламского возрождения Ахмадкadi Ахтаев, глава Союза мусульман России, депутат Госдумы Надиршах Хачилаев, идеолог мусульманского радикализма Багаутдин Кебедов — выстроил ислам, который неотделим от политики, а ныне на Северном Кавказе особенно.

Каждый политик склонен к вождизму, каждый верит, что действует в интересах нации, каждый честолюбив и, как светская красавица, падок на комплименты. В каждом притаился и готов вырваться на волю гангстер. Каждый хочет остаться в истории. Но, как верно заметил персонаж фильма «Доживем до понедельника», от большинства остается только тире между двумя датами.

Больше всего политических «виртуозов» подарила Чечня, что было следствием ее национальной и человеческой трагедии, расколотости общества в результате двух войн.

Чечня — маленькая страна. Двадцать лет назад мало кто вообще знал о ее существовании. Ныне эта республика, население которой (свыше миллиона человек) соотносимо с численностью жителей областного российского города, располагается в паутине политических интриг, причем не только собственно российских.

В России, в мире не только эксперты и политики, но и обыватели имеют собственное мнение о Чечне и полагают, что способны правильно понять Джохара Дудаева, Аслана Масхадова, Шамиля Басаева, Ахмата-хаджи Кадырова и его сына Рамзана (упомянем и Руслана Хасбулатова, который стал первым чеченским политиком федерального уровня).

Все они, в том числе даже Басаев, которого при всей его склонности к терроризму все же можно отнести по ведомству политики, когда-нибудь получат объективные, а не идеологизированные характеристики и займут свое место в истории. Это относится и к отцу и сыну Кадыровым, которых одни считают спасителями Чечни, а другие — бандитами, душителями свобод и прислужниками Кремля.

С 2004 г. ключевой фигурой в Чечне, самым заметным персонажем Северного Кавказа, более того, почти политическим тяжеловесом федерального уровня стал Рамзан Кадыров, чаще именуемый просто по имени — Рамзан. Так зовут его сами чеченцы, журналисты, политики. Даже в научных публикациях «Рамзан» встречается чаще, чем «Рамзан Кадыров».

Среди чеченского «политического класса», доля которого в обществе необычайно велика (порой кажется, что в Чечне в него включено большинство мужского населения ¹), привычно называть местных политических акторов по именам, точно так же, как к ним обращаются в быту. Басаев был Шамилем, Масхадов — Асланом, а Кадыров-старший — Ахматом, затем — Ахматом-хаджи. В таком обращении нет па-

нибратства, но угадывается отношение равного с равным. Чеченец остро ощущает себя причастным к судьбе родины и часто полагает, что при иных обстоятельствах его роль могла стать не меньше, чем роль признанных вождей.

Оставаясь общечеченским делом, политика становилась делом «частным», ее пытались «приватизировать» тысячи, если не десятки тысяч людей, и каждый считал, что именно он изрекал истину в последней инстанции, а судьба Чечни могла стать иной, если бы учли его единственно правильное мнение. Все были на «ты» с политикой и на «ты» друг с другом.

Мне не раз доводилось слышать от чеченских друзей и знакомых рассказы о том, как они давали советы Дудаеву, спорили с Масхадовым, как пытались воздействовать на Басаева, в чем-то убеждали Ахмата-хаджи. Подобные повествования обычно заканчивались сакраментальной фразой: «Говорил я ему, а он меня не послушал, вот и вышло черт знает что...».

Обращение бывшего президента России, а ныне премьера Путина к президенту Чечни «Рамзан Ахматович» звучит неуместно и даже фальшиво. С другой стороны, трудно представить, как иначе может обратиться российский лидер к чеченскому.

В мире обычай называть политиков по именам не получил широкого распространения. Но несколько исключений есть. Просто Саддамом именовали иракского диктатора Саддама Хусейна, главного кубинского революционера звали Фиделем, французский генерал Бонапарт привычно упоминается как Наполеон. Так что Рамзан оказался в солидной компании (еще по именам звали царей, императоров, но их нумеровали, тем самым сразу выделяя из обычной политической парадигмы).

Чеченского президента зовут Рамзаном еще и в силу его молодости (правда, уже относительной). Возраст Рамзана, ставшего президентом в 30, бывшим неформальным главой республики еще в 28, — не исключение, тем более

не политическое чудо. В мусульманском мире такие случаи не столь уж редки. В 27 лет стал главой Ливии Муаммар Каддафи, египтянин Гамаль Абдель Насер совершил революцию в 34, в 32 года на финишную президентскую прямую вышел Саддам Хусейн (заявив в 1969 г. пост заместителя председателя Совета революционного командования), в 35 стал президентом Сирии Башар Асад. Молодежь, как минимум на первых порах, действовала успешно и быстро добивалась влияния и авторитета в обществе. Так что молодость Рамзана Кадырова в его политической карьере скорее плюс, чем минус.

Рамзан — сын своего времени, сын Чечни и сын своей большой родины, России. Его непросто классифицировать как политика, присвоив какое-то одно-единственное определение. Он относится к тому разряду лидеров, поведение которых в наибольшей степени детерминировано внешними и внутренними обстоятельствами. В его облике на первое место выходит личностно-ситуативный фактор.

В соответствии с классификацией американской ученой Маргарет Дж. Херман Рамзан обладает чертами лидера-пожарного, способного действовать в кризисных ситуациях, «знаменосца», пользующегося авторитетом в обществе, в меньшей степени «торговца», способного убеждать и приобщать людей к осуществлению своих планов и готового во имя этого идти на уступки. Согласно другой классификации, принадлежащей американскому политологу К. Ходжкинстону, Рамзан в первую очередь лидер-карьерист, заинтересованный прежде всего в личном успехе, причем не только в политическом, но и в собственном материальном благополучии.

К Рамзану приложима и классификация политического лидерства Макса Вебера (традиционный, рационально-легальный и харизматический типы). Ему присущи черты всех этих типов.

Рамзан не похож на лидера чеченских сепаратистов Джохара Дудаева, который выглядел скорее политиком-

романтиком и действовал, особенно в первое время, во имя неких идеалов. Зато черты романтизма были присущи Ахмату-хаджи, понимавшему, какую непосильную и рискованную ношу он взвалил на свои плечи. Роднит их то, что и Дудаев, и Ахмат-хаджи, как и подобает политическим романтикам, умерли не своей смертью.

Рамзан — ярко выраженный этнонациональный лидер, его цель — сохранение и возвеличивание своего этноса любыми *возможными* средствами. Он националист-прагматик, это определяет его поступки и приносит ему успех как внутри чеченского общества, так и в отношениях с федеральным центром. Здесь напрашивается сопоставление с Дудаевым, который также был этнонационалистом, но, сделав ставку на сепаратизм, не сумел достичь своей главной цели. Сопоставление Рамзана (и Ахмата-хаджи) с Дудаевым любопытно экстраполировать на ситуации, в которых им довелось действовать. У Кадыровых и Дудаева были разные контрагенты — президенты России.

Отчаянному Дудаеву противостоял не менее импульсивный Ельцин. Оба пришли к власти на гребне революционной волны. Российская Федерация и ее субъект Чечня находились в перманентном кризисе, обстановка стремительно менялась и требовала быстрых решений. Причем успех этих решений порой зависел не от их продуманности, а от быстроты исполнения. Опасность зачастую исходила не столько от некомпетентности, сколько от промедления. Страной и обществом правили эмоции. В ходу был национализм, бурлила непредсказуемая российская демократия. Оба, и Ельцин, и Дудаев, управляли *ранее неведомыми* им странами: один — новой Россией, другой — националистической полунезависимой Чечней. Оба боролись за выживание, и собственное, и своего государства. Несмотря на несравнимость политического и военного потенциалов, они видели друг в друге соперников. Причем по мере развития событий Ельцин все больше ощущал свою слабость, в то время как Дудаев в собственных глазах выглядел Давидом,

способным одолеть Голиафа. Оба изначально принимали самостоятельные решения.

Ельцин и Дудаев пришли к власти через революцию (мятеж), восхождение Рамзана и его отца напоминает приход Владимира Путина. Ранее Путин не претендовал на грандиозную политическую карьеру. Он был введен в политику на определенных условиях, для выполнения некой функции, и поначалу его возможности были ограничены. Однако в силу объективных обстоятельств (между прочим, благодаря улучшению ситуации в Чечне) ему удалось сформировать собственное политическое кредо и обрести свободу маневра, конечно, насколько это было возможно в рамках существовавшей системы.

Ахмат-хаджи, а вслед за ним и Рамзан также взошли на политическую вершину не самостоятельно. К власти их привели уже на подготовленное поле. Один был «ставленник», другой — наследник. Оба действовали в достаточно предсказуемой ситуации. Оба выполняли возложенную на них миссию, и их самостоятельность ограничивалась поставленной задачей. Зато в рамках этой задачи они имели возможность действовать вполне единовластно. Ахмат-хаджи и Рамзан (последний в большей степени) должны были доказывать свое право на роль политика.

Ситуации, в которых действовали Ельцин и Дудаев, Путин и Кадыровы, различались принципиально. В начале 2000-х годов экономическое положение России улучшилось, была достигнута политическая стабильность. В Чечне был пройден пик конфликта, вторая война шла к завершению, а уставшее общество как никогда жаждало покоя и мира. Сепаратизм, реальная угроза которого преувеличивалась российскими и зарубежными экспертами, себя почти исчерпал.

Дуэт Кадыровых и Путин соответствовали друг другу, они, каждый по-своему, выполняли сходные задачи — не взаимного противостояния (как это было при Ельцине и Дудаеве), а поиска согласия, взаимодействия с целью преодоления кризиса.

Если Ельцин и Дудаев выглядели в каком-то смысле равнозначными противниками, то в «партнерской паре» Кадыровы — Путин превосходство изначально было за президентом России. Отец и сын Кадыровы становились вторичными политиками с чиновничьими обязанностями, но все-таки не просто исполняющими волю московских начальников. Определение «политик-чиновник» применимо ко всем главам российских субъектов Федерации. К исключениям, и то частичным, можно отнести президента Татарстана Минтимера Шаймиева и московского мэра Юрия Лужкова, которые завоевали популярность и авторитет своими силами, с чем не могут не считаться даже нынешние создатели путинской «вертикали власти».

К Кадыровым критерии и характеристики политического лидера в полной мере применимы быть не могут, поскольку своим лидерством они в большей степени обязаны поддержке Центра и к власти пришли, не затратив усилий на получение поддержки общества.

Рамзан Кадыров идеально вписывается в российский политический ландшафт. Он полностью конгруэнтен феномену, который политолог Андрей Рябов называет возрождением «феодальной архаики», поразившим всю отечественную политическую систему. Для этого явления характерны слабость политических институтов, широкое использование административно-силовых методов, существование системы привилегий, гипертрофия личных «неформальных связей», т. е. система личной зависимости и пр.²

На Северном Кавказе, в Чечне «феодализация» просматривается еще более рельефно, поскольку общество всегда оставалось полутрадиционным, и отношения внутри него, а также между обществом и властью регулировались с учетом традиционных норм. Сегодня ретрадиционализации способствуют обрушение современного экономического сектора, упадок образования, миграция русского населения. Составной частью реконструкции архаики стала реисламизация.

Существующие в России неисполнение законов, телефонное право, зависимость судов от исполнительной власти, наконец, коррупция удваиваются и утраиваются в полутрадиционном обществе, где родовые и прочие неофициальные связи заменяют закон, а nepотизм становится естественной нормой общественного и политического бытия. Кстати, отсюда следуют трудности в приспособлении к нынешней жизни многих чеченцев, которые при советской власти привыкли действовать по двойным стандартам — советским законам и местным обычаям. Законы в советские времена все-таки действовали, и люди в провинции имели возможность апеллировать прямо к центру, минуя непосредственных начальников. Отсюда и страх перед Рамзаном, который по отношению к своим «подданным» действует без оглядки на Москву.

Одной из издержек квазифеодальной системы является возникновение дополнительной угрозы, проистекающей из персонификации политических отношений. Личностный конфликт не просто усиливает конфликт политический, а иногда его чуть ли не вызывает. Это может стать решающим фактором. Приведем лишь два эпизода. Накануне первой чеченской войны, по словам тонко разбиравшегося в ситуации Минтимера Шаймиева, Борис Ельцин был готов к переговорам с Дудаевым, но тут ему передали, что Дудаев негативно о нем отозвался³. Взаимная личная неприязнь Путина и Саакашвили способствовала возникновению российско-грузинской войны — известны саркастические высказывания грузинского президента относительно российского визави, впоследствии ответившего ему еще более грубым «алаверды». Панорама Чечни складывается из десятков и сотен эпизодов — перебранок, скандалов, даже драк, очень сильно влияющих, в отдельных случаях даже определяющим образом, на характер отношений между главными политическими фигурами республики, кланами, группами интересов.

Рамзан оказался в политике случайно. До гибели отца у него не было никакой политической биографии. Зрелые

мужи, годящиеся Рамзану в отцы, прошедшие через две войны, пользующиеся авторитетом в Чечне и в Москве, воспринимают президентство Рамзана как неожиданно выброшенный ему судьбой жребий. К моменту прихода к власти у него не было никаких заслуг перед нацией, которая знала его только как сына главы чеченской администрации, вскоре ставшего президентом республики. Единственной причиной его внезапного возвышения явилось ближайшее родство с президентом.

Политическая семейственность стала заурядным явлением. Джордж Буш-младший наследовал президентство от отца, Гейдар Алиев открыто готовил себе в преемники своего сына Ильхама, сирийский президент Хафез Асад — своего сына Башара. Вспомним уникальное индийское семейство Ганди, пакистанскую фамилию Бхутто, северокорейскую триаду Ким Ир Сен — Ким Чен Ир — Ким Чен Ин, братьев Качиньских в Польше... В большинстве случаев это не вызывает большого недоумения, и никто даже не намекает на отход от норм демократии. Главное, насколько наследники оказываются подготовленными к политическому наследию. Рамзан вошел в политику как нож в масло. Нельзя не признать и то, что этот баловень судьбы оказался способен раскрыть свои очевидные таланты, будь они со знаком «плюс» или «минус».

(Впрочем, многие помнят, что 9 мая 2004 г. вместе с Ахматов-хаджи на грозненском стадионе «Динамо» погиб председатель Государственного совета Чечни Хусейн Исаев, искушенный политик, по выражению журналиста Вадима Речкалова, с «до блеска ограненным светским образованием». Речкалов считал Исаева «потенциальным преемником» Кадырова-старшего⁴. Подобная постановка вопроса очень провокативна, но если бы Исаев остался жив, политический ландшафт Чечни мог бы выглядеть несколько иначе...)

Обстановка в Чечне сопоставима с общероссийской ситуацией, где власть монополизировали «питерские», клан которых стремительно сформировался на основе общего

географического происхождения, общей профессии и личных связей, а изначально — персональной преданности Владимиру Путину. В этом отношении Путин и его команда похожи на днепропетровский клан Леонида Брежнева, где главным достоинством при продвижении вверх были близкие отношения с вождем, а отнюдь не профессиональные качества.

Рамзан формирует свое ближнее окружение по тому же, «путинскому» принципу. Но ему труднее. Круг его соратников малочислен, а уровень их профессионализма далек от желаемого. Выбор у него невелик. Чечня — страна маленькая, и потому родственные связи здесь встречаются практически на каждом шагу. Едва ли ни каждый чеченец может оказаться в дальнем родстве с Рамзаном (как и с Дудаевым, Ямадаевыми и прочими известными фигурами). Поэтому политическое доверие по родственной линии не может быть полноценным. Не может быть полного доверия и на основе тейповой принадлежности ⁵. В Чечне примерно 135 тейпов ⁶, крупнейший из которых — бено, к которому принадлежат 70—80 тыс. человек.

Рамзан как-то сказал: «Я простой сельский парень, я свой народ понимаю и знаю, чего он хочет»⁷. Рамзан действительно сельский парень, однако и сам он, и его окружение, и, что особенно важно, Кремль прекрасно понимают: он хоть парень и сельский, но не простой.

Рамзан родился в селении Центорой (примерно час езды от Грозного) в 1976 г. В 1990—1991 гг. ему было пятнадцать лет, в 1994-м, в год начала первой чеченской войны, — восемнадцать. Характер и мировоззрение Рамзана формировались в обстановке распада СССР, политической и житейской неопределенности. Советская держава оставалась памятью детства. Реальностью была слабая Россия, которая могла повторить судьбу СССР. На бывшем советском пространстве утверждался этнонационализм. Валерий Тишков называет такой национализм в национальных анклавах России периферийным ⁸. И это правильно. Однако, будучи

периферийным на федеральном уровне, этнонационализм становился одним из главных, а с учетом активности его носителей самым ярким и притягательным направлением в локальных идеологиях. Он присутствовал везде, но внушительнее всего выглядел в Чечне и Татарстане. Причем если в Татарстане его использовали прагматики для достижения больших прав и полномочий в отношениях с центром, то в Чечне он стремительно революционизировался, становясь идеологией борьбы за независимость. В результате национализм в Татарстане привел к подписанию с Россией в 1994 г. Договора о взаимном делегировании полномочий, а в Чечне стал одной из причин войны.

Чеченский этнонационализм поставил перед собой эффектную цель — независимость, и в условиях возникновения множества новых самостоятельных государств это казалось вполне возможным. Далеко не все чеченское общество откликнулось на призыв к независимости. Скорее всего, его вообще поддерживало меньшинство. Однако слово было произнесено.

Среди революционеров-сепаратистов было множество растерянных дезориентированных людей. Были политики, не вполне сознававшие, каким образом независимость может быть обретаема. Но было и немало прагматиков, понимавших, что у них появился уникальный шанс использовать эту идею для собственной «раскрутки». Одни полагали, что достичь независимости с учетом слабости России при поддержке зарубежных союзников на самом деле возможно. Другие считали противостояние с Россией средством добиться от нее максимальной автономии.

Слово «суверенитет» толковалось двояко, фактически оно было альтернативой независимости. Борис Ельцин обещал республикам столько суверенитета, сколько они «смогут проглотить», но он отнюдь не отождествлял «большой суверенитет» с национальной независимостью.

Рамзан существовал в этой неразберихе, правильно разобраться в которой было не под силу и зрелым, уже

сформировавшимся деятелям. Он любовался политическим триллером, в котором жил, внимая отцу, действительно поверившему в успех генерала Дудаева. Сын верил отцу, тем более что тот обладал даром убеждения. Биография Ахмата-хаджи поначалу была непритязательной. Он родился в 1951 г. в Караганде, в 1957-м переехал в Чечено-Ингушетию, в 1968-м учился на комбайнера, с 1969-м работал в совхозе, а потом в строительных организациях за пределами Чечни (в центральной России и Сибири). Затем жизнь сделала крутой поворот: ему, единственному из чеченцев, удалось попасть в знаменитое бухарское медресе Мир-Араб⁹, далее он обучался в Ташкентском исламском институте, а потом на шариатском факультете Иорданского университета. В результате Ахмат-хаджи стал убежденным и для своего времени очень грамотным священнослужителем.

Заняв в 1993 г. должность заместителя муфтия, а в 1995 г. верховного муфтия мятежной Ичкерии (назначение состоялось во время совещания полевых командиров), он не стал пешкой в руках Дудаева. Поддерживая главного мятежника вполне осознанно, он играл самостоятельную игру. Еще более независимо Ахмат-хаджи держал себя с его преемником Асланом Масхадовым. Их объединяли ненависть и страх перед набравшими силу ваххабитами. Однако в отличие от Масхадова, который был вынужден считаться с мнением вождя исламских радикалов Шамиля Басаева, Ахмат-хаджи проявлял бóльшую последовательность. С августа 1999 г. он полностью отошел от Басаева, выступил против вторжения его отрядов в Дагестан, заодно провозгласив три района Чечни — Гудермесский, Курчалоевский и Ножайюртовский — «свободными от ваххабизма». В октябре того же года Масхадов объявил Кадырова «врагом чеченского народа».

После назначения Путиным в 2003 г. Ахмата-хаджи главой администрации Чечни его не раз упрекали в прессе, что это он объявил джихад России. Ахмат-хаджи по этому поводу дал четкое и честное объяснение. В конце

1994 г. джихад был объявлен тогдашним ичкерийским муфтием Алсабековым. Сам же Ахмат-хаджи в апреле 1995 г. на съезде Конгресса чеченского народа в Шатое «...поднял всех на военные действия... И утвердил джихад». В 1998 г., по его признанию, он понял, что заблуждался¹⁰. Кстати, первым совет работать с Ахматом-хаджи дал Кремлю разбивавшийся в кавказских делах известный политик, бывший председатель Совета национальностей Верховного Совета СССР Рамазан Абдулатипов.

Говорилось и о сотрудничестве Ахмата-хаджи с Комитетом государственной безопасности СССР. Действительно, он получил возможность учиться в Ташкентском исламском институте, а при советской власти без санкции КПСС и КГБ это было невозможно¹¹. Однако такого рода разрешения отнюдь не были тождественны прямому сотрудничеству с «органами». Порой согласие на сотрудничество было условием для карьеры священнослужителя, а «агент» честно и достойно выполнял свою религиозную и духовную миссию. Стремление обусловить последующую российскую карьеру Ахмата-хаджи его работой на КГБ выглядит искусственным. Он был искренен, когда призывал к джихаду против России, и столь же искренен, когда, перейдя на сторону федералов, боролся с ваххабитами.

Разделение сепаратистов на ваххабитов и приверженцев традиционного ислама было одной из главнейших причин краха идеи создания независимой Ичкерии. Ваххабиты раскололи не только чеченское общество, но и чеченское сопротивление. Сделав ставку на ваххабитский ислам, на создание исламского государства, Шамиль Басаев недооценил (или переоценил, что в данном случае одно и то же) религиозный фактор. После провала в 1999 г. его операции в Дагестане, которую не поддержал Аслан Масхадов, Басаев стал утрачивать ореол удачливого религиозно-политического вождя, способного повести за собой мусульман и переломить в свою пользу ситуацию в Чечне и Дагестане. Уход от него Ахмата Кадырова был наглядным тому свидетельством.

Поставив Ахмата-хаджи во главе республики, Москва признала, что готова опереться на традиционную, консервативную составляющую чеченского общества, что политик, воспитанный в современном духе, не в состоянии возглавить Чечню, навести там порядок и при этом сохранять лояльность центру. Она продемонстрировала заинтересованность в лояльном традиционалисте, косвенно давая понять, что модернизация чеченского общества не является ее приоритетом. Это был тактический ход, но за ним угадывалась общая политическая стратегия. Вопрос, насколько бывший дудаевский муфтий мог в течение длительного времени и полностью контролировать ситуацию и объединить общество, остался открытым — Кадыров-старший ушел из жизни слишком рано.

Шамиль Бено, бывший при Дудаеве министром иностранных дел, а затем всерьез увлекшийся политической аналитикой, уверен, что Дудаев был «коммунистом, советским человеком до мозга костей», что он «шел вразрез с демократическими ценностями организации общественной системы»¹². Специалист по Кавказу Яков Гордин считает, что «генерал советской армии Дудаев, а затем полковник той же армии Масхадов пытались строить отнюдь не общественную утопию, а некий сколок с европейского государства со всеми его атрибутами, совместив это с некоторыми атрибутами традиционности»¹³. Думается, в обоих суждениях есть преувеличение. Скорее всего ни тот, ни другой вообще толком не представляли, что собираются строить. Дудаев видел независимую Чечню «кавказским Кувейтом» и был в этом не оригинален. О «туркменском Кувейте» мечтал Туркменбаши, о «памирской Швейцарии» — президент Таджикистана Эмомали Рахмонов. И уж во всяком случае «коммунист» Дудаев ни в коем случае не считал возможным возврат Чечни к коммунизму.

Возможно, более конкретное видение будущего было присуще Шамилю Басаеву, который полагал, что при постоянной помощи извне можно построить что-то вроде

исламского государства. Однако и главный полевой командир, который всю свою короткую жизнь оставался прагматиком, вряд ли считал возможным создание аналога таалибского режима у границ России. Наверное, в какой-то момент в нем возобладал фанатизм, и он уверовал в такую возможность, но после дагестанской авантюры 1999 г. невозможность сотворения исламского государства стала совершенно очевидной.

Вряд ли у Ахмата-хаджи было особое, оригинальное видение будущего Чечни. Он прежде всего выполнял задачу, поставленную перед ним Кремлем, зато осознавал личную ответственность перед народом, причем это чувство нарастало по мере постижения глубины тех проблем, с которыми предстояло столкнуться. У него не было ни времени, ни желания теоретизировать. Он сделал упор на то, чтобы добиться права самостоятельно решать местные проблемы и самому распоряжаться поступавшими из центра финансовыми средствами, он хотел минимизировать вмешательство в свои дела федеральных силовых структур.

Будучи непримиримым к ваххабитам (что стало главной причиной, побудившей его перейти на сторону центра), Ахмат-хаджи был уверен в возможности противопоставить им традиционный ислам, сделав на него ставку как на основу идеологии и стержень национальной консолидации. Сам он этого сделать не успел, но передал эстафету Рамзану.

Атмосфера кадыровской семьи была пропитана религиозностью, причем религиозностью особого рода, в которой доминировал традиционный чеченский ислам. Рамзан участвовал в зикрах¹⁴, в которых поначалу большинство составляли старики. По свидетельству очевидцев, «омоложение» зикров началось уже в первую чеченскую войну. Импульсивно передвигающиеся по кругу (его диаметр может достигать десятков метров) и выкрикивающие слова молитвы мужчины символизируют внутреннюю сплоченность и приверженность Аллаху. «Громкий» зикр создает соответствующий экстатический настрой, высвобождает энергию.

Это традиция тариката (братства) Кадирийя, он более эмоционален, чем «тихий» зикр другого влиятельного на Северном Кавказе тариката — Накшбандийя.

Рамзан не имел за спиной приличного образования. Вряд ли в Центрое даже в советские времена хорошо учили. Сельская школа всегда проигрывала по сравнению с городской, причем уровень образования постоянно снижался. На этом фоне все большее значение приобретало знание истории чеченского народа, его традиций, культуры и религии. За спиной Рамзана нет и советского жизненного опыта — профессионального, психологического, не говоря уже о политическом. Он принадлежит к *несоветскому* поколению. Ценности недавнего прошлого, которые так или иначе имели значение и для генерала Дудаева, и для Ахмата-хаджи, Кадырову-младшему просто непонятны. Для него остающаяся в сознании старшего поколения культовой победа в Великой Отечественной войне — по большому счету пустой звук. В мировоззрении пережившей недавнее потрясение кавказской молодежи она не занимает значимого места. Эта война ассоциируется с депортацией 1944 г., которая навсегда останется одной из двух важнейших вех недавней чеченской истории. Вторая веха — война за независимость от России, которую в Чечне не считают проигранной. Не это ли было одной из причин, по которым в 2008 г. он так легко переименовал проспект Победы в проспект Путина?

Мечеть, зикры, знакомство с популярной религиозной литературой, а главное — разговоры с отцом культивировали в Рамзане отношение к религии как к идеологии борьбы. Ислам становился тождественным джихаду. Рамзан, служивший начальником охраны муфтия, а затем главы чеченской администрации (т. е. своего отца), не мог воспринимать ислам вне политики.

В судьбе каждого молодого человека, особенно попадающего в острую кризисную ситуацию или постоянно живущего в ней, наступает время самоидентификации —

будет он отдаляться или вообще отказываться от тех заповедей, на которых был воспитан, либо станет не только их продолжателем, но и пойдет дальше наставников. Через это состояние проходили почти все амбициозные люди — в творчестве, в политике. У Рамзана выбора не было — ни политического, ни психологического, ни, собственно говоря, карьерного. После убийства отца он становился его наследником не только в политике, но и в религии.

В судьбе Рамзана отразилась многосложная, уникальная история чеченского народа последних 70 лет. Он продукт полураспада и советского, и традиционного общества. Его взгляд на мир сложился под влиянием казавшихся прежде невозможными ситуаций и процессов — исчезновения Советского Союза, почти спонтанного возникновения идеи чеченской государственности, реформирования чеченской идентичности, возрождения традиционного ислама и его синтеза с иным, проникшим из мусульманского зарубежья. Он свидетель краха России и начала ее восстановления. Он очевидец и участник сразу двух войн. Он застал заключение в Хасавюрте в 1997 г. почетного для сепаратистов Договора о мире и принципах мирных взаимоотношений и переход на сторону федералов Кадырова-старшего, что было признанием поражения борьбы за независимость.

Он может считаться наследником Дудаева, Масхадова и преемником своего отца...

Сверхбыстрый калейдоскоп событий при отсутствии политического опыта, недостаточность образования приучали Рамзана действовать, опираясь на собственное чутье, улавливая эмоции и используя слабости партнеров и оппонентов. Порой он играл в «угадайку» и шел на риск, который почти всегда оказывался оправданным и приносил плоды. Порой его удача определялась даже не точным инстинктом, а случаем. К случайности относится ставшая «политологической классикой» его встреча с Владимиром Путиным после гибели Ахмата-хаджи.

¹ Году в 1996-м в Грозном на одном мероприятии я оказался в толпе человек из восьмидесяти, сплошь состоявшей из вице-премьеров и министров разных призывов и политических убеждений.

² *Рябов А.* Возрождение «феодалной архаики». — М., 2008. — (Рабочие материалы / Моск. Центр Карнеги; № 4).

³ Генеральный проект «Россия в третьем тысячелетии» / Центр комплекс. соц. исслед. и маркетинга. — М., 1995. — Вып. 8: Чеченский кризис. — С. 33.

⁴ *Речкалов В.* Хан или пахан? Реальный портрет Рамзана Кадырова. Ч. 1 // <http://www.mk.ru/blogs/МК/2007/01/24/politic/90387>.

⁵ Тейп — общность людей, которые связаны кровным родством по отцовской линии.

⁶ *Мамакаев М.* Чеченский тейп в период его разложения. — Грозный, 1973. — С. 18.

⁷ *Снегирев Ю.* Президент Чечни Рамзан Кадыров — «Известиям»: «Закаев хороший артист. Если покается, пусть играет в нашем новом театре» // Известия. — 2007. — 13 июля (<http://www.izvestia.ru/person/article3106128>).

⁸ *Тишков В. А.* Общество в вооруженном конфликте: Этнография чеченской войны. — М.: Наука, 2001. — С. 204.

⁹ Противники Ахмата-хаджи утверждают, что в Бухару он был направлен по разнарядке КГБ, агентом которого (кличка «Адам») он состоял (<http://kavkazcenter.com/russcontent/2007/02/14/49630.shtml>).

¹⁰ От первого лица: Интервью Светланы Додоновой с Ахмат-Хаджи Кадыровым // Парламент. газ. — 2003. — 23 февр.

¹¹ Аналитическая группа АНН, 29 июня 2006 г., 6 июля 2006 г.

¹² Мирные инициативы Аслана Масхадова // www.svoboda.org//11/grani/0205/11.020705-1.asp.

¹³ *Гордин Я.* Утопия и реальность // Россия и Чечня: поиски выхода. — СПб., 2003. — С. 79.

¹⁴ Зикр — исламская духовная практика, заключающаяся в многократном произнесении молитвенной формулы, содержащей имя Аллаха.

Этот неофициальный визит, когда «политический никто» приехал к президенту России в спортивных штанах, описан в деталях. Его антураж вряд ли был просчитан Рамзаном заранее. Одетый по-семейному в домашний спортивный костюм, он бросился в объятия Владимира Путина. Допускаю, что Путину кто-то посоветовал принять Рамзана, но в Кремле не были готовы к такому отклонению от «протокола». То была встреча родственников. Российская дипломатическая история не знает таких эпизодов. Не буду повторять рассказы о том, кто и как содействовал этой встрече, тем более что версии есть самые разные и каждый источник считает, что всю правду знает только он. Рано или поздно (причем скорее рано, чем поздно) истина всплывет. Однако в любом случае важнее всего результат встречи, а он вполне очевиден.

Рамзан при всей искренности своего поведения чувствовал, что помимо соболезнования он приехал еще и за благословением, как говорили в Средние века — за «ярлыком» на правление. Сцену встречи показали все российские каналы. Кто благословил телекомпании на демонстрацию этого материала, судить не берусь. Не исключено, что решение принималось спонтанно под Рамзановым напором. Вряд ли Путин, искушенный профессионал КГБ, руководствуясь одной лишь целесообразностью, решил бы на такое неформальное *публичное* свидание. Тем более что сам он рассказывал, как непросто проходили его контакты с Ахматов-

хаджи, прежде чем состоялось решение о назначении того главой администрации.

После встречи с Путиным стало очевидно, что именно сын Ахмата-хаджи может стать наиболее очевидным претендентом на власть в Чечне. Хотя были и другие мнения — вице-спикер Госдумы Любовь Слиска и Дмитрий Рогозин предлагали ввести в республике президентское правление. В этом случае шансы Кадырова-младшего были уже не столь очевидны. Но «треники» Рамзана на встрече с главой государства вводили его в российскую элиту почти мгновенно. Признание за ним права на неофициальное общение с президентом произвело впечатление на чеченцев, которые увидели, насколько теплы и прочны их отношения.

Начало неформальным узам между Кремлем и Грозным было положено еще при Ахмате-хаджи. Путин поверил в бывшего дудаевского муфтия, хотя и имел достаточно широкий выбор среди фигур чеченской политической галереи. После этого вопрос о переговорах с сепаратистами уже не поднимался, речь шла о компромиссе и союзе с бывшими сепаратистами-прагматиками, проклявшими ваххабизм.

Новый расклад сил не укрылся и от непримиримых ваххабитов. Они пошли ва-банк и, стремясь принудить Москву к переговорам именно с ними, совершили несколько громких кровавых терактов, в том числе захват театра на Дубровке в 2003 г. и школы в Беслане в 2005 г. После бесланской трагедии они наконец убедились, что Кремль не будет с ними разговаривать, чего бы это ему ни стоило. Путин выполнял свое знаменитое обещание «замотать их в сортире».

Отказ Кремля от переговоров был частью путинской политики «чеченизации», чтобы окончательно превратить войну в гражданскую, тем самым частично ослабляя бремя, лежавшее на федеральном центре. Для реализации этого плана Москве был нужен политик, который, во-первых, не скомпрометировал себя изначальным коллаборационизмом, напротив, сражался за независимость, во-вторых, та-

кой, у которого не будет дороги назад, в стан сепаратистов. В-третьих, требовалась авторитетная с религиозной точки зрения фигура, способная противостоять ваххабитам. Наконец, это должен был быть неглупый и смелый человек, отдающий себе отчет в том, что, приняв предложение Москвы, придется идти по лезвию ножа. Кстати, в первые месяцы работы в качестве главы администрации Ахмат-хаджи организовал себе резиденцию в сравнительно спокойном Гудермесе. За это его нередко критиковали журналисты, расценивая это как трусость нового «распорядителя» Чечни. Но здесь скорее видится вполне объяснимая необходимость обеспечить себе личную безопасность. (Ахмат-хаджи как-то отметил, что у Путина нет чеченофобии. «Если бы он этого боялся, он бы меня туда не назначил, зная, что я — активный проводник той идеи священной войны, той идеи независимости»¹.)

При подобных критериях от кандидата на кресло главы администрации с дальнейшими шансами на президентство требовалась и полная лояльность Москве, не переходящая, однако, в скучную сервильность. Такого рода общение с центром, на мой взгляд, и отцу и сыну удавалось.

Легче всего было бы определить отношения между президентами России и Чечни как отношения между монархом и вассалом. Однако ни Путину, ни тем более Медведеву титул монарха не подходит. Да и Рамзан, очевидно, не согласится с тем, что он является вассалом главы российского государства, какую фамилию тот бы ни носил. Его республика (страна, территория) на протяжении долгих лет вела войну против «сюзерена», одерживала над ним победы, и мир был достигнут не в результате поражения чеченцев, но на основе компромисса. Именно компромисс (само это слово публично не проговаривалось) был ключом путинского плана чеченизации, который негласно явился признанием невозможности победить сепаратистскую Ичкеррию только военными средствами.

Поэтому представляется, что более адекватно сравнение отношений между главами России и Чечни с отношениями

патрона и клиента. Причем за клиентом остается возможность демонстрировать свою автономность. Некогда генерал Дудаев сказал нечто вроде того, что после достижения независимости Чечня удивит всех прочностью своих отношений с Россией. Сегодня Рамзан, будучи «встроен» в Россию, удивляет, а многих и раздражает своей самостоятельностью.

В Чечне можно услышать такое мнение: «...Мы этого не осознаем, но, возможно, именно сегодня мы получили ту самую независимость, за которую вели борьбу все эти годы»². Так заявил однажды член местного парламента бывший ичкерийский генерал Магомед Хамбиев. А директор Института гуманитарных исследований (Гудермес) Надирсолта Эльсункаев по-прежнему уверен, что «...рано или поздно Чечня станет независимым государством. Но до этого еще очень далеко. Без России ей сейчас просто не подняться»³. Это признание того, что нынешняя ситуация для Чечни вынужденная, красноречиво. Сегодня нельзя представить, какая часть чеченского общества рассуждает именно так.

На такого рода отношениях настаивал и Ахмат-хаджи. Возможно, он был близок к тому, чтобы этого добиться. Однако ему не хватило времени, и его дело завершил Рамзан. В газете «Советский спорт» в 2008 г. была опубликована статья о футболе. В ней были строки о том, как должны вести себя приезжие болельщики во время матча против местного «Терека». Бросилась в глаза очень примечательная фраза: «В Грозном можно вести себя, как дома, но не забывайте, что вы в гостях»⁴.

Кремль в лице Путина предоставил Рамзану право распоряжаться на «особой территории» «особо», т. е. руководствуясь собственными внутренними понятиями. Аргументы в пользу такого подхода были ясны и оправданны. Однако в этом содержалось и косвенное признание того, что ответственность за чеченские войны наряду с местными политиками разделяет и федеральный центр, причем неизвестно, чья вина больше, особенно если учесть, какой критике подвергает ныне официальная пропаганда правление Бори-

са Ельцина. Еще Ахмат-хаджи говорил, что первой войны можно было избежать.

Обретая клиентскую легитимность от Путина, Рамзан пытается ее расширить, сделать более объемной, получить признание от российской элиты, причем не только политической. Именно для этого нужны ему и Ксения Собчак, и стилист Зверев, которому он вручил часы чуть ли не за 100 тыс. евро, и поздравления с днем рождения от Иосифа Кобзона, и эстрадные шоу. Но нельзя сводить все это к элементарной жажде популярности, что присуще всякому харизматику и популисту. Это не просто детские шалости. Здесь угадывается неосознанное желание выбраться на больший географический и политический простор, уйти от своей провинциальности. Сам Рамзан если не популярен, то очень известен, знаменит, а значит, неформально легитимен на всем российском пространстве. Он «пометил» в своем политическом календаре новый национальный праздник России — годовщину 4 ноября 1612 г. В 2008 г. он принял решение также отметить 5 октября, 420-летие установления «добрососедских отношений между Россией и Чеченской Республикой», в связи с чем был создан целый оргкомитет⁵.

Рамзан добился права считаться политиком федерального масштаба. Его упоминают в СМИ, в том числе в электронных, чаще, чем любого иного главу субъекта Федерации. В разных ипостасях — негативных и позитивных — он на слуху у российского общества и, шире, на постсоветском пространстве. Он — любопытнейшее звено в цепи чеченских политиков, начало которой положил все тот же Джохар Дудаев.

Бывший министр финансов Чеченской республики Ичкерия Таймаз Абубакаров заметил: «Если бы Дудаев хотел просто власти над чеченской территорией и ее ресурсами, он не только не стал бы отделяться от России, а, напротив, стал бы таким ревностным хранителем ее целостности, что в сравнении с ним российские державники и ура-патриоты выглядели бы просто ничтожеством»⁶. Рамзан учел ошибку советского

чеченского генерала и позиционирует себя, на свой манер, в качестве хранителя целостности Российской Федерации.

Путин и Рамзан оказались заложниками друг друга со всеми плюсами и минусами этого положения. Их взаимозависимость была очевидна сразу: Рамзан не мог действовать, не опираясь полностью на своего патрона, но и патрон по мере устранения с политического поля Чечни конкурентов Рамзана все больше попадал в зависимость от своего клиента. Взаимопривязанность была необходима обоим, но она не может не вызывать взаимной «усталости», а то и недоверия, что характерно для амбициозных политиков с высокой самооценкой. Так в семье родители устают от выросших детей, а дети — от родителей, одним своим присутствием сдерживающих их психологическое раскрепощение. На позиции обоих политиков влияет множество внешних факторов, способных вызвать у них разную реакцию.

Есть и другое мнение: Рамзан и Путин идеально подходят друг другу, а противоречия между ними были и остаются минимальными. Негласный консенсус между ними, «частный договор о разграничении полномочий» останется незыблемым.

Однако отношения патрона и клиента прочны и благостны только тогда, когда патрон богат, силен и способен идти навстречу пожеланиям и причудам клиента, а также когда он безусловно доволен его поведением. Если хотя бы одно из этих условий отсутствует, можно прогнозировать трения, ведущие к деформации этих отношений с последующим их разрушением.

«Нештатная ситуация» может возникнуть хотя бы после признания Россией в сентябре 2008 г. независимости Абхазии и Южной Осетии. Отобрав у Грузии две республики, Москва продемонстрировала способность решать главные для нее проблемы мгновенно, пусть и с немалым риском. На фоне решительности на грузинском направлении стало очевидно ее равнодушие к некоторым проблемам Северного Кавказа, в том числе связанным со спорными границами между республиками — в первую очередь между Северной

Осетией и Ингушетией, но также и между Чечней и Ингушетией, Чечней и Дагестаном.

Осенью 2008 г. внимание Кремля к Чечне уменьшилось, а на телеэкранах чаще других стал появляться бойкий президент Южной Осетии Эдуард Кокойты, который оставался там больше месяца, делая эпатажные заявления, порой проявляя ненужную центру самостоятельность, вводя в смущение кавказских политиков, особенно президента Северной Осетии Теймураза Мамсурова и тогдашнего президента Ингушетии Мурата Зязикова. «Осетинский вопрос» потеснил ставшие «рутинными» проблемы реконструкции Чечни. И хотя граничащая с авантюризмом деятельность Кокойты Кремлем была приглушена, стало очевидно, что у Москвы появляется еще один предмет особой заботы. Причем формальный статус Южной Осетии как независимого государства сочетается с неформальным статусом субъекта Российской Федерации: между Россией и Южной Осетией практически нет государственной границы, ее валюта — рубль, у ее граждан — российские паспорта, а развитие республики осуществляется исключительно благодаря российской финансовой помощи. (Что касается Абхазии, то ее политики, в том числе президент Сергей Багапш, действуют не столь назойливо, да и грузино-абхазская война 1993 г. принадлежит истории. На Северном Кавказе, в том числе в Чечне, появление независимой Южной Осетии было воспринято с большим волнением и даже тревогой ввиду возможного в будущем обострения вопросов о границах.)

Став для Москвы территорией специального внимания, Южная Осетия была поставлена на привилегированное «финансовое довольствие». На ее восстановление Россия выделила 25 млрд руб., плюс к этому 12,5 млрд было истрачено только на военные действия в зоне конфликта. К тому же местные политики знали, что реальные масштабы разрушений в Цхинвале и окрестностях ниже тех, которые демонстрировали официальные телеканалы. Такая значительная сумма не могла не быть замечена на Северном Кавказе, республики которого яв-

ляются дотационными, причем реально некоторые местные бюджеты чуть ли ни полностью формируются из федеральных поступлений. Доля дотаций в валовых налоговых ресурсах в 2007 г. составляла в Дагестане 173%, в Карачаево-Черкесии — 159%, в Ингушетии — 433%, в Чечне — 433% (для сравнения: в Краснодарском крае — 10%, в Ставропольском крае — 31%, в Ростовской области — 27%)⁷.

В январе 2009 г. 29 млрд руб. было обещано новому президенту Ингушетии Юнус-беку Евкурову, что также не прошло незамеченным для руководства Грозного, поскольку эта сумма сопоставима с вливаниями в чеченскую экономику. Общий объем финансирования федеральной целевой программы социально-экономического развития Чеченской Республики на 2008—2011 гг. за счет средств федерального бюджета составляет 110,8 млрд руб.⁸ (в ценах соответствующих лет). Возник вопрос о возможности перестановки акцентов в финансовых потоках, хотя Москва убеждала местные элиты, что этого не случится.

Осенью 2008 г. грянул финансовый, а вслед за ним экономический кризис, который обнаружил крайнюю уязвимость России, хрупкость ее накоплений и, следовательно, поставил под сомнение устойчивость нынешних масштабов финансирования северокавказских республик. Наступило время жертв, сокращения денежных поступлений, а главное — их избирательности.

Возникает ситуация, при которой покупать лояльность местных элит может стать нечем. Будучи не в состоянии обеспечивать материальное благополучие клиента, патрон уже не способен его контролировать и тем самым поддерживать его лояльность. Аналитик Московского Центра Карнеги Николай Петров замечает, что в условиях кризиса «Кремль, хочет того или нет, будет вынужден дать больше свободы, больше независимости... в первую очередь региональным политическим элитам»⁹. Причем большая экономическая самостоятельность может оказаться предпосылкой для определенного политического «люфта». Еще в канун кри-

зиса, словно предчувствуя его наступление, некоторые главы администраций, например, Минтимер Шаймиев и Юрий Лужков, высказались за возврат к выборам губернаторов. Однако свобода налагает обязательства принимать в усложнившихся условиях самостоятельные решения на уровне субъекта Федерации — включая свободный поиск дополнительных средств.

Что конкретно это может означать для Рамзана? Возможно, он использует эту ситуацию для того, чтобы вновь потребовать создания в Чечне свободной экономической зоны. Не исключен новый раунд борьбы за чеченскую нефть. Или он напомним об одной из своих любимых идей — открыть из грозненского аэропорта международные рейсы. В любом случае, если согласиться с мнением Николая Петрова, в 2009 г. Рамзану предстоит проводить свой курс в большей степени «по гамбургскому счету», т. е. все больше используя собственные возможности. При успехе его авторитет возрастет, при неудаче будет решительно поставлен под сомнение.

С этой точки зрения и Рамзан, и tandem Путин-Медведев оказываются в сходном положении. Критики Кремля всегда настаивали на том, что экономический рост России целиком и полностью зависит от высоких цен на нефть, а чеченские оппоненты Рамзана уверяли, что эффективность его курса — «дутый пузырь», полностью зависящий от федеральных поступлений. Теперь и у центра, и у Грозного есть шансы опровергнуть эти доводы.

Два решающих фактора определяют отношения между Москвой и Грозным: невмешательство Москвы в сугубо чеченские дела и контроль над нефтью (о втором факторе см. главу 3).

Кардинальное решение первого вопроса — независимость — было предложено Джохаром Дудаевым. При его преемнике Аслане Масхадове идея независимости имплицитно трансформировалась в вопрос о пределах независимости или даже о пределах *зависимости* от России. При Кадыровых речь шла о независимости действий чеченского

руководства в самой Чечне и сведении к минимуму (даже прекращении) контроля за этими действиями из Москвы.

Ахмат-хаджи, а затем Рамзан действовали в четырех направлениях. Во-первых, они избавлялись от непримиримых. Во-вторых, «перековывали» бывших сепаратистов в военно-политическую базу своего режима. В-третьих, избавлялись от конкурентов из числа промосковски настроенных чеченских политиков, претендовавших на свою долю власти. В-четвертых, они по мере сил ограничивали или просто пресекали действия на чеченской территории собственно федеральных органов. На всех направлениях им сопутствовала удача — где относительная, а где и безоговорочная.

К моменту прихода к власти Ахмата-хаджи в 2003 г. количество боевиков составляло примерно 2 тыс. человек. Эта цифра повторялась чаще других. Говорили и о 2,6, и даже о 8 тыс. человек. Абсолютно точной информации не было хотя бы потому, что ее просто-напросто не могло быть. Амнистия проходила «под честное слово» Ахмата-хаджи, и боевики сдавались не федералам, а своему бывшему соратнику. Они приходили с повинной, минуя суд, и амнистию им обещали при условии, что до того они никого не убивали (т. е. им верили на слово). Кадыровы, как магнит, вытягивали боевиков из леса и назначали на посты в чеченские службы. Считалось, что весь процесс контролирует федеральная власть. Но это было далеко не так. «Есть большие сомнения, что федеральный министр Рашид Нургалиев хотя бы отдаленно представлял себе, какого сорта люди стоят на некоторых постах в Чечне с удостоверениями его ведомства»¹⁰. А по мнению командира батальона «Восток» Сулима Ямадаева (о нем см. ниже), 75% амнистированных бойцов, которые служат в структурах МВД, — «затаившиеся боевики»¹¹.

Амнистий было несколько, точнее, амнистия была растянута на неопределенное время и постоянно возобновлялась. Сколько боевиков вернулось к мирной жизни, сказать невозможно. Для этого как минимум нужно знать, сколько их было. Порой амнистия приобретала неожиданные, если

можно так выразиться, принудительные формы. 29 февраля и 1 марта 2004 г. в заложники было взято около 40 родственников министра обороны Ичкерии Магомеда Хамбиева. Вскоре Хамбиев сдался кадыровцам. Тогда же он заявил, что никто из его родственников не был в заложниках, однако впоследствии, в ноябре 2005 г., в разговоре с корреспондентом агентства «Рейтер» признал этот факт, сказав, что сам он — «заложник ситуации» и что на сторону Кадырова перешел, чтобы спасти жизнь своих близких¹².

Заложничество вошло в практику чеченской администрации. О допустимости таких методов борьбы с оппозицией откровенно поведал 1 мая 2004 г. Ахмат-хаджи. В июне того же года, выступая на телеканале НТВ, эту идею конкретизировал Рамзан: «Мы будем их родственников по закону наказывать. Они помогают бандитам, но они говорят, что помогают своим родственникам, братьям, сестрам. Нет, они помогают бандитам. Этих мы будем наказывать по закону. И если нет такого закона, попросим, выйдем с обращением в Госдуму России, чтобы они приняли такой закон, чтобы можно было наказать. А так война никогда не закончится в Чечне». Предложение чеченских властей получило поддержку в Центральном духовном управлении мусульман, заместитель главы которого Мухаммедгали Хузин заявил: «...Зло, которое приносят терроризм и экстремизм, должно быть остановлено адекватными мерами. Каждый террорист... должен знать, что за него ответят и его ближайшие родственники»¹³.

Нашли эти идеи понимание и в Москве. Выступая в Госдуме 29 октября 2004 г., генеральный прокурор России Владимир Устинов предложил узаконить «контрзахват заложников» и «упрощенное судопроизводство» в отношении террористов, ибо «задержание родственников террористов во время теракта безусловно поможет нам сохранить и спасти людей»¹⁴. Это предложение не прошло, хотя многие депутаты, в том числе и Ахмар Завгаев от Чечни, встретили его аплодисментами. Поддержал Устинова и президент Чечни Алу Алханов.

3 и 28 декабря 2004 г. вдохновленные депутатами чеченские силовики захватили семерых родственников Аслана Масхадова включая его братьев, сестру, племянника, племянницу, которые были освобождены только в мае 2005 г. (Масхадов был убит 8 марта 2005 г.).

Принцип коллективной ответственности стал одним из главных политических инструментов Рамзана. В середине 2008 г., выступая по республиканскому телевидению, он прямо пригрозил: «Не секрет, что многие наши начальники и директора являются родственниками молодых людей, которые ушли в лес. Я знаю, что они поддерживают связь с ними, даже обеспечивают их питанием. Я предупреждаю, что если в течение десяти дней эта молодежь не будет возвращена домой, все начальники пойдут под суд. Я запрещаю хоронить тех, кто воюет против нас»¹⁵. В этом предупреждении не содержится ничего необычного. Обращают на себя внимание две детали. Во-первых, Рамзан говорит о *многих* начальниках, что доказывает присутствие в лесу *многих* боевиков. Особенно если учесть, что там скрываются не только отпрыски начальства, но и рядовых граждан. Рамзан проговорился. Во-вторых, запрет на похороны убитых боевиков — новый виток вынужденного ужесточения. Ведь сам он когда-то ратовал за выдачу родственникам тела Масхадова.

Государственное заложничество — экстремальная мера. Это следствие бессилия власти. Вопрос, насколько эффективным могло стать *официальное* заложничество. Очевидно, что, несмотря на известный тактический успех такой формы борьбы против радикальной оппозиции, это может привести к ответной мести, ускорить накопление в обществе взрывоопасного потенциала ¹⁶.

Несмотря на все реальные и относительные успехи власти, у боевиков существует постоянный резерв недовольных своим положением молодых людей (в среднем 16—20 лет), которые продолжают уходить в лес как по одиночке, так и целыми группами. Посещающие Чечню журналисты рассказывают, что, по словам местных жителей, в горы уходят де-

сятки и даже сотни молодых людей. Возвращаются в горы и некоторые амнистированные кадыровцы. В 2007 г. по этому пути отправилась целая группа из 20 человек. Обычно такого рода информация глушится, однако организованный уход столь большого количества людей не мог остаться незамеченным, получил широкую огласку, и муфтий Чечни Султан Мирзаев был вынужден выступить с публичным осуждением перебежчиков.

Рамзан не раз повторял, что «шайтанов», как он называет ваххабитов, осталось всего две сотни. Однако только с января по октябрь 2006 г. было уничтожено или взято в плен 200 боевиков¹⁷. Начальник Регионального оперативного штаба по управлению контртеррористической операцией на Северном Кавказе генерал Аркадий Еделев в 2007 г. говорил о 37 бандгруппах численностью до 450 человек¹⁸. В 2007 г. федеральные части были переведены на усиленный режим, и заместитель генпрокурора Иван Сыдорук заявил, что «оперативная обстановка в Чечне будет только ухудшаться»¹⁹.

В то же время осенью 2008 г., по словам моих собеседников (как сторонников Рамзана, так и людей, настроенных по отношению к нему скептически), количество тех, кто уходит в горы, было все же сравнительно невелико.

Присутствие непримиримой оппозиции подтверждается с пугающей регулярностью. Список столкновений с боевиками бесконечен и продолжает расти. Ниже приводятся выбранные наугад эпизоды, имевшие место в 2008 г. 21 апреля в Ленинском районе Грозного боевики пытались подорвать колонну из шести «Уралов» МВД, один человек был убит. 22 апреля в Шалинском районе совершено нападение на сотрудников российского МВД. В тот же день в Ачхой-Мартановском районе близ селения Чожи-Чу был обстрелян военно-транспортный вертолет Ми-8. 29 апреля в Шали обстреляли дислокацию военной комендатуры района²⁰. 2 мая в лесном массиве Рошни-Чу милиция столкнулась с бандой боевиков численностью до 30 человек.

Как и прежде, активность оппозиции сменяется паузами, за которыми вновь следуют вооруженные столкновения. В одну из таких пауз, наступившую в мае 2008 г., ставший депутатом Народного собрания Чечни Магомед Хамбиев заявил, что боевики «легли на дно» и «не проявляют пока в полной мере свою вооруженную силу»²¹.

Паузы длятся недолго. Схватки с непримиримыми остаются частью чеченского быта, а время от времени происходит совсем уж из ряда вон выходящее. Например, в ноябре 2008 г. в течение одного дня на окраинах Грозного были найдены убитыми шесть (по другим данным, еще больше) молодых женщин от 25 до 35 лет. В соответствии с наиболее распространенной версией преступление совершили ваххабиты, которые таким образом «наказали» своих жертв на несовместимое с исламом поведение (Рамзан Кадыров также поощряет женскую скромность).

Сегодня «лесные братья» в меньшей степени, чем прежде, идеологизированы и не преследуют широких политических целей. Они действуют, так сказать, от себя лично. Президент Центра стратегических исследований и развития гражданского общества на Северном Кавказе Абдулла Истамулов дает им отдающую безнадежностью характеристику: «...Есть люди, которые не могут себя найти и реализовать — они сдать не могут, они уехать не могут, они нигде не нужны, они — обреченные. Их еще называют — отморозки. Это — одна часть. Есть еще вторая часть — люди, у которых погибли близкие родственники... над которыми издевались. А на Кавказе неотомщенный родственник — это дело чести. Поэтому вторая часть — это те, кто просто ушел мстить. Есть еще третья часть — обиженные, те, кто ушел из-за унижения, несправедливости». В горах трех республик — Ингушетии, Чечни, Дагестана, по мнению Истамулова, от 2 до 4 тыс. человек, в самой Чечне — 500—700²².

В этой связи небезынтересны цифры, приводимые президентом Ингушетии Евкуровым. По его данным, в республике действуют 120 боевиков, тогда как их «пособ-

ническая база» (родственники и друзья) составляет уже 1237 человек ²³.

Сохранение в Чечне непримиримой оппозиции парадоксальным образом имеет двойственное значение. С одной стороны, ее присутствие доказывает неспособность Рамзана раз и навсегда покончить с боевиками, демонстрирует его слабость. Однако, с другой стороны, у него есть возможность периодически рапортовать Москве о своих успехах в борьбе с сепаратистами-ваххабитами, давая понять, что только он способен сдерживать их натиск. В принципе, сильный аргумент. Во-первых, потому, что именно Рамзан, кадыровский клан располагают сегодня самой мощной, а после разгрома батальона «Восток» по сути единственной боеспособной силой. Рамзан говорит, что у него от 1,5 до 5 тыс. бойцов, по другим сведениям, их число доходит до 35 тыс., но чаще упоминается цифра 12 тыс.²⁴ Как бы то ни было, но в августе 2005 г. в момент обострения ситуация на Кавказе он заявил, что готов послать в Южную Осетию 5 тыс. бойцов ²⁵. И это были явно не последние его люди.

Во-вторых, Москве приходится считаться с тем обстоятельством, что бойцы Рамзана — бывшие оппозиционеры, которые, почувствовав недоверие центра к своему патрону, могут усомниться в собственной безопасности и вновь встать по противоположную сторону баррикады. В результате всего этого окончательное избавление от непримиримой оппозиции постоянно затягивается на неопределенный срок.

На память приходит легенда (или все-таки правда?) о том, что последний из муджахедов, сражавшихся против Красной армии еще до начала Великой Отечественной войны, был обнаружен в горах и амнистирован в 1975 г.

Надо признать, что во время войны противники центра выглядели внушительнее его сторонников. Они использовали простые популистские лозунги, отражавшие дух протеста оскорбленной нации. Их популярности способствовала жестокость Москвы, не остановившейся перед разрушением

Чечни, в том числе ее столицы, полумиллионного Грозного. Даже несмотря на негативное отношение к ним значительной, вероятно, большей части чеченского общества, их считали смелыми и решительными людьми, в то время как их московские оппоненты смотрелись коллаборационистами.

В результате в путинской идее чеченизации конфликта изначально была заложена мысль не только о диалоге с «гибким звеном» в оппозиции, но и о превращении его в главную политическую силу. «Гибкое звено» на деле оказалось сильным, прагматичным и амбициозным. Утвердившись у власти, Ахмат-хаджи не рассчитывал избавиться от своих союзников — потенциальных конкурентов, которые могли посоперничать с ним за влияние в обществе и авторитет в глазах Москвы. Таких в то время было немало, и они к тому же пользовались доверием силовиков из ФСБ и ГРУ. О готовности Ахмата-хаджи договариваться, а не подавлять свидетельствуют его отношения со вторым по влиянию в республике кланом Ямадаевых, в первую чеченскую войну сражавшихся вместе с Кадыровым-старшим против федералов, а затем поддерживавших его в борьбе против ваххабитов.

В 1999 г., отказавшись поддерживать Шамиля Басаева, а затем выполнять приказы Аслана Масхадова, они перешли на сторону федералов. Благодаря помощи одного из братьев, Сулима Ямадаева, отряд которого в то время формально все еще входил в состав сил сепаратистской Ичкерии, российские войска без боя вошли во второй по величине чеченский город Гудермес. В начале 2002 г. Ахмат-хаджи назначил Сулима Ямадаева «командиром народного ополчения», что делало легитимным его присутствие уже в пророссийской политической системе.

Российское командование оценило помощь новых союзников, преобразовав отряд в спецроту республиканской комендатуры. Еще одну спецроту составили военнослужащие-чеченцы, которые с самого начала конфликта воевали на стороне федералов. Таким образом, стиралась грань между бывшими боевиками и их пророссийскими противниками.

Осенью 2003 г. обе спецроты были преобразованы в батальоны «Восток» и «Запад». Затем они стали спецбатальонами ГРУ Генштаба, а потом вошли в состав 42-й дивизии Министерства обороны, остающейся в Чечне на постоянной основе. Все попадавшие в эти подразделения бойцы проходили через сито армейских кадровиков. Батальоны действовали на самых опасных направлениях — Ведено, Курчалой, Ножай-Юрт, а также вдоль границы с Дагестаном.

Батальоном «Запад», который являлся подразделением спецназа, до 2007 г. командовал Саид-Магомед Какиев, сражавшийся против сепаратистов с начала 1990-х. Он знаменит тем, что в 1993 г. пытался застрелить из ручного гранатомета Джохара Дудаева (за что получил прозвище «грозненский терминатор»). Покушение не удалось, гранатомет взорвался, а сам Какиев потерял руку и глаз. «Запад» состоял из жителей Грозного, Урус-Мартана, Ачхой-Мартана, не доверявших амнистированным Кадыровыми боевикам. В 1996 г. объявленному вне закона Масхадовым Какиеву пришлось покинуть Чечню. Однако в 1999 г. он, по его собственному выражению, «благодаря Аллаху и Путину» вернулся в республику ²⁶.

Первым командиром будущего «Востока» (тогда еще спецроты) был Джабраил Ямадаев, взорванный ваххабитами в марте 2003 г. Его сменил Сулим Ямадаев, бригадный генерал у сепаратистов, дослужившийся до звания подполковника Российской армии. Ямадаевы были опорой Ахмата-хаджи. Оба клана сознавали отведенное им место в путинской чеченизации, понимали, что являются естественными союзниками, а их коалиция — единственная гарантия против сепаратистов. Наконец, их объединяла ненависть к ваххабитам и страх перед ними. На Кадырова и Ямадаевых вместе взятых были совершены десятки, если не сотни покушений (Сулима Ямадаева пытались уничтожить более двадцати раз ²⁷). Вообразить, что Ахмат-хаджи начнет ущемлять их интересы, а они покусятся на его авторитет, было невозможно.

В публичной политике Ямадаевы занимали сравнительно скромное место. Старший из братьев, глава клана

Руслан с 2003 по 2007 гг. был депутатом Государственной думы. Другой брат, Иса Ямадаев, прошел в парламент Чечни. Их электоральные успехи были результатом действия административного ресурса. Ямадаевы «не светились» в средствах массовой информации, и интервью с ними стали появляться только весной 2008 г., когда им пришлось бороться за выживание. Зато Ямадаевы сумели наладить серьезный бизнес как в Москве, так и в самой Чечне. Только в Гудермесе им принадлежит шесть строительных фирм, в Москве — фирма «Ямад трейд компани», они также являются совладельцами фирмы «Инмир».

Фамилия Ямадаевых упоминается в связи с криминальными разборками, которые вплоть до обострения их конфликта с Рамзаном не слишком широко афишировались. В 2006 г. Сулим Ямадаев со своими людьми ворвался на расположенный в Санкт-Петербурге мясокомбинат «Самсон» и заставил его директора Хамзата Арсамакова подписать акт о передаче этого предприятия. Впоследствии были похищены два члена семьи Арсамакова.

Эти и прочие события, связанные с криминальными выяснениями отношений между Ямадаевыми и их конкурентами, я оставляю за скобками. Однако, судя по тому, что Сулим и его команда в истории с «Самсоном» остались безнаказанными, у них были серьезные московские покровители. Ямадаевы уверовали в серьезность покровительства свыше, но, с другой стороны, почувствовали, что «внутричеченские вопросы» (Арсамаковы были чеченцами) надо все-таки решать между своими. После официального возбуждения «дела о самоуправстве» Сулим Ямадаев переговорил с родственниками пострадавших, и конфликт был (как потом выяснилось, временно) урегулирован.

При Ахмате-хаджи в Чечне действовали федеральные службы — Оперативно-розыскное бюро-2 (ОРБ-2), Управление Федеральной службы безопасности по Чеченской Республике, республиканский Отдел милиции особого назначения (чеченский ОМОН), подчиненные непосредственно центру,

но укомплектованные как русскими, так и чеченцами. Они обеспечивали Ахмату-хаджи поддержку центра, и в то же время работающие в их составе чеченцы гарантировали ему лояльность со стороны местных кланов и групп интересов.

В частных разговорах, в журналистских публикациях мне не раз доводилось слышать и читать об Ахмате-хаджи немало нелестных слов. Главные обвинения сводились к жестокости и заурядному корыстолюбию. В этом есть доля истины. Но все же стремление решить чеченскую проблему, «спасти Чечню» преобладало над меркантилизмом. Ни один политик, даже претендующий на звание национального лидера, не способен полностью отрешиться от личной выгоды. История, в особенности недавняя российская, таких примеров не знает. Соглашаясь принять бремя национального лидера, Ахмат-хаджи осознавал ответственность своего поступка.

В 2003 г., почти накануне его встречи с президентом России, мне довелось несколько часов разговаривать с Ахматом-хаджи. Запомнились его непримиримость к ваххабитам, вообще ко всем, кто исповедует чуждую ему идеологию, его сдержанность и настороженность. Он говорил медленно, с трудом подыскивая слова. Впоследствии его русский язык стал намного лучше. Ахмат-хаджи производил впечатление человека упрямого, но в то же время рефлексивного. Такие люди, однажды приняв решение, не отступают.

Согласившись на предложение Путина, Ахмат-хаджи как политик выиграл: за очень короткое время он успел добиться многого и постепенно обретал черты национального вождя. Как человек он проиграл, ибо успешной политической карьерой сократил себе жизнь.

Рамзан понимал, что его авторитет не сравним с влиянием отца. Ахмат-хаджи не задействовал его в политике. Несмотря на эффектный блицвизит Кадырова-младшего в Кремль и обозначившуюся вслед за этим поддержку Путина, решение о его преемничестве еще не было окончательным, и он должен был доказать свою неоспоримую силу в Чечне, каждую минуту при этом демонстрируя верность пат-

рону. Это было тем более трудно, что в самой Чечне авторитетные люди, в том числе Ямадаевы, вряд ли воспринимали его как равного или более значимого по сравнению с ними в недавней истории Чечни. Для федералов они сделали куда больше, чем лично Рамзан. В 2008 г., накануне отпуска своего батальона, Сулим Ямадаев говорил: «Мы в десять раз больше заслужили по сравнению с теми, кто сегодня кичится своими подвигами»²⁸.

После гибели Ахмата-хаджи у Кремля был выбор: заполнить образовавшийся вакуум прямым правлением из Москвы, подобрать нового «долгоиграющего» кандидата из местных, согласиться на нечто комбинированное, т. е. отложить президентство Рамзана с предоставлением ему испытательного срока, поставив временного технического президента. Был избран третий вариант.

Кроме того, Рамзан не мог стать официальным преемником отца в силу возраста. По чеченской Конституции президенту должно исполниться тридцать лет. Рамзану в мае 2004 г. было только двадцать семь. Тогда «перепрыгивать» через Конституцию никто не хотел. В Москве решили, пока Рамзан взрослеет и доказывает свои административно-политические способности, посадить в кресло президента кого-то еще. Выбор пал на бывшего министра внутренних дел Чечни Алу Алханова.

Алханова назначили кандидатом и избрали в 2004 г., не спросив у Рамзана. Формально в кандидаты Алханова выдвинул религиозный и общественный деятель Вахид Газабаев²⁹. Рамзан поддержал Алханова, сказав, что он «достойный соратник Кадырова», а в Центорое прошел многочисленный митинг в его поддержку³⁰. Рамзан принял правила игры. Он понял, что иного и быть не могло, но обиду все же затаил, искреннюю юношескую обиду.

Алханов не был готов для роли «второго секретаря обкома» — надзирателя от Москвы в национальной республике. По сути он сам поставил себя в положение временной промежуточной фигуры и первый год довольствовался этим.

Рамзан же имел все возможности для постоянного укрепления своих позиций. За ним стояли тысячи амнистированных боевиков. Ему удалось образ любимца Путина. К тому же в последние недели перед убийством его отца отношение к нему в чеченском обществе стало меняться в лучшую сторону. Весной 2004 г. я разговаривал со многими его оппонентами, и они признавали, что он искренне хочет восстановления Чечни и не боится критиковать кремлевскую коррупцию. Отблеск отцовского авторитета падал на сына.

Рамзан остро чувствовал ситуацию. Он мог выиграть, только предприняв незамедлительные действия, которые должны были поставить чеченское общество, всех местных политиков и военачальников (бывших полевых командиров) перед фактором его пусть неформального, но безусловного лидерства. Счет шел на дни.

| ПРИМЕЧАНИЯ |

¹ Интервью Владимира Варфоломеева («Эхо Москвы») с главой администрации Чечни Ахмадом Кадыровым 30 марта 2001 г. (<http://echo.msk.ru/programs/beseda/14100.phtml>).

² Экс-министр обороны Ичкерии: возможно, мы получили ту самую независимость, за которую вели борьбу [28 мая 2008 г.] // <http://www.regnum.ru/news1006628.html>.

³ Время новостей. — 2003. — 20 марта.

⁴ *Стешин Д., Коц А.* Но упрямо едет Грозный на «Динамо»... // Совет. спорт. — 2008. — 30 янв.

⁵ Вхождение Ших-мурзы в состав России // <http://kavkazcenter.com/russ/content/2008/09/21/61188.shtml>.

⁶ *Абубакаров Т.* Между авторитарностью и анархией // Чечня и Россия: общества и государства. — М., 2007. — С. 178.

⁷ Центр фискальной политики (<http://www.fpccenter.ru>).

⁸ Постановление Правительства РФ от 15 июля 2008 г. № 537.

⁹ <http://www.echo.msk.ru/programs/politic/555926-echo>.

¹⁰ *Сухов И.* Парад суверенитетов // Время новостей. — 2008. — 17 апр.

¹¹ Суханов П. «Борец» был замешан в истории с убийством в Москве М. Байсарова // Воен.-промышл. курьер. — 2008. — 10 июня.

¹² Газета.Ru. — 2005. — 15 нояб.

¹³ Недумов О. За террористов ответят их родственники // Независимая газ. — 2004. — 22 апр.

¹⁴ <http://newsvote.bbc.co.uk/mppaps/pagetools/print/news.bbc.co.uk/hi/russian/russia/ne>.

¹⁵ Алиев М., Милашина Е. Чеченский лес // Новая газ. — 2009. — 14 янв.

¹⁶ Фактология взята из: Чеченская республика: последствия «чеченизации конфликта» (<http://www.memo.hr/news/ngo2006/report1.htm>), а также из доклада Правозащитного центра «Мемориал», Центра «Демос», Международной федерации прав человека, Международной Хельсинкской федерации и Норвежского Хельсинкского комитета «В атмосфере страха. “Политический процесс” и парламентские выборы в Чеченской Республике» (<http://www.memo.hr/hotpoints/N-Caucas/atmstr/index.htm>).

¹⁷ Независимая газ. — 2008. — 29 окт.

¹⁸ Мухин В. Диагноз: хроническая нестабильность // НГ-регионы. — 2007. — 9 июля.

¹⁹ Алленова О. Завари потихоньку калитку // Власть. — 2007. — 16 июля.

²⁰ Кавказский узел/Новости. 3/5/2008.

²¹ Экс-министр обороны Ичкерии: возможно, мы получили ту самую независимость, за которую вели борьбу [28 мая 2008 г.] // <http://www.regnum.ru/news1006628.html>.

²² Деньги в Чечню поступили за два месяца до событий в Осетии: Беседа Владимира Рыжкова с президентом Центра стратегических исследований и развития гражданского общества Абдуллой Истамуловым // Новая газ. — 2008. — 27 авг.

²³ <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/148344>.

²⁴ Воронов В. Начальник Чечни // Совершенно секретно. — 2006. — 13 янв.

²⁵ Малащенко А. Как выбирали в Чечне / Моск. Центр Карнеги. — М., 2006. — С. 21.

²⁶ Пронин Г. Спецназ ходит в атаку за Аллаха и Путина // <http://www.utro.ru/2004/03/24/articles/politics>.

²⁷ Новикова Е., Холмогорова В. Разборки по-горски // Эксперт. — 2007. — 21 февр.

²⁸ Суханов П. Указ. соч.

²⁹ WPS — Defense security. — 2003. — Окт. 20.

³⁰ Рамзан Кадыров выдвинул своего кандидата в президенты // <http://grani.ru/War?Chechnyf/p.72254.html>.

ГЛАВА 3

Рамзан начинает и выигрывает

Председатель Координационного комитета мусульман Северного Кавказа Исмаил Бердыев, сравнивая отца и сына Кадыровых, как-то сказал: «Если бы у власти оставался Ахмат-хаджи, восстановление не пошло бы такими темпами, Ахмат-хаджи был мягким человеком»¹. Сопоставим эти слова с характеристикой, данной Ахмату-хаджи журналисткой Санобар Шерматовой: «Решительный, властный, обладающий бойцовским характером, Кадыров способен подмять все и всех ради достижения своей цели»². Взятые в совокупности, эти характеристики могут точнее определить «танковый» характер его сына Рамзана.

Его первый ход был резким, зато эффективным. В середине мая 2004 г. Рамзан собрал всех известных чеченских политиков и военных в Центорое под предлогом проведения общего военного совета. Съехался весь чеченский «бомонд», вероятно, рассчитывавший, что сын покойного президента обратится к гостям за поддержкой, подтвердив свою приверженность солидаристскому правлению. То, что произошло в Центорое, впоследствии неоднократно пересказывалось в разных вариантах.

Собравшиеся на встречу были ошеломлены тем, что вместо совета Рамзан устроил шоу с приглашением журналистов, с заранее подготовленными выступлениями, авторы которых расписывались в верности Рамзану (и памяти его отца), требуя того же от остальных. Приглашенные на имитацию военного совета искусленные в сражениях полевые

командиры не были готовы к такому сценарию. Не смогли противостоять ему даже Ямадаевы. Последнее обстоятельство особенно интересно. Оно свидетельствует о том, что «совещание» в Центорое либо готовилось в обстановке секретности с помощью приближенных путинских политтехнологов, которые не проинформировали о мероприятии своих коллег из ГРУ. Не считаю возможным приводить имена рассказывавших мне об этом спектакле непосредственных участников встречи. Однако их мнение сводится к высказыванию: «...Всех нас, чудаков, Рамзан конкретно наколол. Мы только тогда и поняли, с кем имеем дело».

Средневековый мудрец Абуль Фарадж рассказал притчу: после смерти султана некто спросил у его сына: «Кому из своих приближенных приказал султан заботиться о тебе?». «Султан приказал мне заботиться о них», — ответил сын султана³. Рамзан поступил точно в соответствии с заветом безымянного султана. И выиграл.

Он не терял времени и сразу после убийства отца добился своего назначения вице-премьером, курирующим силовые ведомства. Под его контроль перешли все структуры МВД. Из сотрудников бывшей Службы безопасности был сформирован Второй полк патрульно-постовой службы милиции (ППСМ-2) им. Ахмата Кадырова, создан насчитывающий 2 тыс. сотрудников МВД «Нефтеполк», командиром которого стал бывший телохранитель Ахмата-хаджи Адам Демельханов. Задача полка — обеспечение безопасности нефтяного комплекса республики, однако в действительности его функции были значительно шире. В 2005 г. был образован подконтрольный Рамзану Анти-террористический центр с очень широкими полномочиями. Руководителями новых подразделений становились лично преданные вице-премьеру люди.

К напору Рамзана в Чечне никто толком не был готов. Соратники Ахмата-хаджи быстро почувствовали, что Рамзан перестал быть только сыном своего отца и начал собственную политическую игру. С мая 2004 г., став вице-

премьером, он начал бороться за власть и одновременно за легитимность своего правления. Но что такое легитимность в России и Чечне, которая является ее частью, субъектом Федерации? Чеченский политолог Руслан Мартагов в 2005 г. сказал: «На сегодняшний день в Чечне нет легитимного лидера, но есть абсолютно нелегитимный, но абсолютно дееспособный Рамзан Кадыров, которого поддерживает Кремль»⁴. Легитимность любого чеченского правителя, как из числа сепаратистов, так и из ставленников Кремля, может быть оспорена. Ни одни выборы, прошедшие после распада Советского Союза, не могут считаться полностью легитимными. Мне довелось присутствовать на всех выборах, проведенных по инициативе и под контролем центра, а также на выборах 1997 г., когда был избран Аслан Масхадов. С точки зрения транспарентности и соблюдения законности наиболее открытыми были именно они, о чем свидетельствуют хотя бы результаты: 59,3% голосов получил Масхадов, 25,3% — Шамиль Басаев, 10,1% — Зелимхан Яндарбиев. Честность этих выборов была редчайшей на постсоветском пространстве. Но и они проходили в полувоенной обстановке, что, безусловно, влияло на голосование.

Конституционная легитимность власти на Северном Кавказе (да и в целом на постсоветском пространстве) неполноценна. Критерием успеха в политике является исключительная дееспособность, возможность решать любые вопросы помимо закона, используя любые методы управления и даже не пользуясь симпатиями большинства общества. Легитимность исходит из права силы. Именно в таком контексте приходится подходить к деятельности Рамзана. Именно такую легитимность он в конечном счете и обрел.

Рамзан понимал, что только он отвечает за возвращение с гор вооруженной оппозиции, только он способен продолжить начатую его отцом амнистию, которая, как и прежде, должна остаться устойчивым процессом.

Одновременно он нуждался в громких личных победах над сепаратистами. Однако Рамзану не везло. В 2004 г.

произошло несколько крупных терактов, спланированных Басаевым и проведенных при его участии. 22 июня 500 боевиков на несколько часов установили контроль над территорией Ингушетии, разгромив местные правоохранительные структуры; в августе террористки-смертницы взорвали два рейсовых авиалайнера (все пассажиры погибли); в сентябре была захвачена школа в Беслане, при штурме которой погиб 331 человек, в том числе 186 детей. 13 октября 2005 г. 150—180 боевиков провели военную акцию в столице Кабардино-Балкарии Нальчике. Они одновременно нанесли удары по зданиям, в которых размещались силовые структуры, и в результате столкновений погибло свыше 130 человек. Организатором нападения был Басаев.

Теракты (здесь упомянуты только самые крупные) свидетельствовали, что экстремисты решили дать решительный бой федеральному центру, любой ценой заставить его пойти с ними на переговоры. Чеченские власти не сумели этому противостоять. Вряд ли Рамзан в то время ощущал комплекс неполноценности. Хотя претензий к нему никто не предъявлял.

Лишь один теракт можно приписать нерасторопности Рамзана. С 21 на 22 августа полторы сотни боевиков просочились в Грозный и устроили там погром. По разным данным, в ту ночь погибло от 40 до 120 человек, и последняя цифра представляется более точной. Существует, правда, и иная версия этих событий. Боевики действительно готовили вторжение. Получив предупреждение о грозящем теракте, ФСБ внедрило в их ряды своих людей, таким образом превратив теракт в провокацию. В результате значительное число боевиков было уничтожено⁵.

Рамзана могло задевать то, что федеральные спецслужбы предпочитали бороться против террористов самостоятельно и сами отчитываться перед кремлевским руководством. Между ним и федералами постепенно возникала конкуренция за поимку и уничтожение оппозиционеров.

В марте 2005 г. в селе Толстой-Юрт был убит Аслан Масхадов. Официально его уничтожение считалось результатом работы Федеральной службы безопасности, которая спланировала и самостоятельно провела эту операцию. Рамзан, поздравив федералов (операция проводилась спецназом ФСБ и МВД) с успехом, заметил, что сам надеялся взять Масхадова живым. Возможно, он хотел лично продемонстрировать миру своего знаменитого пленника. Он же предложил собственную версию устранения Масхадова, которая отличалась, например, от версии Алу Алханова, заявившего, что после неудачных переговоров с задержанными подвал, где они находились, закидали гранатами. А по словам Рамзана, Масхадова в результате неосторожного обращения с оружием случайно застрелил охранник. Также Рамзан говорил, что, по его информации, Масхадова выдал один из соратников, намекая, что в основе успеха спецслужб лежит заурядное предательство.

Существует и иной, более замысловатый сюжет этой драмы, согласно которому Масхадов был сначала захвачен по наводке его близкого соратника Вахи Арсанова самим Рамзаном, а потом убит. Это наводит на мысль, что ни федералам, ни самому Рамзану живой Масхадов был не нужен. Ведь на неизбежном суде президент Ичкерии мог рассказать о чеченском конфликте слишком много лишнего. За мечу, что Масхадов был убит вскоре после того, как заявил, что накладывает мораторий на военные действия. Чеченские власти этот призыв к перемирию не приняли.

Впоследствии Рамзан предлагал выдать тело убитого родственникам, однако представитель Регионального оперативного штаба по управлению контртеррористической операцией на Северном Кавказе Илья Шабалкин его поправил, сказав, что тело не будет выдано, потому что есть закон, запрещающий выдавать семьям тела террористов. В 2005 г. выдать тела погибших боевиков родственникам полагал возможным президент Кабардино-Балкарии Арсен Каноков, но не смог этого сделать из-за продолжавшегося следствия.

В игре на опережение с федералами Рамзан проигрывал, а те, в свою очередь, считали, что справятся с верхушкой сепаратистов своими силами. Еще в 2002 г. ФСБ уничтожила одного из руководителей чеченского сопротивления, араба Амира ибн аль-Хаттаба. В июле 2006 г. силами ФСБ на территории Ингушетии был уничтожен Шамиль Басаев. И это также было сделано помимо Рамзана. Недаром в разговорах с журналистами сотрудники ФСБ говорили, что «комментировать операцию может только Николай Платонович (Патрушев. — А. М.)»⁶. Хотя нельзя не признать, что Рамзан сумел сплести вокруг Шамиля агентурную паутину, чем затруднил его действия в Чечне. В целом же из предыдущего печального опыта в ФСБ знали, что сотрудничество с чеченской администрацией очень часто приводит к утечке информации, что при проведении антитеррористических операций крайне нежелательно.

Рамзану могло улыбнуться счастье в августе 2006 г., когда он подобрался к тогдашнему «первому номеру» ослабевших сепаратистов Доку Умарову. Даже прошел слух, что знаменитый полевой командир сдался чеченским властям. Однако быстро разъяснилось, что к Рамзану пришел его старший брат, который заявил, что не отвечает за своего родственника и последний раз виделся с ним в 2004 г.⁷ Все это выглядело так, что Ахмат Умаров попал в заложники к Рамзану, который таким путем пытался добраться до его младшего брата.

Складывалось своего рода разделение труда — Рамзан проводил политику пряника, амнистируя боевиков и привязывая их к себе, а федералы выполняли грязную работу по уничтожению самых известных и опасных противников. Поскольку на стороне федералов действовали чеченцы, которые не доверяли кадыровскому клану, это лишь усиливало противостояние внутри Чечни. Недоведение подогревалось взаимной неприязнью Рамзана и Алу Алханова, который пользовался доверием у российских силовиков.

В 2005 г. в Москве было решено провести в Чечне парламентские выборы, которые должны были засвидетельствовать укрепление политической стабильности и сделать легитимной всю структуру местной власти. Выборы давали Рамзану возможность провести в парламент максимальное число своих ставленников. Преследовалась и еще одна цель — продемонстрировать международной общественности, что Чечня вступила в новый этап развития, что в ней действуют демократические институты, а граждане имеют все возможности для свободного волеизъявления. Надо признать, плюрализм, во всяком случае, в сравнении с остальными регионами России, был налицо. «Единая Россия» собрала 60,65% голосов, 12,39% получил Союз правых сил, 12,20% — коммунисты (остальные четыре партии набрали менее 9%)⁸.

Практически все победители были лояльны Рамзану или полностью зависели от него. Депутатом от СПС стал, например, бывший бригадный генерал сепаратистов Магомед Хамбиев, о судьбе которого шла речь выше. Помимо него в высший законодательный орган республики прошло несколько бывших депутатов парламента Ичкерии, что подводило черту под сепаратистским парламентаризмом.

Такой расклад сил в парламенте был более чем ожидаем, поскольку либо критически настроенные по отношению к Рамзану кандидаты отстранялись от участия в выборах, либо их результаты занижались. Показательная история произошла с председателем Госсовета Чечни Таусом Джабраиловым, человеком, лично преданным Ахмату-хаджи, на глазах у которого, как говорят, рос и мужал Рамзан. Както Таус Джабраилов позволил себе в приватном разговоре критически отозваться о Рамзане. Этого было достаточно, чтобы Рамзан в оскорбительной форме (по словам очевидцев, имело место рукоприкладство) выбросил его из своей команды и вынудил снять свою кандидатуру с выборов⁹. Это публичное «наказание» показало остальным соратни-

кам Рамзана, что прошлые заслуги, даже верность его отцу, более учитываться не будут.

Чиновники из районных центров не стеснялись говорить о спущенной сверху «процентовке», спокойно манипулировали голосами. Чеченская вертикаль власти оставалась миниатюрной копией вертикали федеральной.

Любопытно, что жители Чечни, несмотря на то что прекрасно знали об использовании властью «административного ресурса», все же пришли на выборы. Официально явка составила 70%. Даже с учетом приписок она была высока, о чем можно было судить по активности на избирательных участках. Почему так случилось? Потому что у многих все еще теплилась надежда хотя бы на минимальную честность выборов, на то, что в парламент смогут пройти хотя бы несколько уважаемых ими людей, а не только фавориты начальства. Активно заработали штабы кандидатов, а сами они ездили по избирательным участкам, ждали, когда им позволят выступить на телевидении. Вера в успех в городах и поселках все же оставалась.

Наблюдали за выборами делегации от СНГ, Лиги арабских государств. Прибыли семь представителей Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ). Впоследствии председатель Еврокомиссии заявил, что комиссия удовлетворена тем, как прошли выборы, которые, по его словам, «являются важным и очередным шагом к достижению стабильного мира в Чечне»¹⁰. Европейский союз определил их как «важный шаг в сторону более широкого представительства различных точек зрения в чеченском обществе». Ближе к истине был глава миссии ПАСЕ на чеченских выборах Андреас Гросс, сказавший, что они «определенно не были свободными и честными»¹¹. Выборы дали Рамзану дополнительные козыри. Теперь у него был ручной парламент, который от имени народа одобрял любые его действия. Чтобы избежать случайностей, в том же 2005 г. Рамзан вынудил покинуть Чечню непредсказуемого депутата Ису Ямадаева, избранного, кстати, от «Единой России».

Накануне выборов, летом 2005 г., Рамзан выдал из Чечни еще одного непокорного политика — Бислана Гантамирова, с декабря 1999 по май 2001 г. бывшего первым заместителем полномочного представителя правительства России в Чечне, а с декабря 2000 по май 2001 г. — мэром Грозного. В 2003 г. Гантамиров заявил о своей поддержке кандидата на президентский пост крупного московского бизнесмена Хусейна Джабраилова, а не Ахмата-хаджи. Кроме того, Гантамиров неосторожно заявил, что хотел бы поучаствовать в выборах в чеченский парламент, что особенно раздражило Рамзана¹². Гантамиров выступал от националистической партии «Родина» Дмитрия Rogozина, которая не сумела пройти в парламент. Вскоре у него забрали бизнес (полынка в Грозном), захватили офис его фирмы «Мегаполис». В мае 2005 г. из дома Гантамирова было изъято все оружие, а его брата захватили люди в камуфляже и потребовали, по его словам, выкуп в 100 тыс. долл. Попутно Гантамирову предъявили «дежурные» обвинения в пособничестве боевикам. Он обратился с письменной жалобой в Кремль, к главам ФСБ, МВД, представителю президента в Южном федеральном округе, однако поддержки не получил и покинул Чечню.

Следующим шагом в политическом наступлении Рамзана стало его назначение в марте 2006 г. председателем правительства республики. Формально он им уже был. Занимавший этот пост с марта 2004 г. Сергей Абрамов фактически «состоял» при своем вице-премьере и полностью от него зависел. Он служил исключительно «техническим премьером», строго следуя указаниям Рамзана. В свою очередь, Рамзана тешило то, что формальный глава правительства, к тому же русский, находится у него в полном подчинении. На примере отношения к нему Рамзан порой демонстрировал масштабы своей власти.

Тем не менее Рамзан стремился к формальному продвижению по ступеням власти и потому, когда Абрамов в середине ноября 2005 г., попав на подмосковном Можайском шоссе в аварию, надолго оказался в больнице, он решил, что

настало время самому занять кресло премьера. Ходили слухи, что авария была подстроена. Однако скорее всего это не так — Абрамов был готов уступить свое место по первому требованию, да и в Москве никто не препятствовал такой рокировке (а каждый, кто ездит по Можайскому шоссе, знает, насколько реальна там опасность аварии). Какое-то время, однако, Абрамов, видимо, не знал, как дальше сложится его судьба, и 15 февраля 2006 г. заявил, что «готов вернуться в Чечню и приступить к исполнению служебных обязанностей», что «намерен вдохнуть жизнь в осуществление проектов строительства жилья»¹³. Но Абрамова больше решили не беспокоить. 28 февраля он подал прошение об отставке, указав, что хотел бы, чтобы на его место был утвержден Рамзан Кадыров, и считает это назначение наиболее целесообразным¹⁴. 1 марта отставка была принята. 11 марта в Гудермесе состоялись торжества в связи с появлением нового «неизбежного» премьера. На праздник собралась вся чеченская элита, кроме президента Алханова (иногда именовавшегося среди журналистов «регентом»), который отсутствовал по уважительной причине — он находился в Алжире в составе делегации Владимира Путина. Отложить на два-три дня свою инаугурацию Рамзан не пожелал.

Ему было известно, что чеченское общество принимает его как наиболее сильного политика. В феврале 2006 г., по данным независимого опроса, проведенного информационным агентством «Caucasus Times»¹⁵, 54% чеченцев были уверены, что ситуацию в республике контролирует Рамзан Кадыров¹⁶. Возможно, мое следующее сравнение не покажется корректным, но, по данным общероссийского опроса, проведенного ВЦИОМом в октябре 2005 г., только 13% россиян ответили, что ситуацию в республике контролирует Рамзан, 12% считали, что ее контролируют боевики, 17% называли федеральные власти, 25% — Алу Алханова, 26% полагали, что обстановку не контролирует никто (а 12% вообще не ведали, что происходит в Чечне)¹⁷. Это говорит о том, что российское общество уже в то время имело очень смутное

представление, как на самом деле обстоят дела в республике. Пожалуй, отношение большинства граждан сводилось к формулировке «Чечня — дело тонкое». Утрата общего интереса к Чечне была на руку Рамзану, ибо в каком-то смысле предоставляла ему еще бóльшую свободу действий.

Ноябрьские выборы 2005 г. и мартовское назначение 2006 г. явились для Рамзана очередным рубежом укрепления личной власти, переступив который, он стал еще решительнее избавляться от соперников. Слово «соперник» продолжало сохранять актуальность, ибо у части чеченцев все еще оставалась надежда, что Алу Алханов сумеет наконец предъявить свои президентские полномочия и в этом его поддержат некоторые московские силовики. Знаковой фигурой этого противостояния стал командир отряда «Горец» Мовлади Байсаров.

Байсаров не принадлежал к верхушке кадыровского клана. Он не выделялся особым рвением среди сепаратистов. Хотя после подписания в 1997 г. генералом Александром Лебедем и Асланом Масхадовым соглашений в Хасавюрте Байсаров вместе со своими людьми выполнял ответственное поручение — охранял Масхадова и его окружение. В 2000 г. он перешел на сторону федералов и вскоре стал командиром спецподразделения службы безопасности при главе администрации Чечни Ахмате Кадырове. В 2003 г. при покушении на Кадырова он получил тяжелое ранение. В 2003 г. ваххабиты убили брата Байсарова Шарани. В 2004 г. Мовлади отомстил за брата, уничтожив его убийц.

Байсаров — богатый человек, знающие люди оценивали его состояние в 30 млн долл. Однако в отличие от некоторых других чеченских предпринимателей средней руки он был осторожен и избегал риска (например, отказался от ресторанного бизнеса в Москве). Еще работая с Ахматом-хаджи, Байсаров наладил прямые связи с ФСБ, выполняя отдельные задания. После гибели президента он в 2004 г. покинул кадыровскую службу безопасности и вместе со своей группой перешел под крышу ФСБ. Теперь его подразделение стало

именоваться оперативно-боевой группой. Она получила название «Горец» — по позывному самого Мовлади.

В феврале 2006 г. после расформирования Оперативно-координационного управления ФСБ «Горец» «завис» вне официальных силовых структур и напоминал «незаконное вооруженное формирование». Однако бойцы «Горца» отказались сдать оружие людям Рамзана. В августе 2006 г. министр внутренних дел России Рашид Нургалиев пообещал Байсарову преобразовать «Горец» в отдельную роту Управления вневедомственной охраны при МВД Чеченской Республики с задачей охранять один из главных стратегических объектов Чечни — Аргунскую ТЭЦ¹⁸. Для Байсарова это означало полный переход в подчинение Рамзану, на что он пойти не мог.

В 2006 г. отношения между Рамзаном и Байсаровым обострились до крайности. Власти стали обвинять его в многочисленных преступлениях, в том, что, пытаясь отомстить за смерть брата, он уничтожил невинных людей. Пошли разговоры, что ранение он получил, отнюдь не спасая Ахматахаджи, а просто по дороге домой, когда на него напали его кровники. Заодно ему поставили в вину, что он взял в жены двоюродную сестру, а это позор для чеченца... Я не ставил цель выяснять, что правда, а что нет в байсаровской биографии. Важна сама предопределенность конфликта, ибо Рамзан требовал от всех полной покорности, что было противно натуре командира «Горца».

Байсаров оставил Чечню и продолжил борьбу с Рамзаном в Москве. Всю осень 2006 г. он раздавал резкие критические интервью, заявив однажды, что Рамзан «управляет Чечней “азиатскими” методами, а его сторонники расправляются с инакомыслящими»¹⁹. Но ссориться с Рамзаном никто не хотел, и хотя в силовых структурах Байсаров иногда встречал понимание, оказывать реальную поддержку «беженцу» никто не собирался.

Последняя надежда Байсарова была на то, что Алу Алханов рано или поздно сумеет оградить всех пострадавших

от рамзановских амбиций. Во время одного из приездов в Москву Алханов якобы заверил Байсарова, что поставит Рамзана на место и останется на своем посту до конца положенного срока. В одном из интервью на вопрос, каким он видит политическое будущее Чечни, Байсаров ответил: «Политическое будущее Чечни зависит от Алу Алханова и его сторонников»²⁰. В другом интервью он пообещал быть опорой Алханову — так же, как в свое время Ахмату-хаджи Кадырову²¹. Однако Алханов оставался инертным, хотя иногда его терпение лопалось и он пытался напомнить Рамзану, кто является пусть и формальным, но все же хозяином в чеченском доме.

Известно несколько стычек между малочисленными подразделениями, подчинявшимися Алханову (например, его охраной), и кадыровцами. В апреле 2006 г. Алханов запретил Рамзану входить в свой кабинет более чем с двумя «личниками», а остальных охранников велел оставлять вне здания. Незадолго до того ОМОН линейного ОВД разоружил и посадил под арест нескольких кадыровцев. Примерно в то же время кадыровские охранники с оружием хотели пройти в правительственный комплекс пообедать, но их не пустили. Прозвучал выстрел, и один из охранников Алханова был ранен, после чего началась перестрелка. Однако затем Кадыров позвонил президенту и извинился²². Рамзан, бывало, и осторожничал... В Грозном ходили упорные слухи, что Алханов якобы уже обещал Рамзану, что уйдет²³. Подтвердить правдивость этой информации непросто, но то, что Алханов почти ничего не делал для удержания власти и лишь иногда «обижался» на Рамзана, совершенно очевидно.

Осенью 2006 г. Мовлади Байсаров был едва ли не единственным публичным хулителем Рамзана, не считая, разумеется, зарубежной оппозиции и северокавказских ваххабитов. Его судьба была решена. Как только остававшаяся на территории 15-го молсовхоза в селе Побединском (пригород Грозного) бывшая группа «Горец» сдалась Рамзану и была разоружена, Байсарова объявили в федеральный ро-

зыск. В ноябре в Москву для его поимки прибыли примерно 50 (!) сотрудников МВД Чечни. На Ленинском проспекте при задержании, которое проводили только чеченские милиционеры (при демонстративном невмешательстве московских коллег), Байсаров был застрелен. Оставляя в сторону чисто техническую сторону уничтожения Байсарова (а она очень любопытна сама по себе), отмечу, что оно было подтверждением того, что у Рамзана есть негласное право действовать по своему усмотрению не только в Чечне.

Одновременно стало очевидно, что формальное правление Алханова стремительно катится к концу. Сразу после убийства Байсарова его родственники стали уходить с занимаемых должностей. Покинул свой пост секретарь Совета безопасности Чечни Герман Вок (Саид Исраилов), в свое время также дерзнувший несколько раз покритиковать Рамзана. Ушли советники Алханова, его пресс-секретарь Саид Магомед Исараев ²⁴.

Уверовав в свою безнаказанность, Рамзан начал исподволь готовиться к столкновению с главными соперниками на пути к установлению абсолютной власти в Чечне — кланом Ямадаевых и знаменитым ОРБ-2, которое проводило самостоятельные расследования и Рамзану не подчинялось. Но до того ему еще предстояло достичь главной вершины — сесть в президентское кресло.

Внешне Рамзан двигался к президентству словно шар, точно пущенный твердой рукой в нужную лузу. И все же сто процентной гарантии успеха не было. То же можно сказать и о выдвижении его отца. В начале 2000-х, когда главным претендентом стал Ахмат-хаджи, у Кремля имелись «запасные игроки». Еще в 2000 г., накануне передачи власти Ахмату-хаджи, у него был конкурент (пусть неявный) — Адам Дениев, пользовавшийся симпатией спецслужб. На участие в президентских выборах 2003 г. претендовали сразу несколько авторитетных чеченцев: депутат Госдумы Асламбек Аслаханов, предприниматели Хусейн Джабраилов и Малик Сайдуллаев. А если предположить, что в 2004 г. вместо Алу

Алханова президентом стал бы другой, более амбициозный и энергичный человек, то судьба Рамзана могла оказаться иной. Правда, в 2004 г. Москва уже не рисковала. Не могу сказать, что Рамзан все время оставался у Кремля «на коротком поводке», однако «поводок» все же был.

Но самой главной проблемой для Рамзана становилась грядущая перестановка на верхнем этаже Кремля. Среди несметного количества слухов постепенно вырисовывался сценарий ухода с поста президента его главного патрона — Владимира Путина. Преемник рамзановского покровителя долго оставался неизвестным, назывались имена людей, Рамзану незнакомых, а то и таких, с которыми отношения у него не сложились (например, бывшего министра обороны Сергея Иванова).

В 2006 г. нельзя было сказать наверняка, станет ли Рамзан президентом после ухода Путина. Да и в Чечне начали раздаваться робкие голоса о возможности ухода вместе с Путиным и Рамзана. Осенью 2006 г. премьер Чечни решил, что дальше откладывать свое назначение (по Конституции России глава субъекта Федерации предлагался президентом на утверждение местному законодательному органу) уже опасно. Правда, незадолго до того в августе 2006 г. Рамзан вдруг заговорил о намерении уйти из политики. Это была игра, желание, чтобы его уговаривали этого не делать. И спикер парламента Дукваха Абдурахманов тотчас заявил, что «народ не спрашивает, хочет ли он или нет возглавить республику, а желает, чтобы он был президентом». Соответствующие публикации появились и в местных СМИ. На 5 октября 2006 г. был назначен Всемирный конгресс чеченского народа, приуроченный ко дню рождения Рамзана ²⁵. Рамзан не оригинален: до этого уже состоялись всемирные конгрессы татарского и туркменского народов. В целом волна всенародной поддержки удалась.

Алханов досиживал свой срок, пытаясь избежать ссор с Рамзаном, для которого он оставался раздражителем. Рамзан же, предвкушая скорый успех, напротив, шел на обострение.

В феврале 2007 г. за несколько дней до отставки Алханова Рамзан заявил, что тот «не очень понятен как президент» и что он «не хочет быть таким президентом, как Алханов»²⁶.

В самый канун отставки Алханова неожиданно пошли разговоры, что его возможным преемником станет не премьер-министр, а чеченский министр труда и социальной защиты Магомед Вахаев. Его даже зачем-то пригласили в Москву. Однако этот эпизод быстро замяли, и он представляет интерес лишь для будущих историков Чечни.

Алханов ушел в отставку 15 февраля 2007 г. За три дня до этого Рамзана жестко раскритиковал, выступая на радиостанции «Эхо Москвы», уже упоминавшийся Герман Вок²⁷. Это прозвучало как крик отчаяния, как последний арьергардный бой сторонников Алханова, который навсегда исчез из чеченской политики.

Процедура избрания Рамзана президентом в парламенте выглядела демократично. Были выдвинуты три кандидата — сам Рамзан, глава чеченского отделения «Справедливой России» Муслим Хучиев и глава Грозненского сельского района Шахид Джамалдаев. Джамалдаев взял самоотвод. Рамзан прошел почти единогласно, при одном воздержавшемся. Начало его президентства было отмечено праздником, более шумным, чем начало его премьерства. Как и тогда, гости танцевали лезгинку. В числе прочих плясал и тогдашний президент Ингушетии Мурат Зязиков²⁸.

Обретя долгожданную легитимность де-юре, Рамзан расставил на все сколько-нибудь значимые позиции самых верных людей. Председателем правительства он назначил двоюродного брата по материнской линии Одеса Байсултанова (ранее бывшего вице-премьером), мэром Грозного — Муслима Хачиева, которому Рамзан доверял самые щекотливые поручения. Вице-премьером, курирующим силовые структуры, стал Адам Делимханов. Знаменитый «нефтеполк» возглавил его брат Шерип²⁹.

На районном уровне должности получили надежные бывшие полевые командиры³⁰. Некоторых приближенных

к Рамзану людей журналисты стали именовать его «тенью». Один известный политик получил прозвище «рамзановского хвоста».

Даже заняв пост главы Чечни, Рамзан страстно желал, чтобы президентом России оставался Владимир Путин. Когда в октябре 2007 г. в ряде регионов были организованы митинги в поддержку третьего путинского срока, с наибольшим размахом они прошли в Чечне. В Грозном на митинг собрали 20 тыс. человек, в Гудермесе — 5 тыс. Их участники (в основном молодежь) пришли с лозунгами «Путин — гарант мира и стабильности на чеченской земле», «Президентство Владимира Путина — укрепление роли России как великой державы» и т. п.³¹

Президентом, однако, стал Дмитрий Медведев, но ключевой фигурой в стране остался Путин. Такое преемничество в Кремле Рамзана устраивало. После смены президента контакт Рамзана с Путиным не был утрачен, а Медведев не посягнул на особость статуса Чечни. Возникновение «тандема» прошло для Рамзана благополучно. Выстраивать неформальные отношения сразу с двумя патронами чеченскому лидеру сложнее — хотя бы в силу чисто человеческих обстоятельств. Медведев всегда будет чувствовать, что ближе Рамзану Путин, который и станет принимать ключевые решения по Чечне, а следовательно, по судьбе Рамзана.

В ноябре 2008 г., комментируя послание Медведева Совету Федерации, Рамзан заметил, в России президентство вообще должно быть пожизненным. Возможно, он руководствовался слухами о возможности досрочных выборов, на которых третью победу одержит Путин, возможно, хотел лишний раз расписаться в лояльности Медведеву. Но так или иначе в искренность его позиции можно верить, поскольку вечность президента России (Медведева или Путина) оставляет большую надежду на вечность президента Рамзана Кадырова.

Став президентом, Рамзан приступил к завершающей стадии политической «санации». Первой жертвой стало

ОРБ-2, входившее в состав МВД России. В марте 2007 г. он поручил прокурору Чечни Валерию Кузнецову разобратся с жалобами граждан на совершаемые Бюро похищения и пытки. Кузнецов признал, что за январь-февраль 2007 г. поступило 28 заявлений от 32 человек, но напрямую с действиями ОРБ-2 он эти преступления все же не связал. В марте 2007 г. широкую известность получило дело уроженца Урус-Мартановского района Рамазана Хасиева, который подал жалобу на то, что сотрудники ОРБ-2 во время избиения повредили ему позвоночник. Начальник ОРБ-2 полковник Ахмед Хасанбеков назвал все это клеветой и заметил, что жалоб на Бюро много, но ими занимались компетентные органы, и ничего не подтвердилось³².

Жалобы на действия ОРБ-2 продолжали поступать. В Бюро считали, и не без оснований, что все эти жалобы посылаются по указанию людей Рамзана. С другой стороны, в пренебрежении законом можно обвинить *любую* силовую структуру республики независимо от того, кому она подчиняется.

Летом 2006 г. обстрелы и даже бомбардировки ряда районов продолжались. Проводились зачистки, пустели села в Ножай-Юртовском, Веденском, Курчалоевском районах. По рассказам очевидцев, «федералы специально выдавливали людей с гор», «военные творят, что хотят», «практически невозможно призвать их к ответу»³³. Даже независимые наблюдатели признавали, что «...военные преступления практически не расследуются. Только официально пропавшими без вести числятся 4 тыс. человек. Известны даже номера БТРов, кто приехал, кто забрал, куда забрали...»³⁴. Естественно, в такой ситуации местные жители в еще большей степени связывали свои последние надежды с Рамзаном. И у них, и у президента был общий противник.

Рамзан сделал нестандартный ход. На встрече с комиссаром по правам человека Совета Европы Томасом Хаммербергом он заявил, что «у него сеть серьезные вопросы по проблеме нарушений прав человека к сотрудникам

ОРБ-2, которые подведомственны Главному управлению МВД России по Южному федеральному округу»³⁵. Апеллируя к европейским правозащитникам, он внятно «переводил стрелки» на федералов. При всей критике Рамзана и недоверии к нему европейцы не могли игнорировать тот факт, что молодой чеченский президент не чужд гуманитарным вопросам и потому нуждается в защите от силовиков из российского центра.

Здесь требуется небольшое отступление, касающееся положения в Чечне с правами человека вообще. Ситуация не столь прямолинейна, как иногда изображается в СМИ. С одной стороны, нарушения в этой сфере трудно отрицать, и их очень много. В мае 2007 г. 100 представителей европейской интеллигенции направили в адрес Владимира Путина письмо, где его призывали использовать последний год своего пребывания в должности для восстановления «мира и законности в Чечне». Письмо подписали директор «Форума за мир в Чечне» Айвар Амундсен, лидер британских либерал-демократов сэр Мензис Кэмпбелл, несколько политиков и деятелей культуры, в частности, писатель Том Стоппард и философ Андре Глюксман. С другой стороны, глава Правозащитного центра «Мемориал» Олег Орлов сообщает, что число похищенных в Чечне заметно снизилось. «До сих пор все сообщения о снижении числа нарушений такого рода сильно преувеличивались властями. Но на этот раз это действительно так». По данным члена правления «Мемориала» Александра Черкасова, с января по март 2006 г. было похищено лишь 16 человек, причем 10 из них впоследствии были освобождены. Для сравнения: за аналогичный период 2005 г. похитили 53 человека. Всего же за 2006 г. «Мемориал» насчитал 187 похищенных, из которых 94 освобождены, 11 найдены убитыми, 63 пропали без вести. Черкасов обращает внимание на резкое изменение статистики: в январе 2007 г. случаев похищений зафиксировано десять, а в феврале и марте — по три. «В январе Рамзан Кадыров отдал соответствующий приказ

республиканским формированиям, которые он контролирует. Теперь ответственность за эти случаи несут главным образом силовики, которые Кадырову не подчиняются, то есть федеральные военные и ямадаевцы»³⁶. Один из защитников говорил мне, что люди в поисках решения своих проблем обращаются непосредственно в кадыровскую администрацию, а при возможности — непосредственно к самому Рамзану.

Разумеется, главной целью Рамзана была не защита прав человека, а прекращение деятельности ОРБ-2 в Чечне. По его словам, «эта структура никак не гармонирует с нынешней обстановкой в республике, которая в последнее время приобрела мирный и созидательный характер». Одновременно Рамзан критиковал военную прокуратуру за нежелание расследовать преступления, совершаемые военнослужащими на территории Чечни³⁷. Высказывал он недовольство и прокурором Чечни Валерием Кузнецовым, «который плохо расследует преступления федералов».

Москва отказалась убрать из Чечни ОРБ-2, зато согласилась на компромиссный вариант. В июле 2007 г. Иса Сургуев заменил на посту руководителя Бюро Ахмеда Хасанбекова, вызывавшего особый гнев Рамзана, что вполне устроило последнего, который считал, что победа осталась за ним. Не остался внакладе и Хасанбеков, который пошел на повышение и стал заместителем руководителя Главного управления МВД по Южному федеральному округу. Покидая свой пост, он многозначительно заметил: «мое рабочее место в Грозном, я отсюда никуда не денусь»³⁸. Но ни у кого не было сомнений, что позиции Хасанбекова в Чечне раз и навсегда подорваны.

Нежелание Рамзана видеть в Чечне надзирающие и неподконтрольные ему федеральные структуры вполне понятно. По его логике право контроля принадлежит прежде всего Путину, перед которым он и держит ответ. Дополнительный присмотр, тем более вмешательство в его дела излишни и чреваты внутричеченскими разборками.

Имелось еще одно обстоятельство, которое нельзя игнорировать. Убийство 9 мая 2004 г. его отца в Чечне объясняли по-разному. Существовало мнение, что Ахмат-хаджи пал жертвой российских силовиков (назывались разные организации), которые не могли простить ему его самостоятельность. С ними были связаны кремлевские коррупционеры, которые опасались, что Ахмату-ахаджи удастся хоть как-то ослабить изъятие ими денег, направляемых на восстановление Чечни. Слухи оставались слухами, но полностью заткнуть уши Рамзан по понятным причинам не мог и потому рассматривал присутствие федеральных служб не просто как помеху своей власти, но и как личную угрозу.

Параллельно с борьбой против ОРБ-2 он избавлялся от всех, кто находился вне его непосредственного подчинения, проходил службу в федеральных структурах МВД и внутренних войск и хоть в малейшей степени выражал недовольство методами его правления. В июне Рамзан сместил с поста командира республиканского ОМОНа Артура Ахмадова. Формально это был перевод на другую должность, но в окружении Рамзана говорили, что Ахмадов был наказан за «проалхановские» взгляды³⁹. Якобы в связи с не залеченным ранением в ногу попросил перевода на другую должность командир батальона «Юг» Муслим Ильясов. На самом деле между ним и Рамзаном произошел конфликт — Ильясов заявил, что не намерен более терпеть оскорблений. Лишившись командира, бойцы батальона разошлись по домам.

Еще в 2007 г. ушел со своего поста командир «Запада» Саид-Магомед Какиев. Он был назначен на декоративную должность заместителя военного комиссара Чечни по военно-патриотическому воспитанию молодежи. Батальон принял Бислан Элимханов, у которого также были непростые отношения с Рамзаном. В сентябре 2008 г. Элимханов был тяжело ранен в Грозном, оказался в госпитале и был отстранен от командования батальоном. «Решение о расформировании батальонов неправильное и неспра-

ведливое, — говорил Элимханов и многозначительно добавлял: — время придет, и мы снова понадобится»⁴⁰.

Самое жестокое и непримиримое противостояние развернулось между Рамзаном и братьями Ямадаевыми. К 2008 г. клан Ямадаевых уже не мог составлять кадыровцам серьезную конкуренцию. Однако сам факт их независимого поведения, того, что они были не клевретами Рамзана, а его вынужденными союзниками, не давал ему покоя. Рамзан не мог допустить, что кто-то в Чечне существует, игнорируя его указания. Он считал, что любой потенциальный конкурент при неблагоприятном стечении обстоятельств становится опасным. Следовало позаботиться и о будущем, о том, как сложится его судьба при новом президенте России.

К весне 2008 г. Ямадаевы были единственными, кто располагал независимой военной силой и сохранял, как казалось, относительно надежную поддержку силовиков-федералов. Рамзан готовил почву для атаки против конкурентов загодя. Он учитывал и то, что Ямадаевы, будучи уверены в собственной неуязвимости, не предпринимали никаких мер для обеспечения своей безопасности. Они сохраняли лояльность Рамзану и не стремились обострять с ним отношения. Позиция Ямадаевых не была непримиримой. Глава клана Руслан и командир «Востока» Сулим понимали, что в этой схватке они уступают Рамзану. Не случайно уже после убийства в сентябре 2008 г. Руслана Ямадаева вице-спикер Совета Федерации Александр Торшин отмечал, что Руслан «был готов идти на компромиссы во имя развития Кавказского региона»⁴¹.

13 апреля 2008 г. на выезде из Гудермеса автоколонна «Востока» под водительством брата Сулима Бадруди, возвращавшаяся с похорон своих сослуживцев, не уступила дорогу кортежу Рамзана. Автомобили не разъехались, началась стрельба, повлекшая гибель двух бойцов «Востока». Инцидент, поначалу именовавшийся в официальных СМИ не более чем дорожно-транспортным происшествием, в первый момент некоторым показался досадным недоразумени-

ем. На следующий день Бадруди встретился с Рамзаном, и, казалось, инцидент был улажен. Начальник Главного управления боевой подготовки и службы войск Министерства обороны генерал-лейтенант Владимир Шаманов вообще заявил, что никакой перестрелки между «Востоком» и охраной президента Чечни не было, чем фактически продемонстрировал солидарность с Рамзаном. Оставалась надежда, что все каким-то образом устроится и Министерство обороны не даст «Восток» в обиду. Однако события только начинали разворачиваться.

Рамзан решил, что настал подходящий момент для расправы с ямадаевским кланом и ликвидации их главной силы — батальона «Восток». Начались систематические задержания и проверки документов у его бойцов. Рамзан вдруг вспомнил, что Бадруди Ямадаев давно находится под следствием по обвинению в покушении на заместителя главного санитарного врача Москвы Александра Мельникова, а само его пребывание на свободе является нарушением закона. Припомнили Ямадаевым несанкционированное вторжение 4 июня 2005 г. в станицу Бороздиновскую, в результате которого погибли 2 человека, 12 пропали без вести и было сожжено 4 дома (эта история до сих пор остается до конца неясной). Припомнили и штурм Сулимом Ямадаевым 15 сентября 2006 г. завода «Самсон» в Санкт-Петербурге, убийства братьев главы Московского индустриального банка Абубакара Арсамакова. 12 ноября 2008 г. Следственный комитет Чечни потребовал привода Сулима Ямадаева по делу об убийстве, датированному 1998 г.⁴² «Этого человека должны доставить в СИЗО или не знаю куда», — сказал о Сулиме Рамзан Кадыров⁴³.

В апреле 2008 г. уполномоченный по правам человека Чечни Нурди Нухажиев заявил о необходимости проверить причастность «Востока» к нападению на сотрудника аппарата чеченского омбудсмана Хасамбека Зубайраева, в результате которого погибли две его племянницы. «Восток» стали обвинять в убийствах и похищениях людей. Наконец,

его бойцов стали называть не иначе как «карателями», что должно было вызвать у населения ассоциацию с жестокими федералами.

Одновременно Кадыров начал переманивать бойцов «Востока». Злые языки утверждали, что за уход из батальона он обещал им «лендроверы». Однако более действенными оказывались такие меры, как отключение 26 мая 2008 г. подачи газа, электричества и воды в районе дислокации одной из рот «Востока», а главное — систематические задержания бойцов непокорного батальона и угрозы физической расправы. В результате от Героя России подполковника Сулима Ямадаева к Герою России подполковнику Рамзану Кадырову, по разным данным, ушло от 70 до 200 или даже 300 человек.

Можно верить обвинениям, которые предъявляет ямадаевцам Рамзан, но в равной степени доверия заслуживают и многочисленные жалобы на произвол людей Кадырова, исходящие от Ямадаевых. Очевидно, и те, и другие говорят правду. В этом и заключается трагизм ситуации в Чечне, где на протяжении почти двадцати лет положение в обществе и отношения между людьми не определяются законами — федеральными или республиканскими, а регулируются исключительно на основе права силы. И Москва не только не пытается восстановить законность⁴⁴, но по сути дела в этом и не заинтересована. Несоблюдение законов в Чечне — всего лишь частный случай происходящего по всей России. (В 2004 г., вернувшись из Чечни после президентских выборов, на одном из «круглых столов» я сказал, что эти выборы были сфальсифицированы. «У нас так везде», — парировал мое замечание один из кремлевских политтехнологов.)

16 апреля 2008 г. Нурди Нухажиев обвинил «Восток» в мятеже. Парламент Чечни обратился к министру обороны Анатолию Сердюкову с просьбой расформировать «Восток» или отстранить Сулима Ямадаева от его командования. В Министерстве обороны сообщили, что подобной просьбы к

ним не поступало. Но затем аналогичная просьба поступила непосредственно от президента Кадырова. Фактически повторялась ситуация с ОРБ-2, когда смена его начальника означала переход Бюро под контроль Рамзана.

Чеченский президент действовал решительно, но осторожно, учитывая общую атмосферу в стране. 2 марта 2008 г. был избран новый президент Дмитрий Медведев, и в Москве больше занимались внутренними заботами. Чересчур резкие движения могли вызвать негативную реакцию. Рамзан продолжал давить Ямадаевых самостоятельно, предъявляя им все новые обвинения.

Неожиданный шанс уцелеть дала «Востоку» разразившаяся в августе российско-грузинская «пятидневная война». В составе российских войск батальоны «Восток» и «Запад» были введены в Южную Осетию, где их бойцы продемонстрировали высокий профессионализм и специфическую дипломатичность: на бортах бронетранспортеров они устанавливали чеченский флаг, всячески пресекали мародерство со стороны осетинских добровольцев.

Но по возвращению из Грузии оба батальона вновь оказались под прессом Рамзана, который решил довести начатое до конца. Под его нажимом и при молчании премьер-министра Путина процесс ликвидации «Востока» и «Запада» продолжился. Теперь он был облечен в более респектабельные формы. В ноябре 2008 г. их распустили под предлогом проведения военной реформы. Официально «Запад» и «Восток», по словам первого заместителя главнокомандующего Сухопутными войсками Владимира Молтенского, были ликвидированы ввиду «преобразования в рамках формирования нового облика Сухопутных войск»⁴⁵. В действительности к военной реформе это не имело никакого отношения. Реформа предполагает замену дивизий более мобильными бригадами, а вместо полков планируется создать батальоны. Однако ничего подобного в базирующейся в Чечне 42-й дивизии не происходило. К тому же оба входившие в нее подразделения были подчинены также и

ГРУ. «Такими своими действиями Минобороны добьется только одного: в чеченских лесах появится на две сотни людей больше», — прокомментировал ситуацию один из офицеров «Востока». Если это произойдет, такое подкрепление боевикам может повлиять на расстановку сил в Чечне.

Существует еще одна версия роспуска батальонов «Восток» и «Запад». Журналист Иван Сухов считает, что их расформировали «из-за конфликта между определенными группами влияния в Москве, которые считают и силовые структуры, и Рамзана Кадырова инструментами в собственной борьбе за полноту федеральной власти: Дмитрий Медведев назначил президента Ингушетии и тут же получил позиционное укрепление Рамзана Кадырова»⁴⁶. Это соображение следует учитывать, поскольку поставленный в сентябре 2008 г. вместо Мурата Зязикова новый президент Ингушетии полковник Юнус-бек Евкуров — выходец из военной разведки, которая таким образом получила «компенсацию» за ущемление ее интересов в Чечне. Евкуров считается человеком решительным, и вряд ли с его приходом чеченские силовые структуры смогут действовать в Ингушетии столь же произвольно, как это было при Зязикове.

Рамзан расправлялся со всеми поодиночке, а его оппоненты так и не сумели объединиться, да, похоже, и не хотели этого. Каждый из них вел свою игру: а) рассчитывая на поддержку шефов в Кремле; б) до конца не веря, что Рамзан дерзнет стать диктатором и откажется следовать традициям межкланового консенсуса; в) надеясь на возможность компромисса с Рамзаном. И последнее: никто, в том числе и Ямадаевы, не видел себя в роли национального лидера.

Еще в конце 2006 г. в разгар борьбы с Байсаровым вице-премьер Адам Делимханов сказал, что информация о том, что Какиев и Ямадаев вступили в конфликт с Рамзаном, «выгодна только Байсарову»⁴⁷. В свою очередь, наличие конфликта с Рамзаном отрицали и Ямадаевы, и сам Какиев. Интересна реакция Руслана Ямадаева на ликвидацию Байсарова: «Я бы хотел, чтобы он дал показания

в суде... На политическом поле он был ноль... он был марионеткой в руках тех, кто хотел дестабилизировать обстановку в Чечне»⁴⁸.

Глава клана Ямадаевых Руслан был застрелен 24 сентября 2008 г. в Москве. Кто это сделал, очевидно, останется неизвестным. Версия, что убить его распорядился сам Рамзан, несмотря на ее популярность в Чечне (такую возможность не исключал брат покойного Иса ⁴⁹), имеет ряд издержек. Во-первых, Рамзан изначально демонстративно действовал в рамках закона, во-вторых, приказом убить противника он навлек на себя кровную месть, что могло привести для него к самым печальным последствиям. Крайнее обострение кадыровско-ямадаевского конфликта могло дестабилизировать ситуацию в Чечне в целом, что не устраивало Кремль. Думается, можно с доверием отнестись к словам пресс-секретаря Рамзана Кадырова, сказавшего, что «внесудебная расправа, кем бы она ни была совершена, является незаконием», а также что его могли убить кровники ⁵⁰. Организаторы убийства хотели поставить под удар Кадырова, считает депутат Госдумы Александр Хинштейн ⁵¹.

По мнению первого вице-спикера Совета Федерации Александра Торшина, не исключено, что убийство Руслана Ямадаева — результат деятельности грузинских спецслужб, которые хотели отомстить его брату Сулиму за участие батальона «Восток» в операции против Грузии ⁵². «Грузинский след» смотрится большой натяжкой, а его упоминание отражало общий антигрузинский дискурс российской политики. Некоторые полагали, что Руслана приняли за Сулима, хотя это маловероятно, поскольку братья были не похожи друг на друга.

Трагедия Ямадаевых убийством Руслана не завершилась. В ночь с 31 декабря на 1 января 2009 г. был сожжен дом Исы Ямадаева, а 15 января — Сулима. Братья направили заявление в прокуратуру России. Вопрос «Кто виноват?» вновь остается открытым. Возможно, это мстители-боевики, возможно, кто-то другой. Здесь можно вспомнить

фильм «Кавказская пленница», в котором товарищ Саахов, возжелав украсть себе невесту, особо указывал, что сделать это должны «люди не из нашего района».

Как бы то ни было, к началу 2009 г. Рамзану удалось устранить или оттеснить всех истинных и виртуальных соперников. Он разогнал советников отца. Ему не были нужны и сильные, влиятельные союзники. Рамзан установил над подчиненными ежеминутный, мелочный контроль, требуя от них почти лакейской преданности. Идеальный образец рамзановского приближенного — зависимый от него экономически близкий родственник, который готов и способен преданно и любыми средствами выполнять волю хозяина. Он полностью игнорировал внутритейповую солидарность.

В итоге Рамзан остался один на один с чеченским обществом. Он оказался в трагичном положении, ибо стабильность в Чечне надежнее всего обеспечивается системой сдержек и противовесов, которую он сам и разрушил. Иметь в качестве политической опоры только собственный клан рискованно. Это прекрасно понимал Ахмат-хаджи, который опирался на самые разные силы, прислушивался к критике, сохранял при себе возможных оппонентов. При этом он старался «не ущемить людей из одного с ним рода как при распределении “портфелей”, так и при решении любых других вопросов»⁵³. Как-то, вспоминая Аслана Масхадова, Ахмат Кадыров заметил: когда у него возникали проблемы с кем-либо из окружения, «он создавал какой-то департамент, назначал его руководителем, и тот успокаивался». Порой сходным образом действовал и сам Ахмат-хаджи. И в этом была его сила.

Успехи Рамзана по устранению оппонентов в Чечне принижает одно обстоятельство — он не сумел выиграть «битву за нефть», ему не удалось (и вряд ли удастся) установить контроль над этой главной экономической ценностью Чечни. А эта битва была одним из основных факторов чеченского конфликта. За нее боролся Дудаев, за контроль

над ней бился Ахмат-хаджи, который в январе 2001 г. возглавил совет директоров чеченского филиала «Роснефти».

Договор о перераспределении полномочий между Чечней и федеральным центром готовили с 2003 г., еще при Ахмате-хаджи. Причем согласно некоторым источникам и пост президента ему обещали в обмен на молчание по поводу нефти. Так это или нет, сказать трудно, но Ахмат-хаджи отдавать нефть не хотел.

Борьба вокруг нефти и финансов привела к отставке всех, кто пытался ограничить аппетиты Кадыровых. В течение короткого срока с ноября 2002 по январь 2003 г. пост премьера занимал Михаил Бабич. При нем Ахмат-хаджи снял с поста министра финансов Сергея Абрамова и назначил на его место близкого человека Эли Исаева. Бабич пожаловался в Москву, но вскоре был заменен. Ранее из Чечни был убран Николай Кошман, а затем, в 2002 г., министром по делам Чечни был назначен Станислав Ильясов, продержавшийся до 2003 г.⁵⁴ В начале 2003 г. силовики продавили на место чеченского премьера финансового директора компании «Росвооружение» Анатолия Попова, но в сентябре того же года он попал в больницу с диагнозом «отравление» (Попов был уверен, что его отравили не боевики). Как только Попов заявил, что больше в Чечню не вернется, Ахмат-хаджи немедленно назначил временно исполняющим обязанности премьера министра финансов Эли Исаева. И наконец, с 2004 г. по февраль 2006 г. пост премьера занимал Владимир Абрамов, уступивший свое место Рамзану Кадырову.

Информация о положении дел с чеченской нефтью крайне запутанна, причем это сделано сознательно. Известно, например, что за последние пять лет добыли 5 млн т, что в 2007 г. из своих скважин «Роснефть» извлекла 2,14 млн т. «Роснефть» в Чечне монополист. У нее 248 скважин, а на самом деле даже больше, и кому они принадлежат, остается только догадываться. Скважины охраняются специальным подразделением, которое неформаль-

но именуется «Нефтеполк» и подчиняется Рамзану. В нем примерно 2 тыс. бойцов⁵⁵.

По постановлению российского правительства от 2000 г. все добытые в Чечне нефть и газ уходят на экспорт, средства от их продажи поступают на особый счет Минпромэнерго, а затем федеральное правительство тратит их на федеральную целевую программу по восстановлению экономики и социальной сферы Чечни. Если упростить эту схему, то окажется, что «нефтяные деньги» не принадлежат Чечне, а выдаются ей из кармана «Роснефти». Смириться с таким положением Рамзан не хочет, но и переломить ситуацию не может.

Он даже отказался подписать договор о разграничении полномочий в обмен на получение нефтяного комплекса, заметив, что сомневается в необходимости подписания этого документа и считает, что сегодня для республики данный вопрос неактуален. По его сведениям, в 2006 г. выручка «Роснефти» составила 20 млрд руб., а в бюджет поступило только 420 млн. По словам Рамзана, 80% средств на восстановление пропадает: из них 50% — в Москве, 20% — в Ростове, 10% — в Моздоке⁵⁶. Фактически он повторил слова, сказанные еще Ахматов-хаджи, заявившим незадолго до смерти, что 80% предназначенных Чечне средств разворовывается, причем большая часть оседает в Москве⁵⁷.

Крайнюю озабоченность в Чечне вызвали разговоры о возможном строительстве нефтеперерабатывающего завода мощностью 2—5 млн т в Кабардино-Балкарии, что фактически означало, что Чечня навечно останется экспортером сырой нефти. Дукваха Абдурахманов назвал это решение «оскорблением чеченского народа»⁵⁸. Можно понять раздражение в Грозном, но очевидно, что «Роснефть», которая стала монополистом добычи углеводородов, ни на какие серьезные уступки не пойдёт. Глава ее совета директоров, вице-премьер правительства России Игорь Сечин, отвечающий за топливно-энергетический комплекс, считает, что «большая нефть» не должна контролироваться

местной властью ⁵⁹. Такого в России нет нигде, и с этой точки зрения Чечня все же остается типичным субъектом Федерации.

Гражданская война привнесла в чеченское общество максимум психологической раздражительности и недоверия. Как и при любой феодальной системе, вассал не только боится суверена, но и по-своему уважает и даже любит его. Главным побудительным мотивом преданности Рамзану стал страх. Как при любом диктаторе, его соратники стремятся во что бы ни стало угодить ему и вместе с тем скрывают, что они думают о нем на самом деле. Немало людей из его окружения относятся к нему без большой приязни. Вряд ли Рамзан об этом не знает. Это должна подсказывать ему интуиция. Сам он относится к окружающим как к слугам семьи, не имеющим никаких прав холопам. В правящей верхушке Чечни ответственные отношения «патрон — клиент» не сложились. А личная диктатура на Кавказе не может сохраняться слишком долго.

Проблема президента Ингушетии Мурата Зязикова состояла в отсутствии у него необходимой твердости и самостоятельности. У Рамзана и того, и другого в избытке. Оба выстроили системы личной власти, но власть одного была слишком рыхлой и безответственной, а второго — суперавторитарной. У Зязикова отношения «патрон — клиент» не устоялись в силу слабости патрона, у Рамзана — из-за его склонности к диктаторству. Оба в каком-то смысле нарушили российский неофеодализм.

Крайности сходятся. Зязиков уже в отставке.

| ПРИМЕЧАНИЯ |

¹ Записано мной на состоявшейся в Грозном в октябре 2008 г. Международном миротворческом форуме.

² *Шерматова С.* Чечня: дорога Кадырова к власти // http://www.IWPR.net/?arc_state=henfcrs159384&l=ru&s=f&o=159384.

³ *Абуль-Фарадж.* Занимательные истории. — М.; Л., 1961. — С. 83.

- ⁴ <http://www.svobodanews.ru/content/Article/106369.html>.
- ⁵ Речкалов В. Громкая связь // Моск. комсомолец. — 2006. — 17 нояб.
- ⁶ Чижиков М., Баранец В., Гамов А. Голову Басаева привезли в мешке для мусора // Комсом. правда. — 2006. — 11 июля.
- ⁷ Приговорен к высшей власти // Время новостей. — 2006. — 21 авг.
- ⁸ Кавказ. узел. — 2005. — 3 дек.
- ⁹ Речкалов В. Хан или Пахан: Ч. 1 // Моск. комсомолец. — 2007. — 25 янв.
- ¹⁰ В Еврокомиссии удовлетворены выборами в Чечне // Кавказ. узел. — 2005. — 15 дек. (<http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/86692>).
- ¹¹ ЕС приветствовал выборы в Чечне как шаг в сторону демократии // Кавказ. узел. — 2005. — 30 нояб.
- ¹² Аптекарь П., Редичкина О. Кремль просят вмешаться // Газета. — 2005. — 5 июня.
- ¹³ Христианова М. «Дерзкое и резонансное» убийство // Интерфакс. — 2008. — 25 сент. (<http://www.interfax.ru/society/txt.asp?id=35151>).
- ¹⁴ Сергей Абрамов оставил свой пост Рамзану Кадырову // Регнум. — 2006. — 28 февр. (<http://www.regnum.ru/news/597798.html>).
- ¹⁵ Учредителем «Caucasus Times» является чешское информационно-аналитическое агенство «Medium Orient Information Agency». Исследование, на которое я ссылаюсь, осуществлялось при финансовой поддержки Фонда NED (США).
- ¹⁶ Текушев И. Северный Кавказ: взгляд изнутри / NED. — Praha, 2006. — С. 67.
- ¹⁷ Center Cur. Polit. Research (<http://www.securities.com/doc.html>).
- ¹⁸ <http://www.profile.ru/items/?item=20939>.
- ¹⁹ Старостин Д. Байсарову грозят тюрьма и кровная месть // Моск. новости. — 2006. — 11 нояб.
- ²⁰ Время новостей. — 2006. — 14 нояб.
- ²¹ Ахмедханов Б., Старостин Д. «Горец» бросает вызов Кадырову // Моск. новости. — 2006. — 20 окт.
- ²² Премьерная стрельба // Моск. комсомолец. — 2006. — 27 апр.
- ²³ Моск. комсомолец. — 2006. — 2006. — 16 нояб.
- ²⁴ Измайлов В. Клан ты мой опавший // Новая газ. — 2007. — 13 февр.
- ²⁵ Приговорен к высшей власти // Время новостей. — 2006. — 21 авг.
- ²⁶ <http://www.regnum.ru/news/784420.html>.
- ²⁷ <http://echo.msk.ru/programs/razvorot/49558>; Сухов И. Формальные прилипания: Дмитрий Козак предложил альтернативу Рамзану Кадырову // Время новостей. — 2007. — 22 февр.
- ²⁸ Рискин А. Впервые в России пост главы субъекта Федерации передан по наследству // Независимая газ. — 2007. — 5 марта.

²⁹ *Сухов И.* Друг семьи: Рамзан Кадыров подобрал себе формального куратора силовых структур // *Время новостей*. — 2006. — 19 июля.

³⁰ *Измайлов В.* Братва из Закан-Юрта и другие // *Новая газ.* — 2007. — 13 марта.

³¹ Массовые акции в поддержку «третьего срока» — добровольно-принудительная инициатива «снизу»? // <http://www.regnum.ru/news/905742.html>.

³² <http://www.regnum.ru/news/797959.html>.

³³ *Умарова А.* Чечня: невидимая война // http://www.iwpr.net/?p=crs&s=f&o=323125&apc_state=hrupcrs.

³⁴ Деньги в Чечню поступили за два месяца до событий в Осетии: Беседа Владимира Рыжкова с президентом Центра стратегических исследований и развития гражданского общества Абдуллой Истамуловым // *Новая газ.* — 2008. — 27 авг.

³⁵ <http://www.regnum.ru/news/797581.html>.

³⁶ *Сухов И.* Кавказские пленники // *Время новостей*. — 2007. — 8 мая.

³⁷ Рамзан Кадыров недоволен военной прокуратурой // *Коммерсантъ*. — 2007. — 13 июля.

³⁸ *Машкин С.* «Я отсюда никуда не денусь» // *Коммерсантъ*. — 2007. — 24 июля; *Аленова О.* Горный пиар // *Коммерсантъ-Власть*. — 2008. — 28 апр.; В Чечне закрывают детские дома // *Regions.ru*. — 2007. — 21 янв.; Премьер Чечни потребовал от республиканской милиции усилить работу по профилактике преступлений // *RIAN-SOUTH*. — 2007. — Ян. 19; *Сухов И.* Указ. соч.; Кто и зачем нагнетает ситуацию в Ингушетии? Интервью с президентом Ингушетии Муратом Зязиковым // *Новая газ.* — 2007. — № 71; *Цечоев И.* Ингушетия в геополитике России на Кавказе // *Власть*. — 2007. — № 1. — С. 51—53; *Идилов И. И.* Ислам как фактор возрождения экономики и социальной сферы Чеченской Республики // *Материалы Международного миротворческого форума «Ислам религия мира и создания»*. — Грозный, 2007. — С. 238; *Ан-Нур* [Грозный]. — 2008. — 15 окт., 30 сент.; Ислам в Чечне: история и современность. — [Б. м.], 2008. — С. 63; *Димаева Ф. В.* Универсализм в исламе // Там же. — С. 45; *Нунуев С.-Х. М.* Чечня между исламской цивилизацией духа и западной цивилизацией агрессивного гедонизма // Там же. — С. 25.

³⁹ «Повышение строптивного» // *Коммерсантъ*. — 2007. — 24 июля.

⁴⁰ *Рус. обозреватель*. — 2008. — 10 нояб.

⁴¹ <http://www.rian.ru/incidents/20080925/151596144.html>.

⁴² *Ломовцев Э.* Президентские свидетели // *Время новостей*. — 2008. — 12 нояб.

⁴³ *Мурадов М., Сергеев Н.* Герой разоблачил героя // Коммерсантъ. — 2008. — 17 апр.

⁴⁴ По моему субъективному мнению, лишь один политик федерального уровня — Дмитрий Козак, состоявший представителем президента России в Южном федеральном округе, пытался противостоять этой жуткой традиции. Однако, пожалуй, он как никто другой ощутил на себе «жернова» упомянутой в начале книги феодализации политической системы в ее неизбежном кавказском варианте.

⁴⁵ *Гордиенко И.* «Восток» — дело мокрое? // Новая газ. — 2008. — 13 нояб.

⁴⁶ *Сухов И.* Нет «Востока», и «Запада» нет // Время новостей. — 2008. — 10 нояб.

⁴⁷ *Старостин Д.* Байсарову грозит тюрьма и кровная месть // Моск. новости. — 2006. — 11 нояб.

⁴⁸ <http://www.kavkaz-uzel.ru/printnews/news/id1229574.html>.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ *Христианова М.* «Дерзкое и резонансное убийство» // Интерфакс. — 2008. — 25 сент. (<http://www.interfax.ru/society/txt.asp?id=35151>).

⁵¹ *Рагозина Е.* Шок Рамзана // Ведомости. — 2008. — 25 сент.

⁵² <http://www.rian.ru/incidents/20080925/151596144.html>.

⁵³ Свет и тени семьи Кадыровых // Аналит. группа АНН. — 2006. — 6 июля.

⁵⁴ *Воронов В.* Начальник Чечни // Совершенно секретно. — 2006. — 13 янв.

⁵⁵ *Каледин Н.* Кадыров против ОРБ // www.expert.ru/articles/2007/03/20/orb.

⁵⁶ *Рискин А.* Безальтернативный Рамзан // Независимая газ. — 2007. — 26 февр.

⁵⁷ *Малашенко А.* Как выбирали в Чечне / Моск. Центр Карнеги. — М., 2006. — С. 35.

⁵⁸ <http://www.rferl.org/featuresarticle/2008/4/93caaa59-1938-462b-9e55-995d5dc33c42.html>.

⁵⁹ *Пыльнова Д., Шкрылев Д.* Война за чеченскую нефть // Новая газ. — 2009. — 30 янв.

Диктаторские наклонности Рамзана удваивались его возрастом, а также естественным стремлением обрести себя через подражание старшим (известная реплика Владимира Ульянова — «Мы пойдем другим путем» — все еще остается исключением). Объектами для подражания послужили два разных человека — отец Рамзана и Владимир Путин. Последний — в большей степени. Подражание выражается не в копировании образца, а в освоении применительно к своей ситуации его методов.

Возможно, Рамзан подражал еще и своему, если можно так выразиться, «антикумиру» — Шамилю Басаеву, который тоже сумел завоевать авторитет и в Москве, и в Чечне. В 2003 г. во время референдума по конституции Чечни начальник временного отдела внутренних дел Введенского района подполковник Владимир Плишкин честно признал: «Если представить, что Шамиль Басаев баллотировался бы здесь на пост главы администрации, то не исключено, что он победил бы... Чеченцы проголосуют за любого жесткого и сильного лидера, способного навести порядок в районе. Мы этого сделать не можем»¹. Рамзан всеми фибрами души мечтал о таком образе.

Ему присуща непосредственность, граничащая с наивностью. Отсюда и золотой пистолет, и собственный зоопарк, и степень кандидата экономических наук, звание почетного профессора Современной гуманитарной академии и академика Российской академии естественных наук,

и многое другое. Хотя вряд ли он не сознает, что те, кто присваивает ему ученые регалии, смеются над ним.

Инфантильность нынешних молодых и уже не слишком молодых политиков выглядит неожиданным, запоздалым продолжением психологии советской геронтократии, когда коммунистические вожди писали книги, украшали себя наградами и любовались собственными портретами. Рамзан не избежал этой болезни. Грозный и другие города Чечни увешаны его портретами и фотографиями, на которых он изображен с Путиным, реже с Медведевым. На чеченских парнях можно увидеть майки с его изображением. Есть даже футболки с Рамзаном и Путиным.

В 2006 г. кто-то (говорят, это был заезжий московский эксперт) заметил, что обилие рамзановских физиономий старшему поколению навевает ассоциации с одряхлевшим Брежневым. Вряд ли в памяти чеченского лидера сохранились воспоминания о старом генсеке. Однако совету он внял, и на какое-то время число его настенных изображений уменьшилось.

Самые трогательные баннеры — отец и сын Кадыровы. Это не просто символ сыновней любви, но свидетельство преемственности. Последнее выглядит в глазах многих чеченцев несколько двусмысленно, если принять во внимание, как Рамзан разделался со многими людьми, составлявшими опору его отца. Не успевший развиться культ Ахмата-хаджи Кадырова переплавился в культ Рамзана. Это напоминает северокорейский тандем — «великий учитель» и «любимый руководитель». В центре Грозного Рамзан поставил отцу памятник (Басеев пообещал его взорвать, но сделать этого так и не смог). Против установки памятника возражали местные богословы, говоря, что это противоречит исламской традиции, однако Рамзан настоял на своем. В народе монумент прозвали «Ленин в папаше». Однако дело сделано, и я уверен: как бы ни сложилась судьба самого Рамзана, монумент останется в неприкосновенности, а в памяти людей Ахмат-хаджи постепенно станет «бронзо-

вель». О нем издано несколько книг, которые можно купить не только в Чечне, а по всему Северному Кавказу. Впрочем, это, как правило, скучная апологетика.

Рамзан придает особое значение спортивным успехам чеченцев. Это вообще типично для Северного Кавказа, спортсмены которого, в основном борцы, на фоне падения уровня выступлений сборной России на олимпиадах становятся все заметнее. Для Рамзана приоритетные виды спорта — бокс и футбол. Футбол в России, а прежде в СССР, всегда был приобщен к политике, как мировой, так и внутренней. Выход в 2009 г. российской сборной в полуфинал чемпионата Европы подавался чуть ли не как главное свидетельство «подъема России с колен». Чтобы казанский «Рубин» впервые стал чемпионом страны, потребовалась *политическая воля* Минтимера Шаймиева. В 2004 г. грозненский «Терек» завоевал кубок России. На первой странице газеты «Ринг» появилась фотография Рамзана с кубком в руках ². Символическое совпадение: именно у Татарстана и Чечни на протяжении недавней российской истории отношения с центром складывались наиболее сложно и даже конфронтационно. Но эти же республики сумели добиться наивысших успехов в самом престижном и политизированном виде спорта. Тот, кто был поддипломатичнее, завоевал золотые медали в чемпионате, неудавшимся бывшим сепаратистам достался только кубок.

Судить футбольные матчи в Грозном не просто и даже опасно. Местные болельщики практикуют угрозы в адрес судей и даже нападения на них. Так, некто неизвестный (как писали газетчики, похожий на депутата Госдумы от Чечни Адама Делимханова) угрожал арбитру матча «Терек» — ЦСКА Александру Гвардису. Нападение было совершено на судью московского матча между «Тереком» и «Локомотивом» Алексея Ковалева ³. Однако известно, что сам Рамзан осуждает такого рода действия и пресекает их. Злые языки приписывали победу «Терека» в кубке России, во-первых, «договорным» матчам, а во-вторых,

некому нажму власть имущих, которые считали этот футбольный приз своего рода поощрением молодого чеченского президента. Думается, самому Рамзану хотелось, чтобы победы чеченской команды в глазах болельщиков выглядели честными (кстати, чемпиона 2009 г. «Рубин» в подкупе соперников никто не обвиняет).

Что касается главного спортивного увлечения Рамзана — бокса, то его личные спортивные успехи у многих вызывают сомнения. Легенда о его достижениях как боксера не находит достаточных подтверждений. В списках победителей крупных турниров фамилия Кадырова не значится. Зато Рамзан возглавляет республиканскую федерацию бокса. В Гудермесе он построил современный спортивный центр, территория которого охраняется не менее строго, чем его резиденция. Рамзан добился приезда в Грозный чемпиона мира Майка Тайсона, организовал встречу борцов вольного стиля Чечни и США.

О религиозном рвении Рамзана будет сказано в следующей главе. При всем том он не чужд светской жизни, к которой пристрастился, часто бывая в российской столице. Здесь он общается со знакомыми из чеченской диаспоры, посещает церемонии, далекие от исламских представлений об этике. В Интернете можно обнаружить совсем уж игривые кадры, которые напоминают ельцинские времена, когда на телеэкране показывали лиц, «похожих» на известных политиков, в самых что ни на есть вольных ситуациях.

При этом Рамзан редко «светится» на страницах гламурных журналов, хотя его противоречивый образ жизни позволяет считать его кем-то вроде «мусульманского плейбоя». Он похож на тех состоятельных мусульман из региона Персидского залива, которые с удовольствием проводят время в Париже и Лондоне вдали от строгих исламских норм. На обложке романа Юлии Латыниной «Ниязбек», главный герой которого — самобытный кавказский боевик и политик, изображен зеленый мячик для гольфа и клюшка

с фрагментом коранической вязи ⁴. Это не символ, а скорее иллюстрация к нынешним нравам Кавказа.

Рамзан — ценитель лошадей, участвует в качестве зрителя и игрока на скачках, не отказывает себе в удовольствии покупать скакунов. Участвовавший в 2006 г. в скачках на «Кубок Эльбруса» жеребец Джасил якобы был куплен Рамзаном за 240 тыс. долл. Тот же источник сообщает, что во время скачек он хотел поспорить с президентами Кабардино-Балкарии Арсеном Каноковым и Карачаево-Черкесии Мустафой Батдыевым на бюджет Чечни, что его Джасил придет первым. Джасил пришел только третьим ⁵. Цена коня вполне правдоподобна, что же до пари, не исключено, что это красивая, но невыгодная для Рамзана легенда. Впоследствии Джасил реабилитировался и в 2007 г. в Нальчике на скачках «Золотая подкова», где участвовали «лучшие скакуны Президента ЧР Рамзана Кадырова»⁶, пришел к финишу первым. Рамзан на коне напоминает Путина в кресле пилота военного самолета. Если Путин дзюдоист, то Рамзан боксер... Оба играют — каждый в свои цапки — самозабвенно и искренне.

Как и всякий преуспевающий кавказец, он ценит хорошие автомобили. Кортеж Рамзана состоит примерно из полусотни машин, в числе которых девять «Порше Кайенн», «Лексус LX 470», по паре БМВ-530 и «Мерседес» S-класса. Кроме того, у него есть еще около тридцати автомобилей иностранного и отечественного производства. Общая стоимость рамзановских машин оценивается приблизительно в 2 млн евро ⁷.

Рамзан богат. По выражению одного моего собеседника, он «приватизировал» всю Чечню. Скорее всего, он и в самом деле самый богатый человек в республике, хотя среди чеченцев диаспоры есть люди с большими состояниями. В Чечне его богатство выставлено напоказ — это и сеть бензозаконок «Лидер», и шикарная резиденция, и домашний зоопарк, и дорогие автомобили. Рамзан не стесняется своего богатства. Люди из его окружения ему подражают.

Все это не может не раздражать чеченцев, уровень жизни большинства которых невысок. Не нравится такое поведение и верующим. Однако Рамзан уверен, что народ должен принимать своего вождя таким, каков он есть. Богатство вождя — знак благополучия его страны. Он не особенно боится критических пересудов, которые гуляют по маленькой Чечне, где ничего невозможно скрыть от окружающих, особенно при нынешних средствах массовой информации. Кроме того, Рамзан не в силах отказаться от подобного образа жизни просто в силу своего характера.

Вызывающая грубость, привычка игнорировать критику возвышают Рамзана в глазах молодежи. Для нее он свой «крутой парень», которому можно и нужно подражать, карьера которого ломает традиционные представления о подчинении старшим, об обязательном соблюдении надоевшего кавказского этикета. Анна Политковская писала о «кадыровском синдроме», который стал популярен среди молодежи⁸. Рамзан «ассимилирует» местную молодежь, которая совсем недавно восхищалась антироссийскими муджахедами, а теперь любитя промосковски настроенным кумиром. В Грозном создан молодежный Патриотический клуб «Рамзан», деятельность которого разносторонняя, его члены принимают участие в том числе даже в экологических акциях — собирают мусор⁹. Надо обладать действительно высоким мужским авторитетом, чтобы заставить собственных приверженцев подметать улицы.

Демонстрируя свою силу и богатство, Рамзан утверждает имидж «простого в обращении, но богатого чеченца» и справедливого правителя. На первый взгляд эти две ипостаси несовместимы. Однако это не так, тем более в Чечне, где эгалитаристские настроения сплетаются со стремлением добиться личной удачи и обрести прочный государственный порядок. А Рамзану, как всякому стоящему у власти популисту, нравится наводить порядок. В январе 2007 г. он отдал распоряжение проверять автомобили с синими милицейскими номерами и спрашивать, почему

сами милиционеры не останавливают эти машины. Один такой случай произошел на его глазах, и это возмутило его ¹⁰. Он любит рассказывать, как однажды его машину прижали на трассе и даже и угрожали пистолетом. Рамзан прокомментировал это событие словами: «Я не могу со всем этим справиться», тем самым поставив себя в один ряд с «простыми людьми».

Иногда Рамзан инкогнито выезжает на «Жигулях» проверить, как ведется строительство жилья. Он любит принародно раздавать деньги малоимущим и заставляет делать это нерадивых администраторов. Четыре дочери Рамзана (у пророка Мухаммада их было тоже четыре) ходят в простую школу, носят такую же форму, как и все.

Рамзан выстраивает, пытается выстраивать отношения напрямую с каждым человеком. Этот популизм в чисто виде подчас может весьма быть успешным в традиционном обществе. Президент требует к себе доверия. Он может быть привлекательным, ему нравится делать людям подарки. Ему хочется стать своим для всех — для Путина и для простой сельчанки. Он обладает актерским дарованием, с годами он научился им пользоваться. И у него нельзя отнять доли искренности, с которой он общается с людьми. Рамзан искренне любит своих «подданных», у которых он вызывает самые разные чувства. Считают ли чеченцы его «своим»? Если ограничить ответ на этот вопрос альтернативой «да или нет», то мне кажется, что скорее — «да». К нему привыкли. При этом «простом парне» в Чечне жить стало лучше и веселей. Пусть даже и не всем.

| ПРИМЕЧАНИЯ |

¹ Речкалов В., Постников К. Чеченцы хотят почувствовать себя людьми // Известия. — 2003. — 21 марта.

² Ринг: Газета Федерации бокса Чеченской Республики. — 2004. — № 4. — Авг.

³ Анин Р. Терек ударил в голову // Новая газ. — 2008. — 2 сент.

⁴ Латынина Ю. Ниязбек. — М., 2005.

⁵ Стоцкий А. Конный спор // Экспресс-газ. — 2006. — 7 нояб.

⁶ <http://www.grozny-inform.ru/main.mhtml?Part=8&PublD=2862>.

⁷ <http://yashin.livejournal.com/606894.html>.

⁸ Политковская А. Кадыровцев будут бить // Новая газ. — 2006. — 11 сент.

⁹ Ан-Нур [Грозный]. — 2008. — 30 сент.

¹⁰ REGIONS.RU/Новости Федерации. — 2007. — 18 янв.

Возможно, корректнее было бы поменять в заголовке слова местами: «Ислам и Рамзан» звучит привычнее и уважительнее к религии. Но речь идет все-таки о Рамзане Кадырове, а не вообще о чеченском исламе, о котором и так написано немало. Поэтому — «Рамзан и ислам».

Выпускник советской школы, неизбежный этнонационалист, сын муфтия, сепаратист, национальный лидер не может быть «плоским человеком» и иметь линейное мышление. Рамзан действительно «мусульманский плейбой», но он и ревностный мусульманин. Он верит во Всевышнего, он принадлежит к исламской кавказской культуре. Он не мыслит себя вне ислама. Одновременно Рамзан относится к исламу как к инструменту, который можно использовать для достижения своих политических целей, как к средству (с моей точки зрения, спорное) консолидации общества.

Насколько значима роль традиции в чеченском обществе? После депортации 1944 г. чеченцы подверглись жесточайшему испытанию ассимиляцией и как народ оказались на грани растворения. Рассеянные на просторах Советского Союза, они имели полное моральное право предать забвению традиции во имя самосохранения и приспособления к иным жизненным условиям. Но они отказались мимикрировать и сберегали свою этнокультурную традицию. Парадокс в том, что *в меньшей степени* это относится к исламу.

Я выделяю слова «в меньшей степени», поскольку для крупнейшего мусульманского народа России — татар именно

ислам стал стержнем, основой сохранения культуры. Без ислама татарам скорее всего грозило бы слияние с окружающей русской средой. Для чеченцев же ислам был хотя и важным, но далеко не единственным фактором культурного выживания.

Здесь не обойтись и без многократно цитировавшихся слов о чеченцах Александра Солженицына, написавшего, что в ГУЛАГе «...была одна нация, которая совсем не поддалась покорности, — не одиночки, не бунтари, а вся нация целиком. Это — чечены»¹. Чеченцы были сильны не только своей этнической солидарностью, но и обостренным чувством сопротивления власти, лишавшей их ощущения личной свободы. Чеченцы менее религиозны, чем, например, жители соседнего Дагестана, а долгое проживание среди немусульманских народов усилило их индифферентность к религии, которая и по сей день присуща среднему и частично старшему поколениям.

Реисламизация охватила Северный Кавказ в самом начале 1990-х годов и набрала силу в первую чеченскую войну, когда идеологией сопротивления Москве стал джихад. В регион стремительно врывались новые, непривычные исламские идеи. По Кавказу бродили арабские миссионеры, приносящие свое понимание ислама. Их слова попадали на благодатную почву недовольства бедственным материальным положением, коррупцией. Советский Союз ушел в прошлое, новая политическая система была невнятна и непонятна. Зато она провоцировала на протестные действия, облекавшиеся в религиозную форму. Радикалы же предлагали свою, исламскую альтернативу, якобы способную разрешить все проблемы. «Исламский путь развития» выглядел априори безошибочным, ибо у его истоков стоял пророк Мухаммад. В экстремальных условиях 1990-х годов обращение к исламской модели обустройства общества многим казалось едва ли ни единственным путем спасения. «Ввергнутое в войну чеченское общество оказалось в драматической ситуации поиска формулы общественной жизни на основе выдуманных образов прошлого или же согласно предписанным

внешними силами рецептам, чуждым для Чечни и ее жителей»². Начало религиозной и идейной чересполосицы Рамзан застал в почти подростковом возрасте.

Сэмюэл Хантингтон считал, что прологом к третьей антимусульманской войне России на Северном Кавказе с чеченцами послужили столкновения в 1992—1993 гг., происшедшие между православными осетинами и ингушами-мусульманами. При всей спорности такого подхода американский ученый уловил один из важнейших аспектов кризиса на Северном Кавказе — его религиозно-политическую составляющую. Ислам не был первопричиной ни осетино-ингушского, ни чеченского конфликтов, но стал акселератором последнего, сделав его еще более ожесточенным и вписав его в конфликтные отношения между Западом, Россией (как его условной частью) и исламом. Версия конфликта цивилизаций была подхвачена как исламскими радикалами, в том числе чеченскими (что можно проследить по их сайту «Kavkaz-Center»), так и множеством журналистов и политиков, для которых «конфликт цивилизаций» стал прекрасным предлогом для собственной пиар-кампании на телевидении. Идея «конфликта цивилизаций» применительно к чеченской войне работала на обе противостоявшие стороны, поскольку возвышала их в собственных глазах: одно дело — «обыкновенный сепаратизм», совсем другое — участие в конфликте цивилизаций. Рамзан публично никогда высказывался на эту тему, но легко догадаться, что он видел себя не только борцом за независимость, но и муджахедом в глобальном сражении.

Мне доводилось разговаривать со многими кавказскими, центральноазиатскими, арабскими, иранскими воинами за освобождение от западного, прозападного, а также российского «ига», и все они подчеркивали, что их борьба — часть конфликта цивилизаций. Порой истолкование было еще проще: никакого конфликта между цивилизациями вообще нет, а просто Запад борется против ислама и желает подчинить себе мусульман.

Джихад вталкивал чеченцев в ислам. Он возвышал их в собственных глазах, обещал им солидарность единоверцев — мировой мусульманской уммы. В сепаратизме присутствовали и иные составляющие. В первое время в речах Джохара Дудаева упоминалось даже создание демократического государства (но кто в России, тем более в Чечне, мог знать, что это такое), затем оно плавно трансформировалось в исламскую республику. Чеченский этнонационализм мог состояться только на волне ретрадиционализации.

Порождение дикой постсоветской вольницы и чеченского национализма — генерал Дудаев в тех условиях мог действовать только в соответствии с общим вектором событий. Даже устойчивая и трижды проверенная психика летчика не могла гарантировать прокладки правильного курса в религиозно-политическом пространстве. Дудаев показывал, что отрицает рассыпавшийся советский менталитет, прежнее поведение, наконец, даже быт, выступая за замену всего этого иными традициями. Забавным и показательным по внутренней противоречивости решением был запрет новогодних елок, которые он связал с христианством. Он *играл* в традиционализм. Поневоле напрашивается сравнение со Сталиным, тоже отменившим этот «религиозный» предрассудок, но потом к нему вернувшимся. Проживи Дудаев подольше и тем более добейся он невозможного — создания независимой Чечни, елки пришлось бы вернуть, но уже не как дань христианству, а чтобы консолидировать атомизированное чеченское общество, для которого Новый год успел превратиться в семейный *народный* праздник.

Рамзанновогоднюю елку не отменяли не отменит. Он мудрее Дудаева, да и Сталина. Хотя, если бы он захотел сделать это, отношение Кремля было бы снисходительным (несмотря даже на кремлевскую елку!). Рамзан работает с традицией аккуратнее. Он внедряет ее настойчиво и последовательно, хотя до конца не понимает, что такой подход несет и серьезные издержки. Баланс позитивного и негативного непрост, и последствия ретрадиционализации амбивалентны.

Чеченский историк Явус Ахмадов пишет, что «вековая борьба с природой и враждебным окружением направила энергию народа в довольно узкое русло традиционализма (курсив мой. — А. М.), постоянного воспроизводства когда-то найденных удачных форм существования общества в согласии с природой и в согласии между людьми, составляющими данную общность»³. С этим тезисом можно поспорить, указав автору на абсолютизацию им традиции. Но можно его и дополнить, отметив, что чеченцы часто оказывались перед лицом врага, а также учесть сравнительную слабость, пунктирность модернизационного процесса, что всегда оставляет место для попятного движения к архаизации.

Наиболее последовательно и даже рьяно защищал приоритет традиции чеченский политик и «утопист» Хож-Ахмед Нухаев⁴, который придумал и даже описал некое «децивилизованное» чеченское государство-общество, отказавшееся от достижений человечества и основанное на симбиозе ислама и племенных традиций. В конце 1990-х годов размышления Нухаева обрели известную популярность, на него ссылались многие зарубежные эксперты. Теоретические основы такого государства однажды пытался изложить мне в длившемся целый час телефонном разговоре соратник Нухаева Яхим Мансурчик. Признав оригинальность такой конструкции, я так и не смог понять, каким образом это квазигосударство может быть реально создано. Принципы же его не соответствуют нормам ислама.

Не следует относиться к реконструкции традиции сугубо негативно. Частичное восстановление в рамках ее институтов регулирования отношений в обществе в условиях постоянной напряженности поддерживает стабильность. При несоблюдении федеральных законов позитивную роль может сыграть адат. Продуктивен оказывается и шариат, если, конечно, не злоупотреблять отдельными его положениями, например, касающимися уголовного права.

С другой стороны, ретрадиционализация является маркером стагнации, тормозом на пути социальной мо-

бильности, свидетельством не востребо­ванности реальных реформ. Она возрождает нормы, не совместимые с современной жизнью, такие как кровная месть. Одним из ее важнейших следствий является политизация религии, которая превращается в идеологию, в свою очередь, неизбежно распадающуюся на несколько противостоящих друг другу направлений. Во всем происходящем не следует усматривать исключительно чей-то злой (или добрый) умысел. «Ретрадиционализация общества подчас... не способна противостоять разрушительной энергии войны (чеченской. — А. М.), которая вводит новые правила», — говорится в коллективной монографии французских исследователей ⁵.

Последние без малого двадцать лет в Чечне наблюдается противостояние местной религиозной традиции — ислама мазхабов ⁶ (шафиитского и ханафитского), ислама суфийских тарикатов с «новыми» направлениями — салафизмом, ваххабизмом, фундаментализмом, исламизмом. Их сторонников объединяло, во-первых, неприятие всех разновидностей традиционного ислама, во-вторых, стремление полностью исламизировать (шариатизировать) общество. Ваххабиты вообще боролись за построение исламского государства. В свою очередь, традиционалисты отстаивали идею синтеза местной и исламской традиций и считали, что иные интерпретации чужды кавказскому обществу.

Между поборниками традиционного и «нового» ислама развернулась борьба за место под солнцем, религиозный диспут был неотделим от политической борьбы. В этом постоянно переходившем в военные схватки «котле» формировалось мировоззрение Рамзана.

Для его отца вопрос религиозного выбора не стоял. Он был убежденным традиционалистом и поддержал Дудаева в силу своих политических убеждений. Воспитанник медресе Мир-Араб и Ташкентского исламского института, он рассматривал ваххабизм как покушение на кавказскую традицию, стремление лишить ее национальной сути. Ахмату-хаджи принадлежат слова: «Мы сначала являемся

чеченцами, а потом мусульманами»⁷. Для муфтия заявление весьма дерзкое.

Ахмат-хаджи с тревогой наблюдал за укреплением позиций исламских радикалов в соседнем Дагестане. Он понимал, что поддержанный им джихад против России превратился в ваххабитский джихад, и рано или поздно ваххабиты захотят от него избавиться. Понимал Ахмат-хаджи и другое: без посторонней поддержки традиционный ислам не сумеет противостоять ваххабитскому натиску. Традиционный ислам сам по себе был слаб. По замечанию религиоведа Вахита Акаева, его отличала «теоретическая слабость, отсюда — полная растерянность в противостоянии с религиозными радикалами, политическая пассивность, отчужденность от духовных запросов молодежи, социальной действительности»⁸. Ахмат-хаджи искал и нашел надежного союзника в Москве. В поступке чеченского муфтия не было ничего чрезвычайного: в борьбе против своих исламских соперников так поступало духовенство на всем Северном Кавказе, в Центральной Азии. Переходя на сторону Путина, Ахмат-хаджи спасал традиции кавказского ислама и, разумеется, самого себя.

Кадыровы принадлежат к тарикату (братству) Кадирийя, одному из трех тарикатов, укрепившихся на Северном Кавказе. «Тарикат» истолковывается как путь к познанию мира (по-арабски *тарика* — «путь»). Кадирийя, самый многочисленный тарикат в чеченском суфизме (его сторонники составляют 60% приверженцев всех тарикатов), состоит из нескольких вирдов (Вахит Акаев именуется их малыми братствами) — Ташу-хаджи, Дени Арсанова, Солса-хаджи, Докку-шайха, среди которых выделяется вирд Кунта-хаджи. Два других тариката — Накшбандийя и Шазилийя — укрепились в Дагестане. Накшбандийя сложилась в XII—XIV вв., Кадирийя — чуть позже, в XV в. Самый молодой, зато наиболее активный тарикат, возникший в XIX в., — Шазилийя, шейхи которого играют очень заметную роль в политической жизни Дагестана.

Нельзя сказать, что конкуренция между тарикатами в обществе имела первостепенное значение для политической обстановки. В то же время известно, что еще при советской власти центр учитывал взаимоотношения тарикатов и использовал конкуренцию между ними. Это происходило негласно, на партийных собраниях вопрос о принадлежности местных администраторов к тому или иному тарикату не обсуждался. Зато об этом было хорошо известно в административных кулуарах.

Однако в начале 1990-х годов, в переломный период в Москве те, кому надо, были информированы, что последний первый секретарь Чечено-Ингушской АССР, поддерживавший ГКЧП Доку Завгаев был накшбандитом. Ведали в Кремле и то, что мятежный генерал Дудаев был кадири-том⁹. Во время чеченского кризиса позиции кадири-тов усилились, в то время как влияние накшбандитов ослабло.

Накшбандитом слыл Алу Алханов. Вряд ли генерал-майор Алханов, долгое время работавший далеко за пределами Чечни, идентифицировал себя как накшбандита, но для Рамзана это значение имело. В 2006 г. он принял решение возратить из небытия религиозное (и политическое) наследие знаменитого кадирита, главного мусульманского авторитета Чечни в XIX в. Кунта-хаджи, возведя его на пьедестал духовного патриарха чеченской нации. Тогда и прозвучала из уст Рамзана нелицеприятная критика Алу Алханова за «бестактные» и «политически близорукие» высказывания о смерти имама Шамиля и Кунта-хаджи¹⁰. Был накшбандитом и еще один недруг Рамзана — командир батальона «Север» Саид-Магомед Какиев.

Мне приходилось расспрашивать чеченских друзей, какое значение имела принадлежность к одному из тарикатов того или иного политика. Почти все они вежливо пожимали плечами, а некоторые даже крутили пальцем у виска, желая таким образом объяснить, что я остался востоковедом в худшем смысле этого слова и воспринимаю чеченцев как «туземцев», «абреков и кунаков». Тем не ме-

нее в первом десятилетии наступившего века выяснилось, что этот факт биографии по-прежнему сохраняет значение. Принадлежность людей к тому или иному тарикату учитывал президент Чечни Рамзан Кадыров, принявший решение опереться в государственном строительстве на тарикат Кадирийя, точнее, на входящий в него вирд Кунта-хаджи. Это обстоятельство с 2007 г. оказывает влияние на ситуацию в Чечне, и это не могут не принимать во внимание московские покровители Рамзана.

В XIX в. живший в одно время с воинственным имамом Шамилем чеченский шейх Кунта-хаджи (Кишиев) был противником войны с Россией, выступал против джихада. «Кунта-хаджи в своем учении исходил из глубокого понимания вайнахского национального менталитета, чтобы выстоять после национальной катастрофы (Кавказской войны), необходимо было время для духовного и физического восстановления этноса, накопления сил. Главной идеей учения Кунта-хаджи было не пораженчество, а возрожденчество. Кунта-хаджи выступал категорически против “борьбы с империей до последнего чеченца”: чеченцев мало, поэтому каждый должен быть духовным столпом своего народа»¹¹. Шамиль и Кунта-хаджи были антиподами, в совокупности определявшими панораму российско-кавказского соприкосновения.

Влияние Кунта-хаджи не выходило за рамки вайнахского народа — чеченцев и ингушей. Он не предлагал свои идеи всему Кавказу. В отличие от Шамиля он не представлял угрозы для российской экспансии. Тем не менее шейх был арестован российскими властями и в 1865 г. умер в заключении. Прежде его имя крайне редко упоминалось учеными и политиками.

Во второй половине XX в. учение Кунта-хаджи отошло на периферию общественного сознания чеченцев. Но память о нем сохранялась, свидетельством чему было паломничество на могилу его матери Хеди. В 2006 г. его совершили 200 тыс. человек ¹². Даже если эта цифра несколько преувеличе-

на, счет паломников идет на десятки тысяч. Чеченские власти позаботились о реконструкции мемориала. Обещание «Зиярат мы так оформим, что он будет в золоте блистать»¹³ выполнено, и ныне эта могила выглядит очень достойно.

Внутричеченский конфликт актуализировал идейные и религиозные воззрения Кунта-хаджи. В 1990-е годы на его имени пытались спекулировать многие политики, толком не ведая, в чем на самом деле состояли его взгляды. Председатель парламента Чеченской Республики, председатель Конфедерации народов Северного Кавказа Юсуп Сослаббеков вспоминал: Дудаев заявил, что «он принадлежит к вирду Кунта-хаджи, поэтому поддержка со стороны влиятельного Кадирийского братства была ему обеспечена». При этом вряд ли действия самого Дудаева вписывались в пацифистскую (для XIX в.) концепцию Кунта-хаджи.

Кадириты действительно поддерживали Дудаева, тогда как накшбандиты (большинство священнослужителей в Чечне — выходцы из Накшбандийи) были против. Однако произошел раскол и среди кадиритов. Против Дудаева выступил генерал Ибрахим Сулейменов, прямой потомок сестры Кунта-хаджи. Сулейменов был арестован, а его братья убиты¹⁴. Понимание Дудаевым исламской традиции было чрезвычайно поверхностным. Для него и джихад был своеобразной формой военно-штабного плана. Интересно, как бы этот «кунта-хаджиец» повел себя в условиях противостояния традиционного и «нового» ислама.

Определеннее выглядела позиция Аслана Масхадова, который в своей политике стал опираться на традиционные для Северного Кавказа суфийские тарикаты¹⁵, по сути на кадиритов. Масхадов был «дважды» противником ваххабитов: он не принимал их как светский человек, как инстинктивный приверженец традиционного ислама, кроме того, он видел в них опасных политических конкурентов.

Нельзя упускать из вида и то обстоятельство, что в понимании Дудаева, Масхадова и иже с ними традиционный ислам был тождествен «советскому исламу», допускавшему много-

численные отклонения от шариатских норм и сводившемуся к соблюдению нескольких расхожих обрядов. Дудаев толком не знал, сколько раз в день положено молиться мусульманину. Трудно поверить в его и Масхадова неопитство. Их приверженность исламу имела инструментальный характер. Тем более что оба (особенно Масхадов) понимали, что на «исламском поле» они явно проигрывают религиозным радикалам.

Во второй половине 1990-х в разгар подъема ваххабизма одним из самых популярных был вопрос, насколько искренен в своих исламских убеждениях Шамиль Басаев. Окончательного ответа на него нет. Наверное, его «склонность» к исламу была искренней. Во-первых, он был моложе своих сепаратистских собратьев, во-вторых, его «исламизация» происходила под непосредственным воздействием арабских миссионеров, он шел к исламу не от чеченской культуры. Как бы перешагивая через нее, он воспринимал ислам сквозь фундаменталистскую призму, а ссылки на местную традицию выглядели для него вероотступничеством. Для Басаева этническая и религиозная идентичности хотя и были неразрывно связаны, но не были равнозначны. Первенство принадлежало исламской самоидентификации, что способствовало утверждению радикальной исламской идеологии. Последняя становилась основой для превращения ичкерийского сепаратизма в движение за создание исламского государства. При такой позиции в религиозном дискурсе не оставалось места для Кунта-хаджи с его умеренным, прагматичным подходом. Он в глазах ваххабитов выглядел чуть ли не изменником веры.

Размышления об истинных взглядах Басаева, да и других полевых командиров (ичкерийских «генералов») подводят к ряду вопросов. Насколько рядовые бойцы «исламского фронта» были привержены радикальным идеям? Играли ли они в «ваххабизм» или на самом деле он застрял в глубине их мировоззрения? Кому объявили амнистию Ахмат-хаджи и Рамзан — ваххабитам, которые были вынуждены приспособиться из-за своего военно-политического поражения,

заблудшим мусульманам, которым они открыли глаза на истинный ислам, или для бывших сепаратистов ваххабизм был всего лишь конъюнктурной идеологией войны, национального сепаратистского движения? Можно ли было им верить?

В документах некоторых радикальных исламских организаций, например, действующей в Центральной Азии «Хизб ат-тахрир аль-ислямий», прописаны правила поведения для живущих в чуждой, даже враждебной среде. В частности, им рекомендуется вести себя таким образом, чтобы не вызывать недоверия среди окружающих, подстраиваться под их поведение, курить, употреблять алкоголь и пр.

Ваххабитов отторгала большая часть чеченского общества, однако они были организованны, сплочены, они сражались против ненавистных федералов и позиционировали себя как защитники народа. Символом конфронтации между ваххабитами и традиционалистами стало первое столкновение в 1995 г. возле могилы Хеди: ваххабиты хотели ее разрушить, тем самым прекратив языческий с их точки зрения обычай. В 1998 г. в Гудермесе между ваххабитами и их противниками, братьями Ямадаевыми, произошел настоящий бой, в ходе которого их поддерживали местные приверженцы накшбандийского и кадирийского тарикатов. И хотя поводом для сражения послужила бытовая ссора, его яростный характер и масштабы свидетельствовали о непримиримом религиозно-политическом конфликте.

Мне доводилось обсуждать эту проблему с чеченцами, воспринимающими ислам только как часть национальной культуры. Однако даже они, люди индифферентные к религии, говорили: осквернение могилы Хеди размежевало общество и, что особенно важно, стало предпосылкой к последующему падению ваххабитского влияния — слишком дерзкий вызов был брошен этнической традиции. Ахмат-хаджи понял, что ни религиозный, ни политический компромисс с ваххабитами невозможен. Профессиональный священнослужитель, инстинктивный политик, он сознавал, что в результате гражданского противостояния в обществе

возник идейный вакуум. Расколотый ислам, этнонационализм, на котором зиждился сепаратистский концепт, — всего этого было недостаточно для сплочения народа. Самой простой и доходчивой идеей была реконструкция Чечни, своего рода «чеченская мечта», которая не требовала идеологизации. Людям было не до идей.

Во время своей инаугурации в октябре 2002 г. Ахмат-хаджи отказался приносить клятву на Коране, сказав, что он «не становится главой исламского государства», присокупив, что главное — «получить широкие экономические полномочия»¹⁶. На это обстоятельство обратили внимание многие. Ведь и в Центральной Азии ни один из президентов не собирался строить исламское государство, но ведь принес же президентскую клятву на Коране враг исламитов глава Узбекистана Ислам Каримов.

Ни во время, ни после войн у кадиритского тариката не было влиятельных духовных лидеров, шейхов. Положение в Чечне принципиально отличалось от ситуации в Дагестане, где обитали около двух десятков ¹⁷ авторитетных суфийских наставников (крупнейшего из которых, Саида-аффанди Черкеевского, признают и накшбандиты, и шазилиты), организовавших религиозное пространство и сопричастных к местной политике. Принять на себя духовную миссию Ахмат-хаджи не хотел. Он даже отказался от поста муфтия, сосредоточив внимание на решении хозяйственных вопросов. Но проблема религиозного вождя оставалась открытой.

Кадирит Ахмат-хаджи нашел выход: он стал апеллировать к истории. Он чувствовал двусмысленность положения, в котором оказался. С одной стороны, продолжалась война с сепаратистами-ваххабитами. Аслан Масхадов говорил, что выборы Кадырова не изменят принципиально ее ход. С другой стороны, кремлевская «чеченизация» формально соответствовала позиции Масхадова, искавшего возможность для диалога. Но было поздно — Путин нашел «своего» сепаратиста, и участь Масхадова была решена. Тем временем сам Ахмат-хаджи пытался выстраивать та-

кой диалог с одним из самых влиятельных полевых командиров Русланом Гелаевым.

«В ситуации безнадежности, после краха проекта независимости, при отсутствии перспективы политического урегулирования исламская риторика остается единственным способом поддержать национальный проект, — писали в начале 2000-х годов французские ученые Од Мерлен, Анна Ле Уэру и их коллеги. — В этом смысле национальный дискурс подпитывается сегодня риторикой мирового джихада»¹⁸. Однако «мировой джихад», значение которого завышалось многими авторами, быстро утрачивал в Чечне и без того ограниченную привлекательность. На Ахмата-хаджи работало то обстоятельство, что приверженцы «нетрадиционного ислама» своей бескомпромиссностью и жестокостью дискредитировали собственные идеи. «Салафитский проект провалился, потому что у него не было социокультурного базиса... а его реализация приводила к постоянному противостоянию между различными военно-политическими группировками»¹⁹.

Состоялось политическое урегулирование, в результате чего появилась надежда на конкретное улучшение жизни, которая уже не связывалась с глобальными лозунгами. Исламская риторика сохранилась, но развернулась на 180 градусов. Апелляция к религии была адаптирована к задаче восстановления республики, интеграции общества вокруг промовской власти и нормализации отношений с Россией.

Смерть Ахмата-хаджи в 2004 г. породила загадку: как бы он повел себя в дальнейшем, каким образом использовал бы «исламский фактор» при строительстве ограниченной форматом России чеченской государственности? Завещал ли он Рамзану методы утверждения своего исламского дискурса в идеологии и политики? Кому принадлежит авторство систематического использования традиционного ислама в качестве рычага для консолидации чеченского общества?

Попробуем исходить из следующих соображений. Во-первых, как отмечалось, Ахмат-хаджи счел излишним гру-

бо принуждать к возврату в традиционный ислам, опасаясь ненужного раздражения возвращавшихся боевиков, а также приверженной радикальным взглядам части молодежи. Во-вторых, успех традиционного ислама, кадиритского тариката был немислим без влиятельного «жреца», место которого мог занять сам Ахмат-хаджи, выходец из рода Кунта-хаджи. Однако, в-третьих, востребованность в обществе религиозно-политического кумира была низка, возможно, даже отсутствовала. Известна фраза Ахмата-хаджи, что для прекращения конфликта в Чечне понадобится двадцать лет. Эти слова пятидесятилетнего чеченского президента означают, что он не претендовал на то, что именно ему выпадет привести Чечню к миру. Ахмат-хаджи принимал обязательство сократить этот срок. При всем том он не был назойлив и не пытался навязывать свою харизму окружающим.

Нетерпеливый Рамзан хотел добиться титула «восстановителя Чечни» максимально быстро. Он мечтал закрепить свою власть созданием национально-религиозной интеграционной идеологии. Выбор был ограничен. Чисто светская национальная идея заведомо была «непроходима». За двадцать лет в Чечне выросло поколение, не мыслившее себя вне ислама. Нелепо, абсурдно было ставить во главу угла модернизацию — вряд ли ее можно вообразить в нынешней Чечне. Даже в России этот концепт выглядел спекулятивным и маловразумительным. Для Рамзана, как и для некоторых кремлевских администраторов, она несет в себе опасность ослабления власти.

Оставался ислам в его синтетической интерпретации, где возврат к чеченской исламской традиции предполагал создание основы для экономического и социального возрождения нации, для нормализации отношений с Россией. Такой подход делал естественным обращение к наследию Кунта-хаджи. Рамзан, заявляя себя национальным лидером, однозначно претендовал на особое место в новом утверждении религии, чем отличался от остальных глав «мусульманских республик» Северного Кавказа (его отец пожертвовал

своим религиозным постом, тем самым отделив политику от религии). В Чечне складывается иной, неожиданный тип руководства, когда глава республики обретает черты негласного духовного авторитета. Это вполне в русле исламской традиции, идеал которой — халифат. Понятно, что Рамзан решительным образом отверг бы подобные сравнения, тем более что они вызывают ассоциации с исламскими радикалами.

Главным его приемом стало использование в политических целях традиционного ислама, обращение к наследию Кунта-хаджи. Рамзан и его советники, в число которых входят некоторые ближайшие родственники, внушают людям, что политика Ахмата-хаджи была современным вариантом воплощения идей Кунта-хаджи. Оба призывали к компромиссу, и главным для обоих было спасение нации. Но если суфийский шейх был лишен возможности масштабного политического действия, то первый президент Чеченской Республики сумел остановить кровопролитие и заложил основы будущего «ренессанса». С этих позиций и следует рассматривать миссию сына Ахмата-хаджи, которому судьба уготовила роль продолжателя дела отца.

Помимо ревитализации взглядов кадиритского шейха Рамзан предпринимает усилия, направленные на укрепление вирда Кунта-хаджи, превращая его в политическую основу своего правления. Суфизм в Чечне даже не приходит, а врывается в политику. Политизация суфийского ислама давно разворачивается в соседнем Дагестане. Ее начало прошло незамеченным как для российских политиков, так и для экспертов. Однако в самом Дагестане местные исследователи — Г. Османов, З. Арухов, Г. Мурклинская — на это внимание обращали. Отмечал эту тенденцию и Вахит Акаев, однажды задавшись в своей публикации 2001 г. вопросом, станут ли «зикристы у власти»²⁰.

Приход суфиев в политику стал закономерным продолжением исламского возрождения, общей политизации ислама. Полемизируя с салафитами и ваххабитами, они поддер-

живают светскую власть в ее противостоянии радикалам. Местные администраторы, многие из которых и сами ученики шейхов — мюриды (пусть пассивные и «ленивые»), обрели в суфиях верного *стратегического* союзника. Тарикаты сохраняют влияние на население, а уважение мусульман к шейхам было несравненно выше, чем к официальным имамам, назначаемым духовными управлениями. Происходит взаимная диффузия, при которой тарикаты постепенно поглощают официальный мазхабный ислам, мечетскими имамами становятся члены братств.

Власть в Чечне и Дагестане поощряет суфийских наставников, которые привлекают на свою сторону «заблудшие молодые души», подвергшиеся салафитской и ваххабитской индоктринации и потому не понимающие суфийское учение и отторгающие его ²¹. Сама администрация также втянулась в тарикатский ислам, постоянно общаясь с шейхами и даже консультируясь с ними при принятии некоторых решений. Тарикатский ислам использовался ею как политический инструмент, разумеется, если на это были готовы обе стороны.

Однако, принимая участие в политике, уделяя все больше внимания социальным вопросам, тарикаты своей идеологией и практикой стали напоминать исламистов, чей интерес также устремлен больше на мирские, чем на собственно религиозные дела. «Основные направления и специфика религиозно-политической деятельности сторонников тариката и дагестанских фундаменталистов в Дагестане, — отмечал Загир Арухов, — сводились к тому, что, во-первых, пропаганду основ своего учения... сторонники сунны и джамаата вели, не отказываясь от своей основополагающей цели — установления исламского строя. Под их влиянием последователи тариката, по крайней мере, примыкающие к духовному управлению мусульман, также все активнее стали обращаться к политической риторике»²². Сходство традиционного и «фундаментального» ислама отмечал известный в 1990-е годы великий путаник Хож-Ахмед Нухаев, инстинктивно угадавший возможность их соприкосновения: «Че-

ченский “тайпизм”, несмотря на существующие деформации и ослабления традиций, является последним очагом фундаментального Ислама». Очевидно, под фундаментальным исламом он подразумевал салафийю, поскольку он тут же противопоставляет салафитов ваххабизму²³.

Несмотря на вовлеченность суфизма в социально-политическую сферу, так сказать, его обмирщение, он воспринимается как составная часть кавказской Традиции. Муфтий Чеченской Республики Султан Мирзаев пишет о «возрождении этнокультурных ценностей, в том числе суфийского ислама»²⁴. Бросается в глаза, что муфтий явно пользуется терминологией, заимствованной из светской науки. Например, чеченский философ и культуролог В. Ю. Гадаев замечает, что «официальный суфизм и народное искусство живут как бы на разных этажах общего дома духовной культуры чеченского народа», тут же констатируя неизбежность синтеза культуры и религиозной традиции²⁵.

Выдающуюся роль суфийского ислама признают не только на Северном Кавказе. Хвала ему все чаще звучит на всем мусульманском пространстве России. Московский исследователь и проповедник Али-Вячеслав Полосин пишет, что «тарикат и сильсия»²⁶, т. е. суфизм, есть Сунна живая, это не мертвая энциклопедия цитат типа “что, где, когда?”, а реальное сопереживание Сунны Пророка Мухаммада... через нашу веру и через наших устазов, это подражание Пророку и послушание ему, как если бы он был рядом с нами»²⁷.

Некоторые мусульманские деятели, очевидно, не без влияния светской науки, начинают говорить о том, что суфизм при негативном отношении к нему со стороны власти и преследованиях «служит идеологией социального и национального протеста»²⁸. Характерно, что точно так же светские исследователи высказываются об исламском радикализме.

Между чеченскими кадиритами и накшбандийским и шазилийским тарикатами Дагестана нет принципиальных религиозных различий. Роднит их и «политическая устремленность». Разница состоит в том, что в Дагестане тарикат-

ские шейхи обладают свободой действовать самостоятельно и влиять на власти, в то время как в Чечне политизация тарикатизма инициирована Рамзаном и проходит под его руководством. Такие вот постсоветские парадоксы: ислам вводится в политический оборот союзником Кремля при его полном согласии, хотя, возможно, при непонимании долгосрочных последствий происходящего.

В 1990-е годы в словосочетании «ислам и политика» чувствовался оттенок настороженности. С политическим исламом на Кавказе ассоциировались исключительно радикалы. «Ныне, — отмечалось в резолюции состоявшегося в июне 2008 г. республиканского научно-практического семинара «Ислам в Чечне: история и современность», — Ислам становится одним из легитимных факторов общественной и политической жизни ЧР. К его основополагающим принципам, ценностям обращается светская власть, тем самым подчеркивающая свою конфессиональную идентичность»²⁹. «Светская власть» персонифицирована в Рамзане, без воли которого суфийский кадиритский ислам (конкретно — вирд Кунта-хаджи) не занял бы в Чечне такого положения.

Рамзан взял под контроль мечети, ибо это одна из главных составляющих его надзора над обществом, в первую очередь над молодежью. Опыт соседних республик свидетельствует, что именно мечети становятся оплотом оппозиции. Рамзан установил над мечетями двойной контроль — подчиненного ему духовенства и свой собственный. В октябре 2008 г. в Грозном на совещании кадиев районов Чеченской Республики Султан Мирзаев признал, что в некоторых мечетях «отсутствует надлежащий порядок» и необходимо во всех мечетях республики закрепить ответственных лиц, «которые будут способствовать соблюдению дисциплины и порядка». Также он предложил ежеквартально проводить образовательные, религиозные семинары в средних школах³⁰. Главной их целью должно стать воспитание преданности главному чеченскому святому и нынешнему президенту. Интересно, что Султан Мирзаев, который был предложен (фактически назначен)

на пост муфтия Чечни самим Рамзаном, в прошлом работал в Верховном шариатском суде сепаратистской Ичкерии³¹. Его биография напоминает биографию Ахмата-хаджи, состоявшего муфтием Ичкерии.

Предметом особой заботы Рамзана стал профессионализм священнослужителей. Низкий уровень их богословских знаний, отсутствие навыков религиозной риторики — общая беда всего российского ислама. В Чечне после завершения в 2008 г. строительства здания Духовного управления Рамзан решительно вывел за штат всех его сотрудников, отдав распоряжение восстанавливать их только после подтверждения необходимой квалификации. «Мы повышаем требования к профессиональным качествам сотрудников муфтията, — прокомментировал сложившееся положение муфтий Мирзаев. — Они должны иметь не только высшее образование по специальности, но и обладать навыками работы с населением, умением правильно читать проповеди, разрешать конфликтные ситуации»³².

Делая ставку на кадиритский ислам, Рамзан действительно укрепляет свои позиции, апеллируя к истории, к чеченской традиции. Он нашел для этого самую подходящую фигуру: мудрого шейха, выступавшего за компромисс с Россией и считавшего, что главное — спасти народ. Такой подход созвучен и установке Рамзана на то, что Чечня — «исключительный» субъект Российской Федерации, что у нее вообще исключительная роль в мире, ибо, как выразился чеченский автор Абу-бакар Дидиев, историческое предназначение чеченского народа состоит в том, что «через него Слово Всевышнего должно... дойти до человечества»³³. А чеченский философ С.-Х. М. Нунуев надеется, что «в сохранении и развитии духовности мы (чеченцы. — А. М.) в состоянии задавать тон всей России»³⁴. Наивные мессианские установки полностью избавляют Чечню от опасного для нее комплекса неполноценности.

Рамзан создает в Чечне соответствующую исламскую атмосферу. Вот несколько примеров. Он с размахом отмечает мусульманские праздники, не скупясь в дни *‘ид аль-адха*

(курбан-байрама) на богатые жертвы — верблюдов, коров. В 2005 г. он пригнал из Астрахани животных, мясо которых после жертвоприношения было роздано неимущим. С 2009 г. Чеченская государственная телерадиокомпания «Грозный» во время хаджа будет вести прямые трансляции из Саудовской Аравии. Находящимся на государственной службе женщинам, а также журналисткам и студенткам было предложено носить головные платки. В 2006 г. шестерым студенткам Грозненского университета, пришедшим на встречу с президентом в платках, Рамзан вручил по тысяче долларов. В том же году по 1500 долл. получил каждый паломник, отправлявшийся в хадж в Мекку и Медину³⁵. С 2009 г. в Чечне начинает действовать «международный стандарт халяльной продукции»³⁶. В некоторых населенных пунктах, например в Центорое, принимается запрет на продажу алкогольных напитков.

К 2009 г. на территории Чечни действовало свыше 400 мечетей (как зарегистрированных, так и незарегистрированных). Их число продолжает расти. На вопрос, много ли людей их посещает, мне отвечали: «Достаточно, в основном молодежь». В Татарстане же, Башкирии собеседники признавались, что мечети пусты, а в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии — что «народу мало».

В октябре 2008 г. в Грозном состоялось открытие крупнейшей в России и Европе мечети имени Ахмата-хаджи. Мечеть с четырьмя 62-метровыми минаретами вмещает 10 тыс. верующих. Она превосходит по размерам и соборную мечеть в Махачкале, и знаменитую казанскую Кул Шариф. «Инаугурация» (так было написано в приглашении) мечети явилась политическим мероприятием, куда были приглашены гости из арабских стран, Турции, Европы. Посетил мечеть (хотя и не в момент ее открытия) и Владимир Путин, отметивший, что это «подарок мусульманам всего мира»³⁷. Замечание президента России отнюдь не случайно. В его глазах появление такой колоссальной мечети в Чечне — не просто признание завершения чеченского конфлик-

та, но своего рода доказательство мусульманскому миру, что у России нет конфликтов с исламом.

Для Рамзана такая мечеть помимо всего прочего еще и символ собственного могущества — ему, самому молодому, самому «рисковому» главе самого необычного субъекта Федерации, удалось построить невиданный доселе в России мусульманский храм. Для него это любимая «большая игрушка».

Типичным и увлекательным при возрождении исламской традиции оказывается вопрос о многоженстве. О целесообразности возврата к полигамии говорил еще бывший президент Ингушетии Руслан Аушев, об этом вели речь и депутаты парламентов Татарстана и Башкирии, эту идею поддерживали многие российские муфтии и имамы, а некоторые, например, муфтий Духовного управления мусульман Поволжья Мукаддас Бибарсов, от слов перешли к делу и, следуя законам шариата, обзавелись вторыми супругами.

Рамзан не мог стороной обойти этот репрезентативный вопрос и однозначно высказался в поддержку полигамии, объявив, что в Чечне в результате двух войн женщин стало на 10% больше, чем мужчин ³⁸ (призрак возврата к многоженству появился в Чечне еще при Дудаеве, и в то время чеченки весьма опасались этого направления в исламизации ³⁹). Предложение Рамзана легализовать полигамию вызвало противоречивую реакцию.

Ахмат-хаджи вопрос о введении полигамии не ставил. И в этом опять-таки проявлялась его дипломатичность, стремление уходить от вопросов, способствующих возникновению в обществе ненужного диссонанса. В 2002 г. Ахмат-хаджи уверял, что в процентном отношении прирост населения среди чеченцев самый большой в России ⁴⁰. Тогдашний премьер Чечни Ильясов говорил, что на территории республики проживает 1088 тыс. человек, что в республике 217 тыс. школьников и свыше 120 тыс. детей дошкольного возраста. По нашим сведениям, отмечал Ильясов, во время войны погибло около 10 тыс.⁴¹ Он признавал: не является секретом, что у некоторых мужчин сегодня по две и даже

по три супруги. Однако ни он, ни Ахмат-хаджи не видели в полигамии выход из «демографического кризиса», которого в Чечне по большому счету и не было. Введение полигамии поддержали 54% населения, тогда как против выступили 38% (среди противников большинство составили женщины⁴²).

Можно согласиться с тем, что поощрение Рамзаном полигамии действительно отражало его тревогу о восполнения чеченской нацией военных потерь. Однако к этому можно присовокупить и то, что многоженство вошло в моду у чеченской элиты, приверженцев Рамзана, стало вопросом престижа. И Рамзан его всячески поощрял.

В 2006 г. Рамзан закрыл игорные дома, ибо игорный бизнес противоречит исламской традиции (в Дагестане такой запрет вышел позднее; задержка произошла потому, что в игорный бизнес вкладывали деньги некоторые местные политики).

В январе 2007 г. Рамзан принял решение о ликвидации детских домов. «Мы чеченцы, — заявил он, — а по нашим обычаям категорически запрещается отдавать детей или стариков в приюты. Это всегда считалось позором для всего рода»⁴³. В том же году он начал продвигать идею обязательного преподавания в школах чеченского языка.

Директивная ретрадиционализация, порой принимающая ажиотажный характер, вызывает у части общества отторжение, которое публично не проявляется. Также немало в Грозном тех, кто не испытывает особой радости по поводу того, что именно в их городе появилась самая большая мечеть в Европе. Мне рассказывали, что на ее открытие в столицу Чечни автобусами свозили людей из отдаленных районов и сел, ибо сами горожане не рвались туда попасть. К тому же далеко не все верят в религиозную искренность Рамзана, не все чеченцы разделяют официальный восторг относительно сакрализации Кунта-хаджи.

Тяга к исламу среди образованной части населения, особенно городского, выражена меньше, чем в горных районах. К усилению влияния ислама с настороженностью от-

носятся женщины и девушки, вынужденные одеваться в соответствии с исламскими нормами скромности.

Исламизация провоцирует рост напряженности в чеченских семьях. Молодежь посещает мечеть, юноши — намного чаще отцов, которых они обвиняют в забвении религии. «Ваха в мечеть отправился, а папа его — пока нет, сидит, выпивает», — услышал я от милой девушки из интеллигентной семьи. «Чечня — колыбель шейхов, — пишет в своем сочинении чеченский школьник. — Они предсказали нам мирную счастливую жизнь. Народ верит в это»⁴⁴.

Во время войн в обществе сложился водораздел: к исламу больше апеллировали сепаратисты, чем сторонники сохранения в составе России. И теперь, когда власть фактически находится в руках бывших муджахедов, пропаганда ислама пугает сторонников светского государства. Недовольство вызывает монополизация ислама членами вирда Кунта-хаджи, остальные вирды чувствуют себя ущемленными.

Вряд ли кто-нибудь рискует обсуждать эти острые вопросы с самим Рамзаном, хотя чеченского президента знакомят с публикациями, в которых анализируется его практика использования ислама. По выражению известного российского политика, занимавшего ответственный пост в Южном федеральном округе, Рамзан «обучаем».

Насколько далеко зайдет привлечение религии в политику, причем не только в Чечне, но также в соседних с ней республиках, сказать трудно. Новая волна исламизации обостряет чувство религиозной идентичности, усиливает осознание человеком себя как члена мусульманской уммы. При общей рыхлости общегражданских ценностей в России это ведет к этнокультурному и религиозному обособлению. Преодолев сепаратизм, Россия и Чечня, при всей лояльности ее главы Рамзана Кадырова, могут внезапно обнаружить растущую между ними культурную и идентификационную дистанцию.

¹ Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ: 1918—1956: Опыт художественного исследования: V—VII. — Екатеринбург: У-Фактория, 2006. — Ч. 6, гл. 4. — С. 181.

² Тишков В. Слова и образы в постконфликтной реконструкции // Чечня: от конфликта к стабильности (проблемы реконструкции). — М., 2001. — С. 72.

³ Ахмадов Я. З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. — М., 2001. — С. 410.

⁴ См.: См.: Нухаев Х.-А. Ведено или Вашингтон: Евразия на распутье между Варварством и Цивилизацией. — М., 2001; Нухаев Х.-А. Давид и Голиаф, или Российско-чеченская война глазами «варвара». — [Б. м.], 2001; Хлебников П. Разговор с варваром: Беседы с чеченским полевым командиром Хож-Ахмедом Нухаевым. — М., 2003.

⁵ Tchétchénie: Dix clefs pour comprendre. — Paris, 2003. — P. 91.

⁶ Мазхаб — религиозно-юридическая школа, толк. В настоящее время в мусульманском мире распространены четыре мазхаба — ханбалитский, маликитский, шафиитский и ханафитский. Два последних являются наиболее терпимыми и «либеральными».

⁷ Акаев В. Ислам в Чеченской Республике. — М., 2008. — С. 47.

⁸ Акаев В. Ислам и политика (на примере Чечни) // Чечня: от конфликта к стабильности (проблемы реконструкции). — М., 2001. — С. 144.

⁹ <http://www.kavkazcenter.com/russ/content/2007/02/14/49630.shtml>.

¹⁰ Кадыров не хочет быть таким президентом, как Алу Алханов: обзор чеченских СМИ // <http://www.regnum.ru/news/784420.html>.

¹¹ Нунуев С.-Х. М. Шейх Кунта-Хаджи: распространение тариката Кадирий в восточной части Северного Кавказа // Чеченцы в российской истории. — Грозный, 2008. — С. 67—68.

¹² Акаев В. Ислам в Чеченской Республике. — С. 72.

¹³ Зори ислама (Исламан зIаьнарш) [Грозный]. — 2007. — 3 мая.

¹⁴ Сослаббеков Ю. Чечня (Нохчичьо) — взгляд изнутри. — [Б. м.], [Б. г.]. — С. 39.

¹⁵ Акаев В. Х. Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе. — М., 1999. — С. 14. — (Исследования по прикладной и неотложной этнологии; № 127).

¹⁶ Мир внутри оцепления // Время новостей. — 2003. — 20 окт.

¹⁷ Их имена перечисляет Энвер Кисриев в своей работе «Ислам в Дагестане» (М., 2007. — С. 75—78).

¹⁸ Le Huerou A., Merlin A., Regamey A., Serano S. Tchétchénie: Une affaire intérieure? Paris: Editions Autrement, 2005. — P. 76.

¹⁹ Malashenko A. The Glitter and Poverty of Chechen Islam // The Security of the Caspian Sea Region / Ed. by G. Chufrin; SIPRI. — [S. l.]: Oxford Univ. Press, 2001. — P. 305.

- ²⁰ Акаев В. Ислам и политика (на примере Чечни). — С. 139—141.
- ²¹ Ильясов И.-Х., имам мечети Махачкалы. Созидательный потенциал суфизма // Суфизм и его роль в развитии исламского общества. — Грозный, 2008. — С. 11.
- ²² Арухов З. С. Характер и формы внешнего влияния на исламский радикализм в Дагестане // Государство и религия в Дагестане: Информ.-аналит. бюл. — 2002. — № 1. — С. 67.
- ²³ Нухаев Х.-А. Ведено или Вашингтон. — М., 2001. — С. 215.
- ²⁴ Мирзаев С. Б., председатель Духовного управления мусульман Чеченской Республики — муфтий. Суфизм в восточной части Северного Кавказа // Суфизм и его роль в развитии исламского общества. — Грозный, 2008. — С. 9.
- ²⁵ Гадаев В. Ю. Суфизм и некоторые проблемы национально-духовного развития // Там же. — С. 45.
- ²⁶ По-арабски «цепочка», в данном случае — передача религиозного знания, преемственность.
- ²⁷ Полосин А. В. Суфизм: истинная салафия, подлинный таухид и мирное развитие // Суфизм и его роль в развитии исламского общества. — Грозный, 2008. — С. 20.
- ²⁸ Емидж Н. М., муфтий республики Адыгея и Краснодарского края. Суфизм на Северном Кавказе // Там же. — С. 14.
- ²⁹ Ислам в Чечне: история и современность. — [Б. м.], 2008. — С. 63.
- ³⁰ Ан-Нур [Грозный]. — 2008. — 15 окт.
- ³¹ Акаев В. Х. Ислам в Чеченской Республике. — М., 2008. — С. 52.
- ³² http://www.islam.ru/rus/2009-01-15/?print_page.
- ³³ Дидиев А. Скрытая история пророков. — Грозный, 2008. — С. 7.
- ³⁴ Нунуев С.-Х. М. Чечня между исламской цивилизацией духа и западной цивилизацией агрессивного гедонизма // Ислам в Чечне: история и современность. — [Б. м.], 2008. — С. 25.
- ³⁵ http://www.islam.ru/pressclub/analitika/reasplaa?print_page.
- ³⁶ Ан-Нур. — 2008. — 30 сент.
- ³⁷ Смирнова И. Сердце Чечни // Росбалт Юг. — 2008. — 18 окт.
- ³⁸ Малащенко А. Как выбирали в Чечне / Моск. Центр Карнеги. — М., 2006. — С. 7.
- ³⁹ Tchétchénie... — Р. 93.
- ⁴⁰ Самый большой рост населения наблюдается в Ингушетии.
- ⁴¹ <http://www.echo.msk.ru/programs/beseda/20037>.
- ⁴² Текушев И. Северный Кавказ: взгляд изнутри / NED. — Praha, 2006. — Р. 68.
- ⁴³ В Чечне закрывают детские дома // REGIONS.RU/Новости Федерации. — 2007. — 21 янв.
- ⁴⁴ Быть чеченцем: Мир и война глазами школьников. — М., 2004. — С. 89.

ГЛАВА 6

На Кавказе и в мусульманском мире

Быть лидером всего Северного Кавказа невозможно. Этническая мозаичность, поликонфессиональность, различия в восприятии ислама, даже история региона, общность которого на деле оказывается зачастую мифологичной, разные экономические и иные интересы — все это не создает предпосылок для появления общекавказского харизматика. Единым авторитетом для кавказцев не был даже имам Шамиль.

Напротив, появление в регионе амбициозной личности, способной на нестандартные поступки, вызывает раздражение, даже страх, ибо неизбежно нарушает баланс внутри общерегиональной элиты. Таким раздражителем является и Рамзан Кадыров. Его популярность двусмысленна, тем не менее она имеет место. Тому есть две причины. Первая, объективная, состоит в исключительности недавней истории Чечни, единственной на территории Российской Федерации дерзнувшей *воевать* с Москвой. Чеченцы публично высказали и сделали то, что хотелось многим, но по тем или иным обстоятельствам не смог или не отважился сделать больше никто. Кстати, это характерно не только для Кавказа. В 1997 г. в приватной беседе один из молодых татарских националистов сказал мне буквально следующее: «Мы, татары, трусливый народ, да и гор у нас нет, а то мы бы вам, русским, показали, как чеченцы». Чеченские военные успехи будоражили сознание и вызывали зависть у многих.

Вторая причина раздражения — сама личность Рамзана: он молод, успешен, у него есть обаяние, пусть даже отрица-

тельное. Он лидер самого многочисленного народа Северного Кавказа. Ему везло. Власть на него «свалилась с неба». Ему не пришлось ее ни с кем делить, на что обречен, например, любой глава Дагестана. Он не попадал в тупиковые ситуации, как президент Северной Осетии Александр Дзасохов в Беслане, президент Кабардино-Балкарии Валерий Коков в Нальчике или глава Карачаево-Черкесии Мустафа Батдыев после захвата его кабинета недовольной толпой.

У Рамзана, единственного из северокавказских политиков, установились неформальные «дружеские» отношения с Кремлем. Журналистская легенда гласит: однажды на встрече с Рамзаном сам Дмитрий Медведев (он тогда еще не был президентом) дружески назвал чеченского премьера «старик». Владимир Путин посещает могилу его отца. Рамзан получил уникальное право в случае необходимости проводить внутричеченскую политику за пределами собственно Чечни.

Человек, который, занимая рутинный пост главы одного из 83 субъектов Федерации, попал в центр российской политики, не может не вызывать зависть. Рамзан понимает, какие чувства испытывают, глядя на него, коллеги-президенты, и наверняка это тешит его самолюбие.

Обстановка на Северном Кавказе насыщена явными и скрытыми конфликтами, уйти от которых в ближайшее время не получится. Здесь многое зависит от личной позиции того или иного лидера, который может акцентировать проблему или не обращать на нее внимания. Как правило, Рамзан не раскачивает лодку, однако и игнорировать острые углы он не может. Так, остается не урегулированной проблема некоторых межреспубликанских границ. В декабре 2005 г. Рамзан вдруг напомнил, что вопрос о расширении границ Чечни «...затягивается около 15 лет. За это время кто, как хотел, двигал межу, и территория Чечни за эти годы сократилась»². Граница между Чечней и Ингушетией была признана местными парламентами на основе делимитации 1934 г. В 1993 г. Джохар Дудаев и Руслан Аушев под-

писали отдельный договор, по которому Сунженский район передавался Ингушетии, а станицы Серноводская и Ассиновская оставались за Чечней. Однако в 2001 г. в Чечне образовали собственный Сунженский район. Острота вопроса подогревается тем, что в этих местах имеются солидные по местным масштабам залежи нефти. До сих пор до конца не урегулирована проблема Ауховского района Дагестана. Его восстановление может решить проблему проживающих здесь чеченцев-аккинцев, но может и спровоцировать обострение межэтнических отношений и новый виток обсуждения пограничных проблем. Так что высказывания Рамзана могут осложнить отношения с Ингушетией и Дагестаном.

То, что в 1958 г. Чечено-Ингушетии были переданы два крупных района Ставропольского края, Шелковской и Надтеречный, не упоминалось.

Центр не заинтересован в перекройке границ на Северном Кавказе, поскольку это обернется дополнительной напряженностью, так что рано или поздно ему придется заявить, что границы на юге Федерации проведены окончательно и бесповоротно. Но после признания Россией в сентябре 2009 г. независимости Абхазии и Южной Осетии о незыблемости границ на Кавказе говорить уже не приходится.

В последние годы периодически возникал вопрос о возможности воссоединения Чечни и Ингушетии. Провокативным фоном для подобных разговоров служило то, что Кадыров был самым сильным президентом на Северном Кавказе, тогда как Мурат Зязиков — самым слабым. Рамзан, словно тень, нависал над Ингушетией, самым фактом своего существования напоминая и ингушам, и Кремлю, как должен выглядеть настоящий президент. Существовало мнение, что главу Ингушской Республики «достал Рамзан Кадыров», который «слишком навязчиво демонстрировал, что пользуется большей любовью Путина, чем сам Мурат Зязиков»³. Кроме того, Зязиков с его рефлексивностью, постоянным стремлением уходить от острых вопросов (что он неоднократно демонстрировал в своих интервью, особенно

телевизионных) проигрывал импульсивному и уверенному в себе Рамзану.

Мурата Зязикова сравнения положения в Ингушетии и Чечне задевали. По его мнению, информация об Ингушетии была субъективной. «Руководство других регионов не подвергается такой агрессивной, эшелонированной критике. Я не знаю, на каком уровне это решается, но об инцидентах в соседних регионах не особенно говорят... Здесь, в Ингушетии, во всем всегда виноват президент». Разговоры же о воссоединении с Чечней он называл чушью⁴.

Сам Рамзан первым обсуждение этого вопроса никогда не начинал. Тем не менее еще Ахмат-хаджи добром поминал времена существования чечено-ингушской автономии и говорил, что те, «...кто уничтожил Чечено-Ингушскую АССР, сегодня называют себя отцами. Им нужна была не Чечня, а ее нефть. Я в этом убеждаюсь даже по последним высказываниям некоторых мировых деятелей»⁵. В Чечне такого рода высказывания воспринимались однозначно. «Покойный президент А.-Х. Кадыров высказывал идею объединения однозначно, хотя отдельные ингушские политики воспринимали ее в штыки», — писала еще в 2005 г. чеченская газета «Аргун»⁶. По мнению эксперта Валерия Хомякова, отец Рамзана тем самым пытался позиционировать себя «лидером и вождем вайнахского (вайнахами принято называть и ингушей, и чеченцев. — А. М.) народа»⁷.

Разговоры о воссоздании Чечено-Ингушетии велись и в чеченском парламенте, и среди чеченской диаспоры. В Чечне вдруг вспомнили том, что Кунта-хаджи, как писал ингушский муфтий И. Б. Хамхоев, «по воле Аллаха, был причиной принятия добровольно Ислама большинством ингушей в 1847 году»⁸. Правда, в самой Ингушетии это утверждение разделяют не все. Мурат Зязиков считал, что «ингушский ислам утвердился благодаря политике царских властей»⁹, и в своей обстоятельной книге «Традиционная культура ингушей: история и современность» вообще не упоминает имя Кунта-хаджи.

В декабре 2008 г. в Ингушском государственном музее краеведения был открыт раздел, посвященный исламу. В экспозиции представлено несколько реликвий — Коран, четки, книги, принадлежавшие Кунта-хаджи, а также фотографии и другие материалы, связанные с жизнью уже ингушского шейха Батал-хаджи Белхароева. Означает ли это признание значения Кунта-хаджи для Ингушетии или здесь прежде всего содержится намек на то, что у каждого народа есть собственный главный носитель исламской благодати, сказать трудно.

В конце 2007 г. в Гудермес к Рамзану из Назрани приезжала целая делегация с просьбой принять Ингушетию под свое крыло, но Рамзан гонцов даже не принял¹⁰. В октябре 2009 г. уже чеченские сторонники объединения провели небольшие митинги. Но все же перспективы воссоединения Ингушетии и Чечни близки к нулю. Только абсолютно безответственный, скажу больше, безумный политик мог бы решиться на такую авантюру. Рамзана Кадырова, обсуждающего вопрос о границе между Осетией и Чечено-Ингушетией, можно представить только в кошмарном кремлевском сне.

Рамзан не верит в воссоздание объединенной республики и сам от этой идеи неоднократно отрекался. Хотя нельзя исключать, что втайне он этого и желает, поскольку такой поворот событий открыл бы перед ним поистине захватывающие возможности влияния на ситуацию в регионе.

После смены в Ингушетии Мурата Зязикова на полковника ГРУ Юнус-бека Евкурова подобные разговоры прекратились. В октябре 2008 г. Рамзан вновь подтвердил: «...Я не поддерживаю идею слияния двух республик. Об этом я не раз заявлял в средствах массовой информации... Чеченская Республика находится на стадии активного восстановления и социально-экономического развития и потому дополнительные общественно-политические или социально-экономические нагрузки в этой ситуации крайне нежелательны»¹¹.

Непростые отношения у Чечни с Дагестаном. В 1990-е годы бурливший тогда радикальный ислам перетекал из одной республики в другую, словно по сообщающимся сосудам. Дагестанские исламисты не мыслили себя вне сотрудничества с чеченскими единомышленниками. Дагестанцы сражались в горах за независимость Чечни, а чеченцы в Дагестане поддерживали ваххабитские джамааты и призывали к созданию кавказского халифата. Образование в 1990-е годы в Дагестане знаменитой «шариатской зоны Российской Федерации» (в нее вошло несколько сел — Карамахи, Чабанмахи, Чанкурбе и Кадар) было невозможно без поддержки Шамиля Басаева.

Со стабилизацией обстановки в Чечне политическая и религиозная взаимозависимость Чечни и Дагестана ослабела. Внутридагестанские трения меньше, чем прежде, обусловлены исламом и носят характер межклановых разборок, мести правоохранительным органам. Радикальный ислам стал в Дагестане самодостаточным явлением, он существует помимо чеченских ваххабитов.

В 2005 г. отношения между республиками обострились в связи с инцидентом в расположенной на территории Чечни станице Борздиновской, большинство населения которой составляют аварцы. Чеченский спецназ провел там зачистку, в результате которой были убиты и пропали без вести несколько человек. Аварское население Борздиновской покинуло свои дома и, перейдя границу с Дагестаном, разбило палаточный лагерь. Кроме того, раздраженные сельчане перекрыли проходящую рядом автомобильную трассу. Ситуация была столь острой, что в нее пришлось вмешаться представителю президента России в Южном федеральном округе Дмитрию Козаку.

А обращение Рамзана к наследию Кунта-хаджи провело разделительную черту между кадиритским тарикатом и пользующимися в Дагестане несравненно большим влиянием тарикатами Накшбандийя и Шазилийя.

Сам Рамзан для дагестанской элиты и общества фигура неоднозначная. Его имя упоминается в связи с ин-

цидентами на чечено-дагестанской границе и стычками между силовиками обеих республик. Один из скандалов, в котором Рамзан принимал непосредственное участие, случился в январе 2005 г.: в Хасавюртовском районе Дагестана была задержана его сестра Зулай, приехавшая туда по личным делам в сопровождении двух телохранителей. У каждой из сторон была своя версия конфликта, который завершился тем, что Рамзан, в то время вице-премьер, ворвался на 25 автомобилях на территорию Дагестана и увез с собой «пленницу»¹². В состоявшейся во время «визита» короткой схватке пострадали несколько милиционеров. В связи с этой историей в Дагестане было возбуждено уголовное дело, которое затем было спущено на тормозах. Рамзан вновь продемонстрировал свою силу, а заодно и то, что он находится под покровительством Москвы, которая готова прощать ему самые рискованные выходки. Улучшению отношений с Дагестаном этот эпизод явно не способствовал. При президентстве Зязикова случаи проникновения чеченских силовых служб в Ингушетию были обычным делом. Милиция Рамзана не церемонилась, проводя оперативные действия на ингушской территории.

Можно констатировать, что у Рамзана с остальными президентами кавказских республик по большому счету не сложилось никаких отношений. Не последнюю роль здесь играет прошлое Рамзана, то, что его бывшие соратники воювали против предшественников нынешних лидеров.

На Северном Кавказе нет традиции регулярных встреч президентов, что лишний раз свидетельствует: местные элиты не чувствуют необходимости в координации своих усилий, и каждый разрешает свои трудности в одиночку, действуя непосредственно через Москву. Иногда при пересечении межреспубликанских границ начинает казаться, что переезжаешь из одного государства в другое. Северокавказские республики остаются соперниками в борьбе за федеральные средства и за поддержку центра, сильные успешные конкуренты никому из них не нужны.

Никто из северокавказских президентов не присутствовал в 2008 г. на открытии главной чеченской мечети. Президент Дагестана Муху Алиев посетил ее лишь во время «ознакомительной поездки по новостройкам» Чечни, куда он приехал после землетрясения в октябре 2008 г. С другой стороны, можно привести немало добрых высказываний северокавказских президентов в адрес Рамзана, но это скорее дань дипломатии.

Любопытно, что Рамзан практически не высказывается по поводу проблем, с которыми выходцы с Кавказа сталкиваются в России. Он возвышает голос только тогда, когда дело касается непосредственно чеченцев. Подтверждением этого стали события 30 августа 2006 г. в карельском городе Кондопога, где столкновение между чеченскими мигрантами и местными жителями привело к гибели людей и вынужденному выезду из города десятков чеченцев.

Комментируя происшедшую трагедию, глава Карелии Сергей Катанандов заявил, что выходцы с Северного Кавказа «ведут себя нагло и дерзко»¹³. Рамзан же немедленно обвинил в случившемся местные правоохранительные органы, заявив, что чеченское правительство сумеет «найти правовые методы, способные привести в ситуацию в правовое русло... Мы своих граждан никому в обиду не дадим»¹⁴. После этого немедленно поползли страшные слухи об отправке в Карелию чеченского ОМОНа. При всей невероятности такого развития событий его можно было ожидать, принимая во внимание, что чеченские правоохранительные структуры имели неофициальное право самостоятельно действовать на российской территории. Однако в Кондопогу отправилась только делегация чеченских депутатов во главе с вице-спикером Народного собрания Идрисом Усмановым.

Трагедия в Карелии чуть ли ни единственный раз привела к официальному публичному недовольству Рамзаном со стороны федеральных структур. В сентябре 2006 г. депутат от фракции «Родина» Дмитрий Савельев на пленарном

заседании Госдумы предложил Совету Думы обратиться к Владимиру Путину с просьбой об отставке Рамзана с поста премьер-министра за то, что он пообещал помощь представителям чеченской диаспоры в Кондопоге¹⁵. В связи с Кондопогой в российских СМИ вспомнили о том, что в 1990-е годы Чечню покинули 350 тыс. русских и в республике был популярен лозунг «Русские — в Рязань, ингуши — в Назрань, татары — в Казань»¹⁶.

Кондопожская история не имела серьезных последствий. Продемонстрировав свой гнев и солидарность с соотечественниками, Рамзан не стал действовать воинственно, как он привык поступать в отношении недругов. Почувствовав, что в Москве отнюдь не приветствуют его намерение поучаствовать в «разруливании» конфликта, он отступил в тень, ограничившись общей критикой распространённых в России ксенофобских настроений. Стать общероссийским защитником кавказцев ему не удалось. Да это Рамзану в конце концов и не было нужно, ибо «крутые» действия с его стороны могли привести к очередному витку кавказофобии.

К чести Рамзана, он никогда не забывал о «русском вопросе» Чечни. Нельзя сказать, чтобы он придавал ему исключительное значение, однако возврат, хотя бы символический, русского населения мог стать дополнительным фактором доверия к нему. Летом 2007 г. Общественная палата обратилась к представителю президента в Южном федеральном округе с требованием решить проблему русских. По словам Рамзана, в 2006—2008 гг. в Чечню уже вернулись 300 русскоязычных семей¹⁷. Разумеется, эта цифра не впечатляет, однако на фоне происшедших в Ингушетии убийств нескольких русских семей, не прекращающегося потока русских, выезжающих из Дагестана (теперь уже ручейка, ибо теперь в республике их осталось не более 3%), действия Рамзана выглядят весьма своевременными.

В 2007 г. на православную Пасху по поручению заместителя председателя правительства Лемы Магомадова

прихожанам православного храма Михаила Архангела было роздано по тысяче рублей. Всего на цели пасхальной благотворительности было потрачено 450 тыс. руб.¹⁸ Сам храм стал восстанавливаться еще при Ахмате-хаджи и сегодня внешне смотрится очень достойно.

Место Рамзана на Северном Кавказе невозможно правильно оценить без учета той роли, которую чеченский фактор продолжает играть в российской внешней политике, прежде всего на ее мусульманском направлении.

Еще в сентябре 2003 г., в самый канун президентских выборов в Чечне, Владимир Путин рискнул взять с собой в Нью-Йорк Ахмата-хаджи, представляя его и как главу чеченской администрации, и как своего рода контрагента в диалоге России с сепаратистской Чечней. Задачей было доказать, что «чеченизация» успешна и что Чечня обрела легитимного правителя. «Смотрины» Кадырова-старшего не стали удачными, поскольку на Западе усилиями чеченской эмиграции к нему относились как к изменнику делу независимости, он считался одним из виновников нарушения в Чечне прав человека. Более благожелательно, хотя и настороженно, отнеслись к Ахмату-хаджи в мусульманском мире. Его поездка в хадж в Саудовскую Аравию, встречи с мусульманскими политиками и духовными авторитетами привели к тому, что на Ближнем Востоке и в регионе Персидского залива, где Россию критиковали не только за войну против чеченцев, но и вообще обвиняли в постоянной войне против ислама (советскую оккупацию Афганистана там не забыли), к нему стали привыкать. Задачу примирения России с мусульманским миром Ахмат-хаджи выполнял достаточно успешно.

Рамзан сейчас играет ту же роль — добивается в глазах мирового мусульманства полноценной легитимности, которая должна свидетельствовать об окончательном завершении чеченского конфликта. Цели Рамзана и Кремля полностью совпадают. Рамзан постоянно выражает свое согласие с официальным российским курсом, делая при этом упор на критику Запада. Приведу хотя бы такое его высказывание:

«Что касается политики США, она мне не нравится абсолютно. Они оскорбили, в том числе и меня, как мусульманина, когда повесили Саддама Хусейна в мусульманский праздник»¹⁹. В искренности рамзановского антивестернизма не приходится сомневаться.

Рамзан создает вокруг себя некую внешнеполитическую ауру (отсюда беспрестанные сообщения в прессе о его встречах с иностранцами), стремится демонстрировать перед Москвой свою значимость и способность улучшать российско-мусульманские отношения. Одновременно он пытается сделать более весомым свой персональный авторитет как главы «особой республики», которую нельзя считать лишь частью России. Ему чрезвычайно льстит, когда подобного рода претензии встречают понимание. Ему было крайне приятно услышать в 2007 г. от президента Казахстана Нурсулатана Назарбаева, что тот «принимает Рамзана Кадырова не как главу субъекта, а как главу правительства отдельного государства»²⁰.

Рамзан настойчиво завязывает прямые связи между Чечней и мусульманскими странами и организациями, в том числе с Организацией «Исламская конференция». Он представил там несколько инвестиционных проектов по Чечне, в частности, строительства электростанции на реке Аргун, кирпичного завода, медицинского диагностического центра. Ведутся переговоры об инвестициях и с Объединенными Арабскими Эмиратами, Турцией. Однако у мусульманских инвесторов, как и у любых других, возникает вопрос о гарантиях, иными словами, они хотят знать, кто несет конкретную ответственность за эти инвестиции и можно ли их вкладывать в регион, который, при всех достоинствах Рамзана, нельзя считать стабильными. Кроме того, потенциальные инвесторы не забывают и о рисках, существующих в России, из которой с началом экономического кризиса резко усилился отток капиталов. Так что Рамзану, мечтающему о привлечении в Чечню зарубежных средств, приходится очень непросто.

Имидж Рамзана в мусульманском мире важен еще и потому, что в Европе и Соединенных Штатах его как главу Чечни категорически не признают и в гости не приглашают. Не берут его с собой ни президент России, ни ее премьер, опасаясь, что хозяева и журналисты начнут задавать неудобные вопросы о правах человека, соблюдении законности.

Надо сказать, что в вопросах прав человека в Европе и Соединенных Штатах заметна избирательность. Например, там со снисхождением относились к нарушениям прав человека в Туркмении, а властям Узбекистана в конце концов простили жестокое подавление в 2005 г. волнений в Андижане. Президенты обоих государств всегда были желанными гостями на Западе. Возможно, такое различие Чечни и Центральной Азии идет от того, что, во-первых, Чечня — часть России, гуманитарные требования к которой несравненно выше, чем к Туркмении. Во-вторых, это результат активной деятельности правозащитников и журналистов, которые имеют возможность систематически и обстоятельно оповещать остальной мир о том, что происходит в Чечне. Достаточно упомянуть Анну Политковскую, книги которой выставлены едва ли не во всех книжных магазинах Европы и Америки. В-третьих, активно, хотя и не так, как прежде, ведет себя чеченская эмиграция, ее представители участвуют во всех касающихся Кавказа мероприятиях. Наконец, систематически убивают людей, которые выступают с разоблачениями Рамзана. Происходит это не в Чечне и не в России, но уже за рубежом. Формальную причастность к этому Рамзана доказать непросто, если вообще возможно, а сам он подобные обвинения категорически отвергает. Однако, например, убитый в Австрии в январе 2009 г. бывший охранник Рамзана Умар Исраилов летом 2008 г. рассказывал, что в Вене к нему приходил человек от Кадырова и, угрожая расправой, требовал забрать свои жалобы из Европейской комиссии по правам человека²¹. Журналисты и правозащитники говорят о существовании некоего списка, состоящего

из нескольких десятков и даже сотен человек (доводилось слышать цифру 300), которые должны замолчать.

Вопрос в том, насколько Рамзан боится разоблачений, насколько его беспокоят рассказы о его личных тюрьмах и пытках, в которых он (между прочим, подобно Петру I) принимает участие. Заинтересован ли он, чтобы скандальная информация не распространялась? Или, может быть, таким оригинальным способом он пытается выполнить негласное поручение Кремля, которому приходится отвечать за поведение своего ставленника?

В любом случае в ближайшее время свой имидж на Западе Рамзан улучшить уже не сможет. Так что круг его зарубежных поездок ограничен мусульманским миром. Тем не менее следует признать, что президент Чечни остается единственным (не считая Юрия Лужкова) российским регионалом, принимающим заметное участие во внешней политике страны.

| ПРИМЕЧАНИЯ |

¹ Сухов И. Футбол и партизаны: Портрет чеченской стабильности за три недели до инаугурации президента // Время новостей. — 2008. — 16 апр.

² Рискин А., Селина М. По стопам Дудаева: Чечня заговорила языком территориальных претензий // Независимая газ. — 2005. — 6 дек.

³ Милашина Е. Кто убивает русских, корейцев, цыган, дагестанцев? // Новая газ. — 2007. — 20 сент.

⁴ Милашина Е. Президент Ингушетии против плана воссоединения бывшей советской республики // Новая газ. — 2007. — 17 сент.

⁵ Ахмат Кадыров стал полноправным президентом // Газета. — 2003. — 20 окт.

⁶ Мишадаев Б. Наша сила в объединении // Аргун. — 2005. — 13 июня.

⁷ Рискин А. Инаугурация за частоколом штыков // Независимая газ. — 2003. — 20 окт.

⁸ Хамхоев И. Б., муфтий Республики Ингушетия. Ислам в Ингушетии: влияние суфийского шейха Кунта-хаджи // Суфизм и его роль в развитии исламского общества. — Грозный, 2008. — С. 62.

⁹ Зязиков М. М. Традиционная культура ингушей: история и современность. — Ростов н/Д, 2004. — С. 159.

¹⁰ Кто и зачем нагнетает ситуацию в Ингушетии? Интервью с президентом Ингушетии Муратом Зязиковым // Новая газ. — 2007. — № 71.

¹¹ Президент Чечни не поддерживает идею объединения Ингушетии и Чечни // <http://www.regnum.ru/news/1076300.html>.

¹² Время новостей. — 2005. — 25 янв.

¹³ Кого пугает Кадыров? // Труд. — 2006. — 6 сент.

¹⁴ http://www.ramzan-kadyrov.ru/press.php?releases&press_id=391&month=09&year=2006.

¹⁵ <http://www.rbcdaily.ru/archive/2006/09/14/225569>.

¹⁶ Время новостей. — 2006. — 5 сент.

¹⁷ Кадыров о России: нам не уйти друг от друга // <http://www.rosbalt.ru/2008/10/27/534511.html>.

¹⁸ Акаев В. Х. Ислам в Чеченской Республике. — М., 2008. — С. 55.

¹⁹ Главарь чеченских муртадов Рамзан Кадыров обижен американцами // <http://kavkazcenter.com/russ/content/2008/09/11/60959.shtml>.

²⁰ <http://www.grpzny-inform.ru/main.mhtml?Part=8&PublID=3909>.

²¹ *Chivers C. J.* Slain Exile Detailed Cruelty of the Ruler of Chechnya // The New York Times. — 2009. — Feb. 1.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Что день грядущий готовит Рамзану?

Рамзан Кадыров — наиболее сильный и харизматический политик на Северном Кавказе. Он типичен для России, основные политические тенденции которой находят специфическое отражение в его деятельности. В 2007—2008 гг. высказывалось мнение, что в Чечне Кремль отрабатывает некую федеральную политическую модель. «Сторонники версии о “чеченском полигоне” уже строят прогнозы на предмет сокращения Федерального собрания до одной Государственной думы и гадают, не превратится ли президент Медведев в российский аналог Алу Алханова — с той разницей, что премьер-министр России если чего и дожидается в своей нынешней должности, то явно не политического совершеннолетия»¹.

Подобные надежды не оправдываются, зато очевидно, что Рамзан, выстраивая свою политическую линию, действует в подражание федеральному центру. Конечно, он работает значительно грубее, что, впрочем, в послевоенной обстановке неизбежно. «Силовой способ решения конфликта предопределил особенности выстраивания правовых институтов, функционирования правовых норм»². В ходе проведенного в Грозном социологического исследования «Состояние правового порядка» респонденты, оценивая по пятибалльной системе деятельность судов и органов прокуратуры, выставили один балл 47,7% судов и отделений прокуратуры, два балла — 22,1% судов и 25,3% прокуратур³. Иными словами, институты правопорядка по-

ступают не в соответствии с законом, но следуя указаниям кадыровской исполнительной власти.

И в Москве, и в Грозном политические отношения выстраиваются по принципу личной лояльности. Рамзан возвел его в ранг непререкаемого абсолюта: в Чеченской Республике любое нестандартное мнение выглядит чуть ли не как преступление против власти. Рамзан превратился в диктатора.

Он многого добился, восстанавливая республику: отстраиваются города, улучшаются дороги, работает инфраструктура, снизился уровень преступности. Брат Ахмата-хаджи, дядя Рамзана Хож-Ахмат-хаджи Кадыров и главный редактор газеты «Зори ислама» М. Д. Заурбеков сотворили нечто вроде прозаической оды Ахмату-хаджи, где о Рамзане написано следующее: «Рамзан счастливый парень: с первого дня, как он стал у руля власти, дал понять, что настоящий политик. Он привлек в свое окружение надежных, способных организовать дело людей и находил время для рассмотрения их нужд и потребностей. <...> Рамзан займет свое место в истории. Очень давно в Грузии правил царь, который вошел в историю как Давид-строитель. По этому показателю Рамзан уже заслуживает вечной народной памяти»⁴. Конечно, смешной панегирик. Но ведь и место в истории Рамзан займет, и парень он счастливый...

Вряд ли всего этого можно было достичь, не используя жесткие методы руководства. Рамзан возвращал и заставлял возвращаться из леса боевиков, превращая их в главную военную и политическую силу Чечни. Таков постконфликтный парадокс: республикой ныне правит именно бывшая оппозиция. Это результат путинской «чеченизации». По выражению Руслана Хасбулатова, «федеральная политика загнала пророссийских чеченцев в угол»⁵.

Невольно приходит на ум, что на протяжении всего чеченского конфликта и позже, после назначения Ахмата-хаджи главой администрации, задержаться во власти не сумел ни один промосковский чеченский политик — ни быв-

ший первый секретарь Чечено-Ингушского обкома КПСС Доку Завгаев, ни Руслан Лабазанов, ни мэр Грозного Бислан Гантамиров, ни премьер-министр Чечни, нефтяник, академик Саламбек Хаджиев, ни мелькнувший на политическом небосклоне Алу Алханов, ни могучие Ямадаевы...

Не было шансов занять места в первом ряду и у внушительной чеченской диаспоры, представленной такими личностями, как Руслан Хасбулатов, помощник президента России, генерал, доктор юридических наук Асланбек Аслаханов, известный банкир Малик Сайдуллаев, бизнесмены Умар и Хусейн Джабраиловы. Кстати, в 2002 г. во время обсуждения будущей Конституции Чечни Ахмат-хаджи говорил, что голосовать за нее должны только те, кто живет непосредственно в Чечне: «Если они хотят принять участие в жизни и становлении республики, должны жить в республике»⁶.

Из лесов, однако, вернулись не все. Количество «шайтанов» неизвестно. Их ряды пополняются, а их акции происходит с завидной регулярностью. С одной стороны, это свидетельство слабости Рамзана, с другой — дает ему возможность еще раз показать центру, насколько непроста ситуация во «вверенной» ему республике.

В Рамзана по-прежнему верит премьер Путин, чего нельзя сказать о силовой части российского истеблишмента. Фактор личного взаимопонимания Путина и Рамзана имеет колоссальное значение, но в то же время нельзя не признать, что за прошедшие годы Рамзану удалось «приучить» и других российских политиков к тому, что только он может сохранять стабильность в Чечне и эффективно продолжать ее восстановление. Как будут развиваться отношения между Рамзаном и Медведевым, комментировать не берусь, хотя вряд ли им будет присущ глубоко личностный характер.

Москве необходим в Чечне сильный президент. На протяжении еще какого-то, возможно, длительного времени центр сможет закрывать глаза на то, какими методами чеченский президент поддерживает свою власть, на его расправы с оппонентами, которые также лояльны Москве.

Особенно важен этот сильный и преданный человек в условиях экономического кризиса, грозящего перерасти в кризис политический. Что это означает для Северного Кавказа, легко представить.

Увы, неясно, окажется ли в федеральном бюджете достаточно средств для продолжения столь энергично начатого восстановления Чечни, а главное, как поведет себя чеченский президент, лишившись наиглавнейшего источника своих успехов.

Есть основания полагать, что рано или поздно имеющие место в Чечне антирамзановские настроения могут достигнуть критического уровня. В условиях кризиса их вероятность растет, и положение в республике чревато дестабилизацией.

Планирует ли Рамзан навсегда оставаться главой Чеченской Республики или когда-нибудь, действительно устав от политики, отойдет в тень, точнее, в свой серьезный бизнес? Или его ждет карьерное повышение? По собственным словам Рамзана, он «не планирует заниматься политикой на федеральном уровне, да и предложений подобных пока не было»⁷. Пока.

Практика показывает, что жизнь чеченских политиков подвержена опасностям. Рамзан постоянно пребывает «в зоне риска». Чечня без Рамзана — особая тема. Если суммировать все, что говорят об этом в Грозном и в Москве, вырисовываются три сценария: по первому при его уходе не происходит ничего, и Москва легко находит себе нового протекже, еще одного выходца из кадыровского клана; по второму после потрясения в обществе разворачивается острейшая борьба, в результате которой к власти приходит новая, также пророссийская группировка; согласно третьему сценарию все возвратится на круги своя, т. е. Чечня втянется в новую войну.

Думает ли об этом сам Рамзан, забираясь в лихие «Жигули», рискуя попасть в аварию, подвергнуться нападению ваххабита или просто неведомого мстителя?

¹ <http://www.xronika.ru/glavoe/neparlamentskaja-respublika/cat>.

² Юсупов М. «Постконфликтный» период: состояние правопорядка // Бюл. Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. — 2007. — № 74. — Июль-авг. — С. 67.

³ Там же.

⁴ Кадыров Х.-А., Заурбеков М. На светлом пути ислама. — Грозный, 2008. — Кн. 1. — С. 82—83.

⁵ Хасбулатов Р. Кремль и российско-чеченская война: Размышления о войне и мире. — М., 2002. — С. 133.

⁶ <http://www.echo.msk.ru/programs/beseda/20037>.

⁷ Кадыров о России: Нам не уйти друг от друга // <http://www.rosbalt.ru/2008/10/27/534511.html>.

- Абуль-Фарадж*. Занимательные истории. — М.; Л., 1961.
- Акаев В.* Ислам в Чеченской Республике. — М., 2008.
- Акаев В. Х.* Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе. — М., 1999. — (Исслед. по приклад. и неотлож. этнологии / Ин-т этнологии и антропологии РАН; № 127).
- Алимы и ученые против ваххабизма. — Махачкала, 2001.
- Ахмадов Я. З.* История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. — М., 2001.
- Быть чеченцем: Мир и война глазами школьников. — М., 2004.
- Гордин Я.* Утопия и реальность // Россия и Чечня: поиски выхода. — СПб., 2003.
- Дидиев А.* Скрытая история пророков. — Грозный, 2008.
- Зязиков М. М.* Традиционная культура ингушей: история и современность. — Ростов/Д, 2004.
- Ислам в Чечне: история и современность. — [Б. м.], 2008.
- Кадыров Х.-А., Заурбеков М.* На светлом пути ислама: Кн. 1. — Грозный, 2008.
- Кисриев Э.* Ислам в Дагестане. — М., 2007.
- Латынина Ю.* Ниязбек. — М., 2005.
- Малашенко А.* Как выбирали в Чечне / Моск. Центр Карнеги. — М., 2006.
- Мамакаев М.* Чеченский тейп в период его разложения. — Грозный, 1973.
- Материалы Международного миротворческого форума «Ислам религия мира и создания». — Грозный, 2007.

Нухаев Х.-А. Ведено и Вашингтон. — М., 2001.

Рябов А. Возрождение «феодальной архаики». — М., 2008. — (Рабочие материалы / Моск. Центр Карнеги; № 4).

Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ: 1918—1956: Опыт художественного исследования: V—VII. — Екатеринбург: У-Фактория, 2006.

Сосламбеков Ю. Чечня (Нохчийь) — взгляд изнутри. — [Б. м.], [б. г.].

Суфизм и его роль в развитии исламского общества. — Грозный, 2008.

Текушев И. Северный Кавказ: взгляд изнутри / NED. — Praha, 2006.

Тишков В. А. Общество в вооруженном конфликте: Этнография чеченской войны. — М., 2001.

Хасбулатов Р. Кремль и российско-чеченская война: Размышления о войне и мире. — М., 2003.

Чеченский кризис. — М., 1995. — (Генер. проект «Россия в третьем тысячелетии» / Центр комплекс. соц. исслед. и маркетинга; Вып. 8).

Чеченцы в российской истории. — Грозный, 2008.

Чечня и Россия: общества и государства. — М., 2007.

Чечня: от конфликта к стабильности (проблемы реконструкции). — М., 2001.

Le Huerou A., Merlin A., Regamey A., Serano S. Tchétchénie: Une affaire intérieure? — Paris: Ed. Autrement, 2005.

Malashenko A. The Glitter and Poverty of Chechen Islam: The Security of the Caspian Sea Region / Ed. by G. Chufrin; SIPRI. — [S. l.]: Oxford Univ. Press, 2001.

Tchétchénie. Dix clés pour comprendre. — Paris, 2003.

Периодические издания

Ан-Нур, Грозный.

Аргун, Аргун.

Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, Москва.

Военно-промышленный курьер, Москва.

Время новостей, Москва.

Газета, Москва.

Государство и религия в Дагестане: Информационно-аналитический бюллетень, Махачкала.

Зори ислама (Исламан зӀаьнарш), Грозный.

Известия, Москва.

Коммерсантъ, Москва.

Коммерсантъ-Власть, Москва.

Комсомольская правда, Москва.

Московские новости, Москва.

Московский комсомолец, Москва.

Независимая газета, Москва.

Новая газета, Москва.

Общественные науки и современность, Москва.

Парламентская газета Москва.

Ринг: Газета Федерации бокса Чеченской Республики, Грозный.

Российская газета, Москва.

Русский обозреватель, Москва.

Совершенно секретно, Москва.

Советский спорт, Москва.

Труд, Москва.

Чеченское общество, Грозный.

Эксперт, Москва.

Экспресс-газета., Москва.

The New York Times, New York.

1 |

2 |

3 |

| ФОТО 1–3 | Мечеть имени Ахмата-хаджи Кадырова —
крупнейшая в России и Европе

4 |

5 |

| ФОТО 4—5 | Эта улица ведет к Храму

6 |

7 |

8 |

| ФОТО 6—8 | Наглядная агитация

Ramzan Kadyrov is the strongest and most charismatic politician in the North Caucasus. He is typical for Russia, and his activities reflect, in their own peculiar way, the country's dominant political trends.

Using the terminology of American scholar Margaret J. Herman, Ramzan has the qualities of a “fireman leader,” good at dealing with crises, the “standard-bearer” who enjoys authority in society, and, to a lesser degree, the “trader,” able to convince people, to mobilize them to carry out his plans, and to make concessions to that end. Using another taxonomy, Ramzan is above all a careerist leader, interested primarily in his own personal success—and not just political success, but also in his own personal material prosperity.

Ramzan is a clear example of an ethno-nationalist leader, whose aim is to preserve and raise the status of his ethnic group using all *possible* means. He is a pragmatic nationalist, a mindset that determines his actions and brings him success both within Chechen society and in his relations with the federal authorities. It is hard not to contrast him with the Chechen separatist leader of 1990's and first president of the self-proclaimed Chechen Republic of Ichkeria Djokhar Dudayev, who was also an ethno-nationalist, but who, having chosen the course of separatism, failed to achieve his main goal.

Ramzan's fate reflects the complex history of the Chechen people over the last 70 years. He is a product of the disintegration of both Soviet and traditional society. His worldview was shaped by situations and processes that once seemed unimaginable: the downfall of the Soviet Union and the almost spontaneous emergence of the idea of Chechen statehood, the reformation of Chechen identity, the resurgence of tra-

ditional Islam and its synthesis with other currents that made their way into Russia from Muslim countries abroad. He witnessed and took part in Russia's collapse and the start of its revival. He was a witness to and participant in two wars. He saw the conclusion of what was, for the separatists, the honorable Agreement on Peace and the Principles for Peaceful Relations in Khasavyurt in 1997, and saw his father, Akhmat Kadyrov, join the federal side, which amounted to an admission that the struggle for independence had been lost. Akhmat Kadyrov was appointed head of the Chechen administration in 2000 and became president of Chechnya in 2003.

Ramzan Kadyrov can thus be seen as successor to Dudayev and Maskhadov, as well as heir to his father...

The whirlwind of events, combined with his lack of political experience and insufficient education, taught Kadyrov to rely on his instincts and emotions, feeling out the sentiments of his partners and opponents and playing on their weaknesses. At times he has acted on hunches and taken risks that have almost always turned out to be justified and fruitful. At times his good fortune was determined less by sharp instincts than by chance. One such 'chance' was his meeting with Vladimir Putin, now cited as a classic political stroke, after the death of his father in 2004. Ramzan and Putin established an informal relationship of trust after that occasion, paving the way for Ramzan's political ascent.

Ramzan imitates the federal authorities in Moscow in his policies at home. His is a less refined version of course, but this is inevitable in a post-war situation. "The use of force to resolve conflict has predetermined the specific ways in which legal institutions are organized and legal norms function." In the course of a sociological survey carried out in Grozny, "The State of Legal Order," which assessed judges' and prosecutors' work according to a five-point scale, respondents gave one point to 47.7% of judges and prosecutors, two points to 22.1% of judges and 25.3% of prosecutors.¹ In other words, the law-enforcement institutions act not in accordance with the law, but by following instructions from Kadyrov's executive authorities.

Ramzan Kadyrov fits ideally into the Russian political landscape. He is completely congruent with the phenomenon that political scientist Andrei Ryabov has called the revival of "feudal archaism," which has

infected the entire Russian political system. This phenomenon is characterized by weak political institutions, the wide-scale use of strong-armed administrative methods, the existence of a system of privileges, and an overgrowth of personal “informal ties.” Whether in Moscow or in Grozny, political relations are built on the principle of personal loyalty. Ramzan has made this principle an absolute imperative: any dissident opinion in Chechnya virtually constitutes a crime against the authorities. Ramzan has turned into a dictator.

This spreading feudalism is even more obvious in the North Caucasus, inasmuch as Caucasian society itself has remained semi-traditional and relations both within society and between society and the authorities are managed with reference to traditional norms. Today, this return to traditionalism contributes to the collapse of modern economic activity, falling education standards, and the out-migration of the ethnic Russian population. The resurgence of Islam is an integral part of this traditionalist revival.

Having obtained clientelist legitimacy from Putin, Ramzan is now trying to build on it, give it greater substance, and gain recognition from the Russian elite (and not just the political elite). His actions betray an unconscious desire for a broader geographical and political space and a wish to break out of Chechen provincialism. Ramzan may not necessarily be popular, but he is certainly well-known and thus informally legitimate on the Russian national stage. He has marked in his political calendar Russia’s new national holiday on November 4, commemorating the events of 1612. In 2008, he decided to celebrate on October 5 the 420th anniversary of “the establishment of good-neighborly relations with Russia,” and set up an entire organizing committee for the purpose.

He has won for himself recognition as a politician of national scale. His name is mentioned in the media, including the broadcast media, more than that of any other regional leader. In various contexts, positive and negative, his name is a talking point in Russian society and in the wider post-Soviet space. He is the most intriguing in the line of Chechen politicians that began with Djokhar Dudayev.

He has achieved much in his efforts to rebuild Chechnya: roads are being built, infrastructure is up and running, and the crime rate

has come down. It is unlikely that all of these results could have been achieved without tough leadership.

He has forced the rebels to come out of the forests and has turned them into Chechnya's main military and political force. Such is the post-conflict paradox: it is the former opposition that runs Chechnya today. Such is the result of Putin's "Chechenization." As one well-known politician, the former head of the Russian parliament Ruslan Khasbulatov, said, "federal policy has driven the pro-Russian Chechens into a corner."²

But not everyone has come out of the forests. There is still an unknown number out there. Their ranks are swelling and they carry out attacks with enviable regularity. On the one hand, this is evidence of Ramzan's weakness, while on the other hand it gives him the opportunity to demonstrate to the authorities in Moscow just how difficult a situation he faces in the republic that has been "entrusted" to him.

Putin, now prime minister, continues to believe in Ramzan, unlike the Russian establishment's security and law-enforcement officials. The personal understanding between Putin and Ramzan is of huge importance, but Ramzan has also succeeded in convincing other Russian politicians over these years that only he can maintain stability in Chechnya and effectively continue the reconstruction effort. It is hard to predict how relations between Ramzan and Medvedev will develop, although it is unlikely that they will be deeply personal.

Ramzan's guiding principle in his relations with Russia is recognition of a de-facto exceptional status for Chechnya among Russia's regions. He has three weighty arguments in this respect. First, having lived through two wars, the Chechens have suffered more than any other constituent ethnic group since the collapse of the Soviet Union; second, having stood firm in their war against Russia, they have earned the right to an "exceptional relationship;" and third, in obtaining exceptional status for his republic, Ramzan strengthens his authority in the eyes of the Chechen public, and this is what the Kremlin wants.

In Chechnya, one can hear words along the lines of, "We do not realize it, but perhaps we have today achieved precisely the independence that we fought for all these years," or that, "sooner or later Chechnya will become an independent state. But this is still a long way off and

today we can't get by without Russia." Thus, the Chechen public has come to see Ramzan's loyalty to Moscow as a continuation of the fight for independence.

Ramzan could be called a zealous Muslim. He does not conceive of himself outside of Islam. But at the same time, he treats Islam as an instrument he can use to help him reach his political goals and a tool for consolidating society. Ramzan is no stranger to high-society life, however, for which he developed a taste during his frequent visits to Moscow. In Moscow, he spends time with friends from the Chechen Diaspora and attends events far removed from Islamic ideals of behavior. He is similar to the wealthy Muslims from the Persian Gulf region, who enjoy spending time in Paris and London, far away from strict Islamic codes of conduct.

For Moscow, it is extremely important to have a strong president in Chechnya. For perhaps a long time to come, the federal authorities will remain willing to close their eyes to whatever methods the Chechen president uses to maintain his personal power, as well as to the way he deals with his opponents, who are also loyal to Moscow. It is particularly important to have a strong and loyal person in place at a time when economic crisis is threatening to turn into political crisis. It is easy to imagine what this means for the North Caucasus.

But what is less clear is whether the federal budget will have enough money to continue rebuilding Chechnya at such an energetic pace. More importantly, how will the Chechen president react to losing the most important source of his success?

There is reason to believe that, sooner or later, anti-Ramzan feelings in Chechnya could achieve critical mass. Such feelings are likely to grow as the crisis takes hold, and this threatens the republic with further destabilization.

Does Ramzan plan to remain head of Chechnya forever, or will he grow tired of politics and retire from the limelight, and possibly go into serious business? Or will he get a promotion? According to Ramzan's own words, he "does not plan to get into politics at the federal level, and there have been no such offers as yet."³ Yet.

Experience shows that Chechen politicians' lives are full of dangers. Ramzan is constantly in the "danger zone." Chechnya without

Ramzan is another issue. Conversations in Grozny and Moscow about a post-Ramzan Chechnya converge around three scenarios. The first is that nothing would happen if Kadyrov left. Moscow would easily find a new protégé, someone else from the Kadyrov clan. The second is that social upheaval would set off a fierce struggle, which would bring a new pro-Russian group into power. And the third is that everything would go back to the old ways, and Chechnya would find itself dragged into another war.

Does Ramzan himself think about all this as he drives along in cheap, dirty Zhiguli cars, risking becoming victim to a traffic accident, or an attack by Wahhabis or simply some unknown avenger?

| NOTES |

¹ Юсупов М. «Постконфликтный» период: состояние правопорядка // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. — 2007. — № 74. — Июль-авг. — С. 67.

² Хасбулатов Р. Кремль и российско-чеченская война: Размышления о войне и мире. — М., 2002. — С. 133.

³ Кадыров о России: Нам не уйти друг от друга // <http://www.rosbalt.ru/2008/10/27/534511.html>.

Фонд Карнеги за Международный Мир является неправительственной, внепартийной, некоммерческой организацией со штаб-квартирой в Вашингтоне (США). Фонд был основан в 1910 г. известным предпринимателем и общественным деятелем Эндрю Карнеги для проведения независимых исследований в области международных отношений. Фонд не занимается предоставлением грантов (стипендий) или иных видов финансирования. Деятельность Фонда Карнеги заключается в выполнении намеченных его специалистами программ исследований, организации дискуссий, подготовке и выпуске тематических изданий, информировании широкой общественности по различным вопросам внешней политики и международных отношений.

Сотрудниками Фонда Карнеги за Международный Мир являются эксперты мирового уровня, которые используют свой богатый опыт в различных областях, накопленный ими за годы работы в государственных учреждениях, средствах массовой информации, университетах и научно-исследовательских институтах, международных организациях. Фонд не представляет точку зрения какого-либо правительства, не стоит на какой-либо идеологической или политической платформе, и его сотрудники имеют самые различные позиции и взгляды.

Решение создать Московский Центр Карнеги было принято весной 1992 г. с целью реализации широких перспектив сотрудничества, которые открылись перед научными и общественными кругами США, России и новых независимых государств после окончания периода «холодной войны». С 1994 г. в рамках программы по России и Евразии, реализуемой одновременно в

Вашингтоне и Москве, Центр Карнеги осуществляет широкий спектр общественно-политических и социально-экономических исследований, организует открытые дискуссии, ведет издательскую деятельность.

Основу деятельности Московского Центра Карнеги составляют публикации и циклы семинаров по внутренней и внешней политике России, по проблемам нераспространения ядерных и обычных вооружений, российско-американских отношений, безопасности, гражданского общества, а также политических и экономических преобразований на постсоветском пространстве.

CARNEGIE ENDOWMENT FOR INTERNATIONAL PEACE

1779 Massachusetts Ave., NW, Washington, DC 20036, USA

Tel.: +1 (202) 483-7600; Fax: +1 (202) 483-1840

E-mail: info@CarnegieEndowment.org

<http://www.CarnegieEndowment.org>

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

Россия, 125009, Москва, Тверская ул., 16/2

Тел.: +7 (495) 935-8904; Факс: +7 (495) 935-8906

E-mail: info@carnegie.ru

<http://www.carnegie.ru>

АЛЕКСЕЙ МАЛАШЕНКО

**Рамзан Кадыров: российский политик
кавказской национальности**

Редактор А. И. Иоффе
Дизайн книги «АГА! Креативное Агентство»
Дизайнер Я. Красновский
Компьютерная верстка И. Королев
Фото А. В. Малашенко

В оформлении переплета использованы
фотографии ИТАР-ТАСС

Подписано к печати 29.03.09
Формат 60х90 1/16.
Гарнитура Adobe Baskerville Cyrillic
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 9.5
Тираж 4000 экз.

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)
117393, Москва, Профсоюзная ул., д. 82
Тел. 334-81-87 (дирекция)
Тел./факс: 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «ИПК Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14